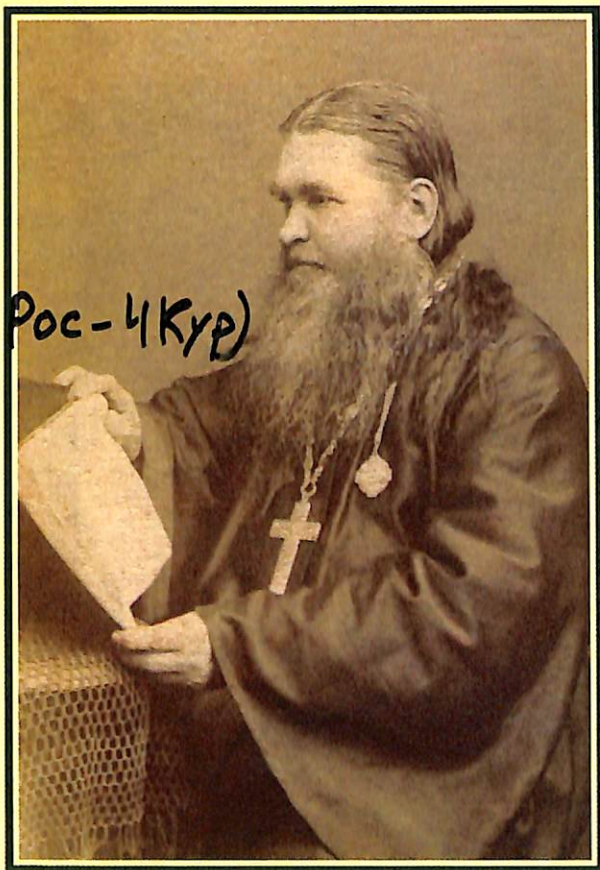

В.П. ФЕДОРОВА, Г.Р. ШАРИПОВА

ИВАН МИХЕЕВИЧ ПЕРВУШИН -
ПРОСВЕТИТЕЛЬ, КРАЕВЕД

63.3 (2 Рос-4 Кур)
Ф33

63.3(2Рос-4Кур)

Ф33 + 1

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АДМИНИСТРАЦИЯ (ПРАВИТЕЛЬСТВО)
КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.П. Федорова
Г.Р. Шарипова

*Иван Михеевич Первушин –
просветитель, краевед*

Монография

1.2.44.1.367

Курганская областная
библиотека
им. А. К. Югова
Книгохранилище
Курган 2010

002Ж

УДК 398 (571.11)
ББК 82(2) - 699
Ф 33

Печатается по заказу Администрации (Правительства)
Курганской области и по решению научного совета
Курганского государственного университета

Федорова В.П., Шарипова Г.Р. Иван Михеевич Первушин
– просветитель, краевед: Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 192 с.

Рецензенты:
А.М. Бритвин - зам.начальника Управления культуры Курганской области
И.А. Спирина - кандидат филологических наук, доцент, директор Центра народной культуры в г. Шадринске.

Монография посвящена исследованию просветительской и краеведческой деятельности зауральского священника, математика, педагога, фольклориста, этнографа, составителя и редактора рукописного журнала "Шадринский вестник" и газеты "Шадринская местность" И.М. Первушина. Деятельность И.М. Первушина в области просвещения крестьян во многом сходна с учительской практикой писателя и педагога Л.Н. Толстого. И.М. Первушину принадлежит особая роль в приобщении грамотного населения края к собирательской краеведческой работе.

Книга адресована краеведам, историкам, этнографам и всем, кто интересуется проблемами отечественной культуры.

ISBN 978-5-4217-0022-7

© Курганский
государственный
университет, 2010
© Федорова В.П.,
Шарипова Г.Р. 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Условия формирования интереса И.М. Первушина к духовной культуре крестьянства	6
1.1. Деятельность И.М. Первушина в оценке времен	6
1.2. Условия формирования интереса И.М. Первушина к духовной культуре крестьянства	19
Глава II. И.М. Первушин – просветитель, педагог	38
2.1. Сочетание педагогической и краеведческой работы	38
2.2. Проблема женского образования и воспитания в рукописном наследии И.М. Первушина	51
2.3. Специфика подхода просветителя и краеведа И.М. Первушина к народной культуре	56
2.4. Влияние научной работы на краеведческую деятельность	75
Глава III. Приобщение Первушиным крестьян к краеведческой работе	96
3.1. Пропаганда общественной значимости краеведческой деятельности	96
3.2. Устные рассказы, присланные крестьянами	102
3.2.1. История изучения устных рассказов	102
3.2.2. Специфика устных рассказов, собранных крестьянами-корреспондентами «Шадринского вестника» ...	125
Заключение	155
Список литературы	157
Приложение №1	171
Приложение №2	174
Приложение №3	176
Приложение №4	178
Приложение №5	188
Приложение №6	191

ВВЕДЕНИЕ

Возрождение интереса к истории родного края и его культуре в 1990-х годах ознаменовалось обращением к почти забытым именам отечественных священников-гуманистов. Исследование их просветительской, педагогической и краеведческой деятельности приобретает все большую актуальность. Выходят отдельные статьи, монографии, восстанавливающие подлинную, а не искажённую роль священников в истории всей страны и отдельных регионов.

Жизнь и деятельность священников-просветителей, собирателей фольклора – тема почти нетронутая. Исследователям еще предстоит определить их вклад в области просвещения и краеведения.

Социальный состав краеведов в зауральской провинции во второй половине XIX века имел свою специфику. Активное участие в комплексном изучении родного края, создании сельских школ, просвещении крестьян принимали в первую очередь духовные лица. Они по праву считались элитой, сельской интеллигенцией, наиболее образованными людьми, возложившими на себя функцию просвещения населения: организовывали первые школы, сельские библиотеки, издавали рукописные журналы.

Монография посвящена исследованию просветительской и краеведческой деятельности зауральского священника, ученого-математика, педагога, краеведа-собирателя, составителя и редактора рукописного журнала «Шадринский вестник» и газеты «Шадринская местность» И.М. Первушина (1827-1900).

Работу по краеведению и вовлечению в эту деятельность земледельцев Первушин связывал с обучением крестьян грамотности, приобщением их к чтению.

Педагогическая деятельность И.М. Первушина во многом

сходна с просветительскими взглядами и учительской практикой великого писателя, педагога Л.Н. Толстого. Размышления по поводу народного просвещения изложены ими в рукописных журналах: в «Ясной поляне» Толстого и «Шадринском вестнике» Первушина.

В один год Л.Н. Толстой и И.М. Первушин открыли школы для крестьянских детей. Они пропагандировали свои взгляды и опыт, независимо друг от друга разработали азбуку, оказывали помощь крестьянским детям деньгами, учебными пособиями, указывали на святость трудного учительского дела. Отец Иоанн Первушин и Лев Толстой трудились в области народного образования, отмечая незаурядные способности крестьянских детей и желая хоть в какой-то мере способствовать развитию народных талантов. Наиболее важным в концепции крестьянского просвещения И.М. Первушина и Л.Н. Толстого было требование бесплатного обучения простого народа, а также высокой оценки бескорыстного труда учителей, необходимость поисков путей по улучшению качества обучения и воспитания молодого поколения. Раскрывая особенности педагогической деятельности И.М. Первушина, отметим такой принцип просветителя, как связь обучения с жизнью, бытом, заботами крестьян. Об этом свидетельствует и вовлечение Первушиным крестьян в краеведческую работу.

Монография, посвященная исследованию многогранной деятельности ученого и педагога И.М. Первушина, дает методологию дальнейшего изучения просветительской и краеведческой работы священников в разных регионах страны.

ГЛАВА 1. УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА И.М. ПЕРВУШИНА К ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КРЕСТЬЯНСТВА

1.1. Деятельность И.М. Первушина в оценке времен

И.М. Первушин известен прежде всего как ученый-математик, исследователь теории малых чисел, много сделавший для прославления российской науки. Круг его интересов необычайно разнообразен. Помимо математических исследований, особое место в его деятельности занимают краеведческие наблюдения, записи произведений устного народного творчества в Зауралье.

И.М. Первушин родился в 1827 году в семье пономаря в поселке Лысьвенского завода Пермской губернии. Одним из источников изучения жизни и деятельности священника являются автобиографические заметки. Впервые некоторые вехи биографии И.М. Первушина были очерчены им самим в рукописном журнале «Шадринский вестник».

Согласно статье «Детство», он родился в семье пономаря в поселке Лысьвенского завода Пермской губернии. Уже первые часы жизни будущего математика овеяны дыханием народной культуры, крестьянских верований и семейных традиций. Ссылка на собственную семью как на носителя традиционных устоев позволяет выявить сохранение в быту Первушинных архаики крестьянских воззрений, что проявилось уже в первые минуты появления будущего ученого и фольклориста на свет: «В Лысьвенском-то заводе я и родился в воскресенье, при отходе обедни, часов в одиннадцать утра, и повит был в дедушкины порты, не знаю, по какому случаю <...> может быть, молоденькая мать моя-родильница не успела вынуть приготовленное для ребенка-первенца <...>. Как бы

то ни было, а я сделался любимцем деушки, еще ничего не понимая, а только пища бессмысленно» [30, ШВ, ст.№101]. В данном семейном предании раскрывается специфика подхода Первушина к явлениям народной культуры – рассказать о каком-либо примечательном факте и дать ему объяснение. В частности, заметна опора на семейное предание о том, что вхождение в жизнь будущего всемирно известного математика было необычным. Не зная расшифровки факта закручивания в дедовы порты, И.М. Первушин старается дойти до истины, понять причины этого необычного поведения членов семьи. Им допускается мысль, что по малолетству матушка его могла допустить оплошность – не подготовиться к рождению ребенка: «Может быть, молоденькая мать моя-родильница не успела вынуть приготовленное для ребенка-первенца» [30, ШВ, ст.№101]. В тексте, однако, проскальзывает не только бытовое объяснение. Характерно примечание о какой-то связи этого повивания с отношениями между дедом и внуком: «Как бы то ни было, а я сделался любимцем дедушки, еще ничего не понимая, а только пища бессмысленно».

Для понимания семантики повивания в дедовы штаны обратимся к современным исследованиям. А.К. Байбурин полагает: «Одевание новорожденного – следующий акт его приобщения к сфере культуры. Не случайно этой операции придавался отчетливый символический характер. После купания ребенка заворачивали в рубаху отца, причем, эта рубаха не должна была быть новой и чистой («смоеется отцовская любовь»). Лучше, если она старая и загрязненная» [66, 44]. Заворачивая ребенка в старую родительскую одежду, ожидали, что она защитит, убережет от порчи, сглаза, передаст силу родителей еще не окрепшему как телом, так и душой ребенку. Таким образом, спеленав будущего математика в дедушкины порты, ему обеспечивали дедушкину любовь. С точки зрения мифопоэтической структуры данный мотив оказался значимым: пови-

тый в дедушкины порты внук воспитывался у деда-священника, был любим, пошел по его стопам. Первушин впоследствии вспоминал: «При дедушкиной указке выучился я читать и писать. И на клирос. В старину все просто было» [30, ШВ, ст. №101].

Семейные впечатления явились для И.М. Первушина немаловажными в формировании специального интереса к фольклору. А.И. Разумова справедливо указала на специфику внутрисемейных отношений, творческое, «духовное» начало как знак отмеченности семьи: «Осмысление семейно-родственных связей создает «образы семьи», которые могут быть рассмотрены на разных уровнях <...> Варьирование данного образа определяется известными историко-культурными, этническими, социальными обстоятельствами и зависит от способов ее реализации в культуре: в речевой практике, фольклоре, литературе» [158, 16]. Далее исследователь подчеркивает, что в зависимости от этно- и социодифференцирующих признаков создаются частные образы: «русская семья», «крестьянская семья», но вместе с тем «каждая конкретная семья имеет свой внутренний образ, основанный на групповом сознании, на разделяемых её членами представлениях о собственных ценностях, образе жизни, атрибутах, статусе и прочих свойствах» [158, 16]. Высокую частотность имеет мотив династической преемственности профессии.

И.М. Первушин как член семьи потомственных священников был с детства погружен в повседневную жизнь народа. Примеры того, что занятия по хозяйству были привычным явлением быта духовенства в XIX веке, приведены в монографии А.И. Конюченко. В частности, историк воспроизводит воспоминание об укладе жизни в семье архиепископа Никанора (Бровковича): «Мой собственный отец делал по дому все собственными руками, чинил телегу, сбрую, ходил за ульями, возил навоз, драл лядо (расчищал место под паш-

ню. – А.И. Конюченко), сеял жито, только не молотил по слабости сил и не ходил с сохой, – не было там такого обычая. В Петербургской же губернии священники самолично и пахали, ходили с сохами. Вся семья, и жены и дочери, не только сыновья-студенты, и боронили, и молотили, и жали, и – конечно, – сено убирали» [111, 175-176].

Впоследствии, на протяжении всей его жизни, сан священника позволил Первушину увидеть многие черты народного быта, ускользавшие от человека, не погруженного в народную культуру. Верно отметил знаменитый этнограф А.Н. Пыпин: «Труды местного образованного круга, хотя бы иногда в них чувствовался недостаток научных средств, имеют важное преимущество того теплого отношения к родному краю, которое шире и полнее поможет раскрыть его лучшие стороны, его внутреннюю жизнь и его нужды, чем это может быть доступно для чужого глаза» [154, 449-450].

В возрасте восьми лет Первушина отдали «на обучение» в Пермское духовное училище (1838-1842 гг.). Прекрасно подготовленный дедом по латыни, нотному пению и арифметике, он быстро завоевал первое место на парте. Любимым предметом мальчика была арифметика: «Познакомился я с числами и арифметикой в 1838-1840 годах, заняла мысль о «простых числах», не давала мне покою и периодически отнимала у меня много времени и труда письменного» [139, 3]. В 1842 году Первушин был переведен в Пермскую духовную семинарию (1842-1847). В семинарии он учился математике у преподавателя Щапкова, который обратил внимание на выдающиеся математические способности своего ученика. Успехи Первушина в овладении предметом быстро продвигались вперед, он работал над производными и непроизводными числами. Его занимал вопрос: «Скоро ль прекратятся непроизводные числа, а затем последуют производные только?» [140, 5].

В 1848 году после успешного окончания Пермской духов-

тый в дедушкины порты внук воспитывался у деда-священника, был любим, пошел по его стопам. Первушин впоследствии вспоминал: «При дедушкиной указке выучился я читать и писать. И на клирос. В старину все просто было» [30, ШВ, ст.№101].

Семейные впечатления явились для И.М. Первушина немаловажными в формировании специального интереса к фольклору. А.И. Разумова справедливо указала на специфику внутрисемейных отношений, творческое, «духовное» начало как знак отмеченности семьи: «Осмысление семейно-родственных связей создает «образы семьи», которые могут быть рассмотрены на разных уровнях <...> Варьирование данного образа определяется известными историко-культурными, этническими, социальными обстоятельствами и зависит от способов ее реализации в культуре: в речевой практике, фольклоре, литературе» [158, 16]. Далее исследователь подчеркивает, что в зависимости от этно- и социодифференцирующих признаков создаются частные образы: «русская семья», «крестьянская семья», но вместе с тем «каждая конкретная семья имеет свой внутренний образ, основанный на групповом сознании, на разделяемых её членами представлениях о собственных ценностях, образе жизни, атрибутах, статусе и прочих свойствах» [158, 16]. Высокую частотность имеет мотив династической преемственности профессии.

И.М. Первушин как член семьи потомственных священников был с детства погружен в повседневную жизнь народа. Примеры того, что занятия по хозяйству были привычным явлением быта духовенства в XIX веке, приведены в монографии А.И. Конюченко. В частности, историк воспроизводит воспоминание об укладе жизни в семье архиепископа Никанора (Бровковича): «Мой собственный отец делал по дому все собственными руками, чинил телегу, сбрую, ходил за ульями, возил навоз, драл лядо (расчищал место под паш-

ню. – А.И. Конюченко), сеял жито, только не молотил по слабости сил и не ходил с сохой, – не было там такого обычая. В Петербургской же губернии священники самолично и пахали, ходили с сохами. Вся семья, и жены и дочери, не только сыновья-студенты, и боронили, и молотили, и жали, и – конечно, – сено убирали» [111, 175-176].

Впоследствии, на протяжении всей его жизни, сан священника позволил Первушину увидеть многие черты народного быта, ускользавшие от человека, не погруженного в народную культуру. Верно отметил знаменитый этнограф А.Н. Пыпин: «Труды местного образованного круга, хотя бы иногда в них чувствовался недостаток научных средств, имеют важное преимущество того теплого отношения к родному краю, которое шире и полнее поможет раскрыть его лучшие стороны, его внутреннюю жизнь и его нужды, чем это может быть доступно для чужого глаза» [154, 449-450].

В возрасте восьми лет Первушина отдали «на обучение» в Пермское духовное училище (1838-1842 гг.). Прекрасно подготовленный дедом по латыни, нотному пению и арифметике, он быстро завоевал первое место на парте. Любимым предметом мальчика была арифметика: «Познакомился я с числами и арифметикой в 1838-1840 годах, заняла мысль о «простых числах», не давала мне покою и периодически отнимала у меня много времени и труда письменного» [139, 3]. В 1842 году Первушин был переведен в Пермскую духовную семинарию (1842-1847). В семинарии он учился математике у преподавателя Щапкова, который обратил внимание на выдающиеся математические способности своего ученика. Успехи Первушина в овладении предметом быстро продвигались вперед, он работал над непроизводными и производными числами. Его занимал вопрос: «Скоро ль прскратятся непроизводные числа, а затем последуют производные только?» [140, 5].

В 1848 году после успешного окончания Пермской духов-

ной семинарии И.М. Первушин поступил в Казанскую академию, где проучился до 1852 года. В Казанской духовной академии он продолжал заниматься математикой. «Его замечают, ему помогают, – писал К.Д. Носилов, – и он блистательно сдает экзамен. На экзамене по математике присутствует новое светило математики, тогда еще молодой наш знаменитый Чебышев. Он просит обратить внимание на молодого человека» [28]. На экзамене Чебышев подарил молодому человеку свою книгу «Теория сравнений», с которой Первушин впоследствии не расставался. После окончания академии (1852 г.) он преподавал математику в Пермской духовной семинарии и одновременно служил священником в городской Свято-Троицкой церкви.

Дальнейшая судьба ученого вызывает много вопросов, споров и разногласий. «Удушливая атмосфера губернского города, – по замечанию Л.П. Осинцева, – вынуждает уехать его» [140, 6]. В 1856 году он приехал в село Замарасво Шадринского уезда Пермской губернии и стал священником местной Знаменской церкви. О причинах своего неожиданного отъезда из Перми сам Первушин, по словам его биографов, не любил говорить. О годах, проведенных в Перми после окончания академии, он писал: «Но тут бушевали страсти и произвели столько крушений, что припамятование становится болезненным для меня, соблазнительным для других, возбуждающим ядовитые насмешки в прочих – злых сердцах» [140, 6].

В.П. Тимофеев и А.Е. Раик полагали, что отъезд из Перми был как-то связан с причастностью молодого священника к Пермско-Казанскому революционному кружку: «И.М. Первушин, очевидно, принимал активное участие в революционной деятельности в Перми и Казани в 40-х и 50-х годах XIX века. Весьма возможно, что его назначение в отдаленное село Замараевское Шадринского уезда Пермской губернии рядовым священником следует рассматривать как наказание» [171, 15].

Единственным аргументом служит документ, обнаруженный математиком А.Е. Раик в ЦГИАМ, где упоминается имя Первушина в списке членов этого кружка. Данный список был составлен в 1862 году флигель-адъютантом подполковником Мезенцевым. В этом списке под рубрикой «П» № 8 значилось: «Первушин, священник в Шадринском уезде Пермской губернии (сомнительно, чтобы нынче участвовал)» [171, 15].

Атрибуция времени «нынче» дает основание предполагать, что в годы учебы Первушин вызывал подозрения властей своей общественной активностью. Отметим, что в Пермской семинарии действительно существовало сообщество радикально настроенных учащихся, которые в 1859-1860 годах подпольно выпускали журнал «Семинарский колокол» (позднее – «Семинарский звонок»).

Эту точку зрения поддерживал и В.П. Бирюков: «В 1850-х годах в семинарии возник революционный кружок, который наделал много хлопот священнейшему Синоду православной церкви» [79, 131]. Н.А. Миненко и С.В. Федоров в свою очередь пришли к заключению, что И.М. Первушин «не поладил с чиновниками духовной консистории» [123, 6]. Опасную общественную деятельность Первушина они не увидели: «О каких-либо «разоблачениях», связанных с этим сообществом и относящихся к середине 1850-х годов, сведений не имеется. Скорее, И.М. Первушин вынужден был покинуть Пермь из-за какого-то конфликта с властями. Характер у него был задиристый, и с начальством – и светским и духовным – он и в шадринские годы вел почти непрерывную «войну» [123, 129]. Ссылка на «удушливую обстановку» губернского города как основу переезда в сельскую глухомань уязвима более всего.

С 1856 по 1883 г.г. И.М. Первушин прожил в селе Замараеве Шадринского уезда. Историк города Перми и Пермского края А.А. Дмитриев, навещавший священника-математика, отмечал: «Жил он в деревенской глуши в полной неизвестно-

сти, но по-своему был счастлив. Как отличный математик, отец Иоанн весь свой досуг употреблял на занятия этой наукой, был в переписке со многими известными учеными этой же специальности, много читал, выписывал книги и журналы и сделал даже важные открытия в теории чисел, за которые был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской, Парижской и Неаполитанской академии наук» [17, 50-51]. Первушин был знаком с историками Пермского края Д.Д. Смышляевым, А.А. Дмитриевым, зауральским краеведом А.Н. Зыряновым. В Мехонку к нему приезжали секретарь Уральского общества любителей естествознания О.Е. Клерс женой, писатель и путешественник К.Д. Носилов.

Оказавшись на шадринской земле, вдали от губернского центра, он быстро сумел войти в новый для себя мир, найти друзей, определиться с кругом занятий. Первушин следил за развитием общественной мысли в России, в духе времени издавал рукописный журнал «Шадринский вестник» и газету «Шадринская местность», на страницах которых неоднократно цитировал В.Г. Белинского, строки из выписываемых журналов «Русское слово», «Отечественные записки».

Влияние на активную деятельность И.М. Первушина оказали насущные проблемы эпохи. Характеристикой XIX века, особенно его середины, служит то внимание, с каким общество отнеслось к проблеме освобождения народа. Начиная с пятидесятых годов, стала очевидной для всех необходимость внутренних социальных преобразований и просвещения народа. Это было время зарождения и широкого распространения общественно-педагогического движения в России. Идеями народного просвещения были увлечены представители прогрессивной интеллигенции. Не случайно автор «Шадринского вестника» призывал: «Кому дано побольше – делись с другими – не серебром и золотом (и то хорошо), но неценным сокровищем – мысли, свободного слова» [2, ШВ. кн.2, ст.17;

1861 г.]. Особенностью его деятельности являлось то, что свои размышления о человеке, о будущем страны он подкреплял практикой. В 1859 году священнику И.М. Первушину удалось открыть школу в селе. Помимо священнических, педагогических обязанностей он продолжал упорно трудиться в интересующей его области научных трудов, переписки с математиками из Казани и Петербурга.

В ноябре 1877-1878 гг. в Академию наук математиком были представлены записки с сообщением об итогах математических упражнений. Результаты, полученные им в области исследования простых чисел, заинтересовали столичных ученых. 8 марта 1878 года Академия наук известила Первушина, что об открытиях ученого будет помещена заметка в академическом издании и просила его представить сведения о методах и средствах проводимых им исследований.

С этого времени началась регулярная переписка Первушина с Санкт-Петербургскими учеными. Необходимо отметить, что шадринский священник прислал в Академию наук свыше 20 записок, по которым можно было проследить ход его работы над теорией малых чисел.

А.Е. Раик обратила внимание на то, что в Академию наук Первушиным были присланы и таблицы чисел, занявшие 750 листов. О Первушине заговорили в научных кругах как о крупном математическом таланте.

И.М. Первушин не имел специального математического образования. Многие этапы своего роста как ученого-математика ему пришлось преодолевать с большим трудом, тратить много сил и времени на ненужные дополнительные вычисления, поиски. Он и сам отмечал, что, окончив высшее учебное заведение, «не разгадал младенческой загадки в теории простых чисел» [28]. Ему помогла книга П.Л. Чебышева, изучив которую, математик вплотную принялся за исследования по теории чисел. В 1877 году в Российскую академию

пришла его первая работа в области деления чисел, в феврале 1878 года – еще одна, о чем было сообщено академиком В.Я. Буняковским на заседании физико-математического отделения 4 апреля 1878 года. «Эти две работы, – писал его земляк, ученый-полярник и писатель К.Д. Носилов, – делают его известным в числе математиков. Академия наук посылает ему свои труды; вице-президент ее, знаменитый Буняковский, обменивается с ним своими трудами; знаменитый французский математик Люкас шлет тоже из Парижа ему свои труды» [28]. В последующие годы математик продолжает работать над новыми математическими работами: «Он шел к их разрешению ценой громадных напряжений воли и мозга» [28]. Наконец, в 1883 году ему удалось установить самое большое для того времени простое число: 2 в 61 степени минус единица, которое вошло в науку под названием «число Первушина». Доказательство Первушина было подтверждено математиком Зегельгофом.

«Глубокое течение математической мысли часто без остатка захватывало математика, – справедливо отмечал Л.П. Осинцев, – поэтому внешние проявления мысли, перешедшие в поведение, не могли быть не зафиксированы современниками» [140, 8].

В.П. Бирюков на основе воспоминаний земляков Первушина в статье «Драма математика» указал на то, какое место занимала наука в жизни священника: «Ночью пронеслась гроза, к утру природа успокоилась, и восходящее солнце стало освещать только что обмытую, похорошевшую землю. Аромат цветущей черемухи носится в воздухе. Он дразнит и горячит творческие силы молодого математика, которого судьба втиснула в поповскую рясу. Конец 1850-х годов. В селе Замараеве, – на тракту Екатеринбург – Шадринск, – Троицын День. Народу в церкви «туго». Отец Иван, наскоро <...> чуть не рысью примчался домой и сел за свои бесконечные цифры. Увлеченный работой в обла-

сти теории чисел, Иван Михеевич Первушин постоянно советуется с томом классического труда академика Чебышева. Тот лично подарил молодому математику свою книгу. Оторвавшись от кухни, в комнату входит с засученными рукавами молодая попадьа.

– Ваня, да что это ты все сидишь, к обедне уж больше часа звонят. Брось ты свою цифирь да иди служить. Только смотри, не читай ты за службой газет, – и так уж тебя все безбожником зовут. И, пожалуйста, не затягивай ты службы, не черкайся на стенах.

Но мудрено оторвать Ивана Михеевича от стола. Лишь после третьего энергичного вмешательства жены нехотя плетется он вновь в церковь» [5]. Любопытный материал об увлечении Первушина В. Бирюков сопроводил словами: «Рано овдовев и будучи уже стариком, в беседе с редкими друзьями грустно вспоминал порой этот день автор известного в науке «первушинского числа» и член иностранных академий» [5].

Собирая сведения о священнике-математике, Бирюков записал воспоминания о нём жителей села Мехонского – людей разного социального положения и психологического склада – крестьян, чиновников, учителей. Так, 2 марта 1940 г. провизор П.А. Иванов на 86-м году его жизни вспоминал рассказ Первушина: «У меня, – говорил И.М. Первушин, – в алтаре одна стена вся записана цифрами. Когда думаешь, придет мысль, если не записать, забудешь» [4]. Современники Первушина подтверждали это. «Есть у нас такой человек, все занимается цифрами. И так много цифр написал, что ими можно весь земной шар опоясать, если поставить их в ряд», – рассказывал об известном земляке уроженец села Бакланки Каргапольского района А. Богомоллов [4].

Много интересных подробностей из жизни Первушина, содержится в письмах его современника и друга О.Е. Клера. Математику Л.И. Гаврилову секретарь УОЛЕ О.Е. Клер писал

следующее: «Интересующий Вас и действительно весьма интересный природный математик-священник И.М. Первушин являлся темой для нескольких краеведов-исследователей. Как член УОЛЕ он бывал у моего отца, когда я был маленьким мальчиком. Я помню рассказ матери, что она видела на огороде у Ивана Михеевича новое здание бани из белых круглых бревен сплошь, до отказа исписанное математическими формулами и разными вычислениями, написанными карандашом. Затем передавали, что священник Первушин, охваченный в своем математическом мышлении, иногда стоя перед престолом в алтаре, не давал реплик на песнопения хора или дьякона, совершенно выключаясь из хода богослужения» [4].

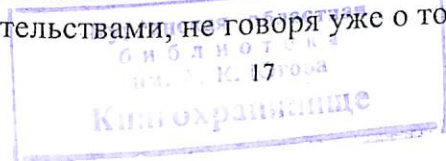
Рассказы прихожан, мнения современников, друзей, исследователей деятельности математика, педагога и краеведа Первушина раскрывают незаурядную многогранную личность.

На заседании 30 мая 1891 года председатель казанского физико-математического общества А.В. Васильев, докладывая о труде священника из замараевской глухомани в области простых чисел, выразил надежду, что «мастистый математик не откажется познакомить физико-математическое общество в связном изложении с методами и результатами своих научных работ» [14]. Возможно, общественное мнение способствовало переводу Первушина из отдаленного села Замараевского в уездный центр – город Шадринск, где работали книжные лавки и почтовая контора. Заметной была духовная жизнь.

Шадринский период жизни ученого (1884-1887) оказался коротким. Причиной тому явилась дерзость священника, на что косвенно указывает его рукописный памфлет «Отрезвительное значение игральных карт». В нем высмеяны казенные звания и должности, сопоставленные автором с достоинством игральных карт. Этот случай записан В.П. Бирюковым. В воспоминаниях К.С. Боголеповой (дочери священника села Шутинское Камышловского уезда) о священнике Пер-

вушине под названием «Троица, что карточные короли» рассказано о том, как И.М. Первушин популярно объяснил купцам религиозные догмы о том, что бог един, а троичен в лицах: «Вот вам три короля. Масти у них разные, а должность у всех одна, королевская. Так и три лица святой троицы: масти у них разные, а сила власти одна» [4]. Причину высылки о. Иоанна из Шадринска раскрывает донос. Было следствие. После окончания следствия 29 марта 1887 года Екатеринбургская духовная консистория постановила лишить священника Первушина прихода. Основанием для этого послужило конфиденциальное сообщение начальника Пермского губернского жандармского управления полковника Евстифеева за № 642 от 25 октября 1886 года. По всей видимости, И.М. Первушин находился под непрерывным наблюдением со стороны работников земской управы. Отметим тот факт, что в Шадринском филиале Курганского областного архива хранится документ – копия доноса Шадринской уездной земской управы на математика И.М. Первушина архиепископу пермскому и верхотурскому, написанный еще 18 марта 1877 года. Можно отметить нелогичность доноса, не совсем понятны основания обвинений: «Священник Замараевской Знаменской церкви Иоанн Первушин позволяет себе настолько неприличные и оскорбительные сношения с земской управою, что оглашение их путем законного преследования священника Первушина унизило бы самый сан священства в глазах народа и даже могло иметь влияние на ослабление религиозной нравственности. Например, он, священник, выражается так: «(Смотрите послание апостола Иакова). Этот бойкий богослов пожалуется мировому судье». Кто этот бойкий богослов? Апостол ли Иаков или запрещенный священник, о котором хлопочет священник Первушин? Затем самое его писание к управе, перемешанное с ссылками на главы священного писания, наполняется глубокими ругательствами, не говоря уже о том, что все его пи-

1. 29. 1887

сание есть непростительное вмешательство в круг обязанностей, не предоставленных ему законом. Во избежание огласки действий Первушина, управа по постановлению своего 9 сего марта определила: хотя действия священника Первушина вполне достойны возбуждения против него уголовного преследования, но управа на первое время находит полезным ограничиться почтительнейшею просьбою пред Вашим высокопреосвященством дать отцу Первушину архиерейское внушение вести себя на будущее время достойно своему высокому сану» [137].

В 1887 году при содействии Академии наук И.М. Первушин получил новый приход в селе Мехонском Шадринского уезда. Как отмечено в книге В.П. Тимофеева, «Мехонский период жизни И.М. Первушина был спокойным и плодотворным. У него продолжают контакты с Академией наук в Петербурге, он устанавливает связь с зарубежными коллегами и математическими учреждениями, избирается действительным членом физико-математического общества и находится в переписке с его председателем – профессором А.В. Васильевым, участвует в международных математических конкурсах, публикует свои работы, о которых пишут в русских и зарубежных математических изданиях (Казань, Париж, Цюрих, Неаполь)» [171, 39]. Еще при жизни о нем появилась статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Как в Замараеве, так и в Мехонском, ученый-математик систематически занимался метеорологическими наблюдениями и постоянно отсылал данные наблюдения в Екатеринбургскую обсерваторию УОЛЕ. В письме к О.Е. Клеру 11 декабря 1894 года он сообщал, что получил метельные, осадочные и грозовые бланки, а также бланки для наблюдения примерных земледельческих полей. К.Д. Носилов, посетивший И.М. Первушина незадолго до его смерти, так рассказывал об образе жизни известного миру ученых человека, разнообра-

зии его интересов: «У него нет свободного времени, он вечно чем-либо занят, и этот переход от работы к другой, от вопроса к другому, кажется, и наполняет так его жизнь, что он не замечает, как проживает целые годы. Говорят, порой, увлекаясь, он еще и теперь, как в прежнее время, просиживает целые ночи за математическими выкладками, когда ему не удается их сделать днем из-за служб и треб <...>. Кроме того, что он математик, – он еще и статистик, метеоролог, корреспондент. Это какая-то кипучая натура, которая словно боится день один потерять в своей жизни, чтобы не отметить его своей работой, чтобы что-нибудь не сделать для науки или пользы общества» [28, 9].

Умер И.М. Первушин в 1900 году в селе Мехонском современного Шадринского района, там он и похоронен. Математик К.А. Торопов, преклонявшийся перед талантом математика, справедливо оценил его вклад в науку: «Умер он 74 лет в той же Мехонке, оставленный, как и в Замараевой, всеми в покое, а, может быть, и забытый опять. Но не забыла и не забудет его математическая наука, которой он посвятил бескорыстно всю свою жизнь. Первушинское число известно не только современникам, но его будут знать и отдаленнейшие потомки» [34, 3].

1.2. Условия формирования интереса И.М. Первушина к духовной культуре крестьянства

Деятельность И.М. Первушина датируется переходным периодом в истории нашей страны. Его рукописный журнал «Шадринский вестник» и несколько номеров газеты «Шадринская местность», созданные в переломные моменты в истории России – 1860-1862 годы, отразили веяния, умонастроения пореформенной эпохи, включающие поиски смысла жизни человека, его назначения на земле. Реформа 1861 года столкнула интересы всех общественных групп. Развитие России в

результате решения самого главного в истории страны социального вопроса не могло не взволновать умы ученых, политических деятелей, писателей. Представители всех общественных групп пытались понять человека-крестьянина накануне реформы, его взгляды на мир. Задавались вопросами о том, каково положение его в современном обществе, сможет ли он обустроить свою судьбу, получив волю.

Это противоречивое, бурное время ознаменовалось «оживлением демократического движения в Европе, польским брожением, недовольством в Финляндии» [53, 85]. В России оно проявилось реорганизацией цензуры, провозглашением гласности, возникновением новой общественной мысли и вместе с ней надеждами на скорое преобразование страны.

Сферой деятельности русской публицистики, отразившей «состояние умов», стал анализ общего состояния России, отдельных сторон социальной, общественной и духовной жизни. Её широкий спектр проблематики был отмечен Н.А. Добролюбовым. «Публика» заговорила обо всём, а литература, получившая «общественное значение», откликнулась на это десятками статей о железных дорогах, таможенном тарифе и свободе торговли, «состоянии земледельческого класса», свободном труде, задачах воспитания, пороках чиновничества» [53, 147-148]. Ведущей темой являлся крестьянский вопрос. В действительности «проблематика публицистики охватывала <...> все грани внутренней политики, каждый из временных отрезков имел свою, главную именно для данного момента тему. Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. таковой была отмена крепостного права, которая непосредственно затрагивала свыше 20 млн. крепостного населения и более чем 100 тыс. помещиков, а опосредованно и всё население такой аграрной страны, как Россия» [53, 134-135]. Жгучая потребность в свободном обсуждении данной насущнейшей проблемы привела к учреждению большого количества журналов: «Русского вестни-

ка», «Русской беседы», «Экономического указателя», «Русского слова», «Сельского благоустройства», «Искры»; расцвела публицистика «Современника».

На страницах журналов представители различных общественных течений отстаивали свои интересы, выражали взгляды, предлагали своё решение крестьянского вопроса.

К характерным особенностям 60-х годов относилось газетное учредительство. Газета – это «периодическое издание, чаще всего ежедневное, выходящее листами и содержащее информацию о текущих событиях всякого рода, а также политические, критические и научно-популярные статьи» [49, 879-880]. Газетная публицистика «была гораздо более оперативной, мгновенно откликающейся на события, ежедневно воздействующей на читателя, но главным образом в виде статей небольшого размера, отличающихся в силу этого конспективностью, большей категоричностью, агитационностью» [53, 139]. Периодом бурного газетного учредительства считались 1861-1862 гг., когда издавались «Наше время», «День», «Голос», «Весть», «Русские ведомости» и т.п. Важным преимуществом газет являлось то, что они сильно расширили тематическое разнообразие публицистики, каждый номер ежедневной газеты затрагивал десятки сюжетов внутренней политики.

Таким образом, журналы и газеты в середине XIX века, чутко улавливая общественные настроения и потребности, оказывали заметное воздействие на умонастроения общества, являлись главным центром идейной борьбы ученых, обществоведов, писателей. При этом предметами рассуждений являлись крестьянский и дворянский вопросы, финансовый и экономический, народное просвещение, цензура, преобразования суда, армии, городского самоуправления, научная культура, собирание и публикация фольклорных и этнографических сведений.

Обострение классовых противоречий вокруг крестьянского вопроса, в свою очередь, вызвало интерес к фольклору,

поскольку через изучение народного мировоззрения, народного характера, уклада народной жизни открывалась возможность определить судьбу всей страны. На наш взгляд, уместно вспомнить высказывание В.Г. Белинского о работе краеведов: «Какой благодарности заслуживают те скромные бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и жертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения» [73, 507]. Отмечен факт того, что «в 60-х годах было реализовано и доведено до конца многое из накопленного за прошлые годы» [53, 209].

Замечательным собранием русского фольклора явился сборник песен, былин и духовных стихов П.В. Киреевского, «предприятием которого был заинтересован Пушкин» [153, 130]. Во второй половине XIX века публиковались «Русские народные сказки» А.Н. Афанасьева, «Великорусские заклинания» Л.Н. Майкова, «Великорусские сказки» И.А. Худякова, «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым», «Пословицы русского народа» В.И. Даля и т.д. По меткому замечанию М.К. Азадовского, «60-е годы могут быть с полным правом названы золотым веком в истории русской фольклористики» [53, 209]. Это была эпоха грандиозных сборников и больших фольклорных предприятий. Во второй половине XIX века было организовано фольклорно-этнографическое изучение страны путем экспедиций. Например, исследование Географическим обществом Западного края. Экспедицию возглавлял П.П. Чубинский; по мнению Пыпина, она явилась одним «из замечательнейших предприятий, какие только были сделаны в нашей этнографии» [155, 349].

Важную роль в активизации краеведческого движения сыграли центральные и региональные научные организации: Отделение русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС), Московское археологическое общество, Архангельское общество изучения русского Севера, Русское географическое обще-

ство, Вольное экономическое общество, Уральское общество любителей естествознания. Они выпускали фольклорно-этнографические сборники – «Записки УОЛЕ», «Записки РГО», «Этнографическое обозрение», «Живую старину», «Известия ОРЯС». Деятельность данных обществ была высоко оценена общественными деятелями, учеными. Так, А.Н. Пыпиным особо отмечалась работа Русского императорского географического общества: «Существование этнографического центра чрезвычайно способствовало развитию интереса к наблюдению народной жизни на местах в провинции, откуда с тех пор и до ныне в Географическое общество шлются массы сообщений, которых, наконец, оно не в состоянии вместить в свои издания» [153, 53]. Разосланные РГО во множестве экземпляров программы вызвали от местных любителей в провинции большое количество сообщений на поставленные вопросы. Данное общество пользовалось огромной популярностью: отсутствие других общественных интересов привлекало сюда людей просвещенных и любознательных. Материал, доставленный в общество в виде ответов на вопросы программы, издавался в «Этнографическом сборнике». Из разных краев страны поступала «громкая масса местных описаний, где народный быт рисуется в целой картине его внешней обстановки, с его историческим прошлым, нравами и обычаями, преданиями и народной поэзией» [153, 53].

Начиная с 60-х годов XIX века, на Урале всё более популярной становилась мысль о необходимости объединения краеведов-любителей. В результате, в 1870 году состоялось открытие одного из самых крупных краеведческих обществ России – Уральского общества любителей естествознания. Его целью являлось «изучение исследования Уральского края в естественноисторическом отношении и распространение естественноисторических знаний среди населения» [3]. Помимо журнала «Записки УОЛЕ» обществом издавались научные

труды членов УОЛЕ, читались лекции по естествознанию и ураловедению.

Автором многотомного труда по истории русской этнографии А.Н. Пыпиным неоднократно подчеркивалась роль данных обществ, сумевших организовать постоянный сбор информации, изменить и усовершенствовать способ собирания этнографических данных, когда «на место собирания единичного и потому случайного, часто произвольного, ставится собирание массовое, в центрах ученых обществ, под контролем научно-подготовленных специалистов, по определенному плану» [153, 53-54]. Оживление в общественной и научной жизни страны коснулось и отдельных регионов, отразилось на их периодической печати в виде губернских ведомостей, частных газет, не уступающих по своему значению центральным. Ко второй половине XIX века относится «наиболее блестящая пора существования «Губернских ведомостей» с преобладанием в них интересов к изучению местного края, народного быта, народной старины» [53, 215]. Отмечены издания местных статистических комитетов и местных «Губернских ведомостей», которые «сохранили на своих страницах ценнейшие материалы, сообщенные местными собирателями и бытописателями, тем более ценные, что они имели уникальный характер» [53, 215].

Наравне с «Губернскими ведомостями» материалы и очерки исторического и этнографического характера печатали другие местные издания – «Памятные книжки», «Труды статистических комитетов», «Сборники», «Календары».

Общества, нацеленные на собирание и изучение народной поэзии, печатная база учреждений подобного рода, как полагает Т.Г. Иванова, «давали провинциальной интеллигенции возможность полноценного духовного общения, помогали ей реализовать свои знания и увлечения в делах, полезных для страны» [107, 8]. Не случайно значительные достижения

в области изучения фольклора принадлежали местным краеведам. М.К. Азадовский указывал, что «местным собирателям очень часто удавалось уловить и зафиксировать то, что по разным причинам – в том числе и политического характера, ускользало от случайных приезжих собирателей или даже целых экспедиций» [54, 141].

Особая заслуга в сборе этнографического материала, несомненно, принадлежала священнослужителям. Так, на заседании этнографического отделения РГО в 1854 г. было отмечено, что большое число материалов поступило от священников, «которые ограничивались описаниями своих приходо-в. Многие из них сообщили очень интересные подробности крестьянского быта» [15].

Доклад действительного члена РГО А.Г. Яновского на заседании отделения этнографии 18 мая 1853 года свидетельствовал о той значительной работе, которая была проделана священниками. Им было отмечено, от кого именно поступали материалы: от сотрудников РГО – 11; священников – 174; чиновников – 20; помещиков – 15; лекаря – 1; директоров, смотрителей и учителей гражданских и духовных училищ – 38; семинаристов – 6; мещан и купцов – 8; крестьян – 7; неизвестных – 25 (всего 305) [15]. Именно благодаря поискам священников-краеведов современная наука располагает уникальными текстами для построения истории и теории фольклора.

Работа упомянутых этнографических обществ (РГО, УОЛЕ) побуждала местных краеведов, в первую очередь священников, к написанию истории родного края, к отражению жизни крестьян, их семейного, хозяйственного быта. Программы названных обществ ориентировали на знакомство с наиболее авторитетными фольклорно-этнографическими трудами и сборниками, давали им установку собирать материалы по этнографии и фольклору. В 1851 году Русское географическое общество просило архиепископа Тобольского «о дозволении

тем лицам сельского духовенства, кои занимаются наблюдением по вопросам, могущим служить к определению климата России, высылать ответы свои на имя общества» [15]. В результате в отчете РГО за 1854 г. Шадринский уезд был выделен в качестве региона, наиболее активно изучасмого священнослужителями. Зауральская фольклористика середины XIX века заявила о себе прежде всего работами священников И. Первушина, В. Адрианова, А. Третьякова, А. Кокосова, И. Кокосова, Т. Успенского, В. Прибылева, П. Кыштымова, Г. Плотникова, Е. Золотова.

Священник Первушин был заметной фигурой среди известных краеведов Зауралья. Он не ограничивался собиранием материала, но на деле старался облегчить положение народа, пробудить внимание к его устной поэзии, активно пропагандируя, привлекая к собирательской работе широкие круги грамотного населения. Обращение И.М. Первушина к фольклору было тесно связано с общерусским собирательским движением, которое получило в середине XIX столетия массовое распространение по всей стране в целом и в зауральском крае в частности. Интерес к устному народному творчеству в преддверии отмены крепостного права охватил всю страну. Благотворная деятельность обществ (РГО, УОЛЕ) содействовала росту массового собирательства, в том числе и в Зауралье.

Одной из особенностей краеведческого движения в зауральской провинции второй половины XIX века являлся социальный состав краеведов. В первую очередь к сбору материала приобщились священники. «Священники-краеведы, – по справедливому замечанию историка Н.Ф. Емельянова, – при написании истории края освещали происхождение названия населенного пункта, хозяйство, культуру, обычаи и поряды, взаимоотношения с администрацией» [100, 8]. Они рисовали картину местной духовной жизни региона, раскрывали его специфику как оригинального феномена, требующего соб-

ственного угла зрения. Нельзя не отметить сборник священника А.Я. Кокосова «Круговые песни в селе Ушаковском».

Значение деятельности этого собирателя-фольклориста в том, что он подготовил и опубликовал единственный в своем роде сборник игрищных круговых песен одного села. Добро-совестные записи А.Я. Кокосова отразили песенное наполнение святочных вечеров одного из западных сел Шадринского уезда [22]. Расположенное на тракте между Крестовской (Ивановской) и Верхотурской ярмарками, занимавшими по товарообороту второе и третье места в России, село было большим и богатым. Исследователь М.Ф. Ершов сделал убедительный вывод: «Применительно к Зауралью, шадринские ярмарки выступали важным элементом экономического механизма, который вовлекал регион и соседние с ним территории в сферу товарно-денежных отношений. Кроме утилитарных функций ярмарки несли и большую культурную нагрузку» [100, 118]. Ярмарки, по замечанию историка А.Н. Куприянова, «удовлетворяли потребность в общении, в зрелищах и развлечениях, служили средством приобретения новых знаний и впечатлений, открывали более широкие возможности реализации культурно-творческой активности» [114, 16]. Значительный круг молодежи способствовал сохранению традиционной культуры. Игры («Царем», «Лебедью», «Дрёмой», «Царевенем», «Монашкой» и т.д.), записанные А.Я. Кокосовым, сопровождаются текстами песен. Кроме того, материал, записанный священником, содержал детальные пояснения, комментарии: «Любимое развлечение сельской молодежи в воскресные и праздничные дни суть песни и игры. Игры происходят – летом на лугу, зимой же – в избе какой-нибудь солдатки или крестьянской вдовы. Игры бывают двоякого рода: игры без песен и круговые (хороводные), с песнями или по песням», – отметил автор сборника и далее объяснил: «Играть по песне» значит – делать то, что сказано

в песне» [22, 401].¹ Усердие Кокосова-собиравателя было основой появления уникального песенного собрания в Москве. Подобные примеры вселяли в зауральских краеведов уверенность в нужности их подвижнической работы.

Священником А.И. Третьяковым было дано подробное описание жилища, одежды, промыслов крестьян Шадринского уезда Пермской губернии. Данный труд был отмечен РГО и удостоен серебряной медали [35, 190]. Благодаря автору названной работы читатели могут познакомиться с характерными особенностями уклада жизни крестьян зауральского края, включающими и названия строений в деревне, дворе, бытовавшими в Шадринском уезде: «В деревнях около реки делают «клевы» и скотские загоны и зимою устраивают воденики, то есть часть реки, с прорубью, обносят легкою, на одну зиму, изгородью, примыкающую к загону и соединяющеюся с ними воротцами. Для кур и телят, для стирки рубах, чески льна и т.п. устраивают на ограде малые избы, называемые задними или *малухами*» [35, 190].

Об успехах зауральского краеведения свидетельствует статья П. Кыштымова «Этнографические сведения о жителях Пермской губернии, Шадринского уезда, Песчанского сельского общества, Верхтеченской волости». В работе фольклор представлен в контексте общественной жизни и быта, отмечается типология культуры сел всего уезда, поскольку «те черты, какими характеризует автор Песчанских жителей, относятся и к жителям других селений Шадринского уезда» [23, 784-786]. Сведения протоиерея Камышловского Покровского собора В. Прибылева [31], присланные в РГО, включили этнографическое описание своей местности и раскрыли типичные черты всего Шадринского края, подчеркнута устойчивость традици-

¹ Орфография и пунктуация цитируемых текстов зауральцев-краеведов даны без исправлений.

онных форм культуры: «Жилища крестьян, коих состояние не позволяет устраивать их по примеру городских жителей и купцов, а главное, привычка к простому образу жизни и правосостоянию имеют большей частью единообразное устройство» [31, 219].

Начавшееся под воздействием РГО массовое собирательство не оставило равнодушным В.В. Адрианова и его семью. В ряде сел современного Белозерского, Кетовского и Куртамышского районов были записаны обряды, сказки, прибаутки, заговоры, пословицы. При этом сохранена точность текста и раскрыта специфика зауральского диалекта. Статьи В.В. Адрианова «Как проводят праздники крестьяне слободы Белозерской», «Пословицы и поговорки, употребляемые жителями Белозерской слободы» были напечатаны в «Тобольских губернских ведомостях» (№ 48, 1858, № 22, 1859 соответственно).

Труды священников – местных краеведов – содержали разнообразные данные о фольклоре, сельских жилых и хозяйственных постройках, крестьянской одежде, пище, приметах, нравах и обычаях, что позволяет выявить специфику материальной и духовной культуры крестьян Шадринского края.

Своеобразная общественная аура края, напряженная фольклористическая деятельность местных краеведов отразились на фольклористической работе И.М. Первушина. Пристальное внимание священника к народу и его собирательская деятельность способствовали формированию у Первушина собственных взглядов на крестьянскую культуру, обычаи и традиции, что не могло не найти отражения в «Шадринском вестнике» и «Шадринской местности».

В соответствии с духом времени Первушин назвал свою рукописную книгу журналом. Под этим термином понимается «периодическое издание в виде книжки, содержащей художественные произведения, статьи политического, научного и

т.п. характера; отдельная книжка такого издания» [39, 688]. «Шадринский вестник» полностью соответствует своему названию. Журнал имеет собственную пагинацию страниц. Стремясь придать «Шадринскому вестнику» весомость, научное и публицистическое значение, составитель подразделил все материалы на отдельные главы, обозначив их как «статьи». Согласно Большой советской энциклопедии, «общими отличительными признаками статьи являются осмысление и анализ значительного явления (или группы явлений), аргументированные обобщения и выводы, подтверждающие концепцию, идею. В зависимости от целевого предназначения статьи могут быть пропагандистскими, проблемными, критическими, научными и т.д.» [38, 462]. Оформив материал в виде статей, И.М. Первушин, повторимся, подчеркнул тем самым достоверность, научное значение собранных им записей.

Содержание журнала и газеты Первушина отразили бизнес общественной мысли России, активизацию фольклористики и журнального дела. Главные проблемы времени нашли освещение в провинциальном «Шадринском вестнике», название которого демонстративно подчеркивает связь с либеральными изданиями. Вспомним «Вестник Европы», призванный глубоко и обстоятельно анализировать и оценивать явления текущей действительности. В названиях книги и газеты заявлены региональный аспект содержания и злободневность материалов.

В начале журнала в разделе под названием «Вместо предисловия» сформулированы основные задачи – ввести «Шадринский вестник» в живой контекст времени, заставить его работать, дать его в руки читателю, озабоченному проблемами современности, «пригласить к участию хоть немногих, но много мыслящих»: «Нечего надпоминать: это не игрушка, а серьёзное дело <...>. «Вестник» будет очень счастлив, если образует вкус литературный, писательский в возможно большем

числе умных людей здешнего круга». При этом подчёркивалось: «Условие необходимое, чтоб содержание статей Шадринского Вестника не было противно основным правилам русской цензуры, не противоречило бы религии, правительству и нравственности <...>. Гласность – девиз нашего журнала <...>. Факты, факты и мысль, освежающая факты» [142, ШВ, кн.1. Вместо предисловия; 1861 г]. Главная цель «Шадринского вестника» виделась в его общественной значимости.

Среди социальных проблем, которые поднимала центральная публицистика середины XIX века, были проблемы чиновничества, произвола, взяточничества, крючкотворства. По мнению многих общественных деятелей, эта «пишущая армия» являлась одной из причин отсталости России [53, 138]. Объектом критического пера Первушина оказались не только чиновничество, но и духовенство.

От священнослужителей требовал отец Иоанн включения в общественную деятельность, четкости и ясности позиции, что, естественно, требует напряжения мысли, чтения, размышления, гражданского мужества. Но, по мнению создателя «Шадринского вестника», духовенство не может остановить преступной глухоты чиновников в силу своей необразованности. Лени и тяги к спиртному. «О газетах и не мечтают, – писал Первушин о чиновничестве и части духовенства, – считают их глупейшей роскошью, либо дьявольщиной по крайней мере, заняться ненужным, посторонним, излишним. Примеры вы знаете, господа! Недалеко за ними ходить. Немногие читают журналы, а свои выписывать – боже упаси! – почтут разорением. А купить полбочки водки, издержать сто и более целковых на собственное похмелье ничего, как будто должно быть так «по заведенному порядку». Дай иному газету – читать не умеет, для него всё тут дико <...>. Поживились, нагрели руки, окоченели в мыслях, чувствах, взятках» [2, ШВ, ст. 51]. Возможно, такая позиция была причиной того, что жизнь

«Шадринской местности» прервалась на первых номерах, а самого образованного автора «перегоняли» с места на место, чуть не лишив прихода. Несмотря на это, неуугомонный священник замечал: «Многих нимало не беспокоит неосновательность их мыслей, бестолковость обыденной жизни, неизвестность будущего; многие живут так себе; под непрерывным напором внешних впечатлений не знают, куда несутся; работать головою, мыслью, мозгом – претрудная работа, работа меньшинства, избранных, любителей, света, правды» [2, ШВ, ст. 8]. Как автору журнала и газеты, ученому хотелось найти живой отклик среди населения, иметь более основательную обратную связь. Итак, формирование журнала и газеты было обусловлено общественно-политической ситуацией, расширением сети журналов, газет.

Другие цели создания журнала «Шадринский вестник» раскрываются в письмах И.М. Первушина А.Н. Зырянову. В них многократно манифестировано общественное назначение журнала. В одном из писем сказано: «Меня сильно занимает мысль, что в нашем уезде есть такие люди, которые кое-что думают, кое о чём говорят в обществе себе подобных, и далее кое-что записывают на бумаге. Как было бы полезно, если бы это кое-что помаленьку собрать в особом журнале и между всеми здешними участниками этого журнала распространить. Взаимный обмен мыслей и наблюдений самородно-шадринских и составит главный балласт предпринимаемого местного журнала» [30, ШВ, кн. 1].

Создатель журнала определил его специфику – региональный аспект, который на Урале становился заметным. В качестве примера можно привести «Пермский сборник», высоко оцененный критикой. Ориентацию своего журнала И.М. Первушин сверяет с деятельностью фольклориста, знатока зауральского края, государственного крестьянина А.Н. Зырянова. В одном из писем он советуется о направлении журнала, кото-

рый должен стать организующим центром всех заинтересованных в духовном движении края. Обращение Первушина к Зырянову – первому крупному и самобытному краеведу, мудрому и образованному крестьянину – убеждает в том, что автор «Шадринского вестника» стремился создать журнал содержательного регионального направления, который вовлек бы в работу и крестьян. Примечательно, что ученый громкого имени в математических науках старался перенимать организаторский и фольклористический опыт крестьянина-самоучки.

Большую роль в организации журнала сыграло окружение И.М. Первушина. В частности, он вошел в кружок, имевший краеведческие цели. При этом зауральцы стремились не замыкаться на жизни края. Они выходили на общероссийские проблемы, но с их отражением в Приисетье. Это подтверждается записями ветеринарного врача В.П. Попова, лично знавшего Зырянова и Первушина. В.П. Попов сообщает о том, что А.Н. Зырянов «в начале 60-х годов прошлого столетия сумел организовать вокруг себя интеллигентных людей» [171, 29]. Они «на коллегиальных началах производили выписку книг, газет, журналов, которые после прочтения и передавались Зырянову как библиотечарию кружка. Зырянов же, пользовавшийся сочувствием и дружбой председателя Пермской губернской управы Смышляева, получал от последнего бесплатно различные издания, касающиеся вновь народившегося земства» [171, 29].

Знакомство с крупными периодическими изданиями страны повлияло на тематику рукописного наследия Первушина. Разнообразие тем, поднятых в журнале, было ранее отмечено в работах историков, лингвистов, писателей. По форме «Шадринский вестник» «очень близок к дневнику, к эпистолярному творчеству, к публичному отчету сельского интеллигента о своей общественной деятельности», – считает М.Ф. Ершов [102, 46]. По наблюдениям В.П. Тимофеева, – «это хроника местной жизни; бытовые и этнографические зарисовки, фоль-

клорные тексты; статьи о расколе, в чём И.М. Первушин был специалистом; педагогика; статистика; статьи самого издателя о просвещении; критические заметки» [171; 27]. Журнал оценивается современными учеными как «энциклопедия личности Первушина» [171,27]. Освещение текущих вопросов идейной жизни русского общества перемежается в рукописном наследии с автобиографическими заметками, описанием повседневной жизни и нравов в Шадринском крае. По нашим выводам; журнал характеризует автора как заинтересованного фольклориста, выработавшего собственные принципы подхода к крестьянской поэтической культуре. Внимательное изучение журнала позволяет назвать его энциклопедией зауральской жизни второй половины XIX века. В нем освещались российские темы на «злобу дня», текущие события внутренней жизни края и села Замараевского. Создатель журнала нацеливал своих сотрудников-альтруистов к осмыслению актуальных, значимых для общества вопросов. Сам Первушин писал: «Наш Вестник должен держаться современности, чтоб не пасть, не умереть скоропостижно. Он должен поэтому, заявив свое направление современное, ратовать против отсталости – пошлости, невежества, рутины» [2, ШВ, ст. 34].

Характеристикой журнала может послужить отзыв о нем неперменного секретаря Императорской академии наук К. Веселовского: «В том сборнике я нашел множество весьма интересных заметок и наблюдений, в особенности относящихся к народной жизни и быту, поверий, нравов и прочего, входящего в область этнографии. По такому содержанию сборника он в особенности был бы интересен для Императорского русского географического общества, в котором существует особое этнографическое отделение, занимающееся специально собиранием сведений о народном быте в разных краях России. Я уверен, что в руках означенного общества Ваш сборник принес бы наибольшую пользу» [2].

Соглашаясь с высокой оценкой К.С. Веселовского, заметим, что сборник выходит за рамки этнографии. В нем широко представлен фольклор Шадринского уезда: обряды, пословицы, поговорки, легенды, былички, семейные предания, сказки, заговоры. Отдельной приметой общественного лица и направленности журнала являются устные рассказы, записанные крестьянами и переданные Первушину в «Шадринский вестник». В названиях статей отразилось целенаправленное обращение Первушина к важнейшим событиям народной жизни, детальным подробностям повседневного быта крестьян.

Систематизация материалов рукописного наследия позволила выделить восемь рубрик: I. Народная медицина: лечение порезов, проколов, посек топором, горячки, скарлатины, боли в горле; II. Праздники народно-церковного календаря: сельская Пасха; III. Статистика Замараевского прихода – рассказ о происхождении села, подробное описание его животного и растительного мира, географического расположения, климатических условий, особенностей жизни населения. IV. Произведения устного народного творчества: сказка «О попе и мужике»; два варианта легенды о создании земли и человека; девять пословиц и поговорок; V. Обряды: заговоры («От уроков», «Худобы», «Чтобы у коровы вымя не болело», «Как править роженицу»); VI. Отдельным разделом нами выделены записи, сделанные грамотными крестьянами и переданные И.М. Первушину в рукописный журнал. Это устные рассказы: «Рассказ солдата, записанный крестьянином», «Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем», «Рассказ крестьянина, записанный им самим», «Один анекдот о крестьянском простодушии», «Пожар от молнии». Крестьянские статьи философской направленности: «Действительно ли крестьяне – русские мужички так простодушны, как об них заключают люди ученые? – и правду ли говорят: «Сыт голодного не разумеет?» (русская пословица)». «Пожары в се-

лениях государственных крестьян Пермской губернии и благоустройство пожарное», «Заметки из быта крестьян, живущих на Сибирской стороне Урала, в Пермском краю, в одной из местностей Ш.У.»; VII. Песни и басня, переписанные Первушиным из других печатных изданий: песни «Воля», «Швея», «Потерянное блаженство», «Знахарь», «К товарищу», «Табакщик», «Народная басня», «Дитя», «Разумный совет матери». «Ах! Сизый голубчик!»; басня: «Медведь, Лисица и Коза»; VIII. Положение сельского духовенства; IX. Освещение, оценка текущих событий.

Содержание журнала свидетельствует о понимании Первушиным важной роли фольклора в изучении народа и пробуждении общественного сознания. Подробное изложение обширного фольклорного материала в «Шадринском вестнике», переплетающееся с остросоциальными статьями о положении народа, отмене крепостного права, описанием местности, быта, записями крестьян, показывает, что легенды, сказки, заговоры, пословицы и поговорки Первушин считал неотъемлемой частью жизни народа. Через народное творчество, уклад жизни зауральцев священник, краевед, мыслитель считал возможным узнать и раскрыть духовный мир крестьянина, показать возможность и необходимость привлекать его к решению вопросов, касающихся судьбы всей страны. В свете сказанного отметим, что целенаправленное изучение народного мировоззрения, уклада народной жизни приобрело неслыханную популярность в середине XIX века, когда началась разработка проблем теоретической и практической фольклористики. Следует отметить, что изучение фольклора не мыслилось только в узкоакадемическом плане, но имело общественный характер и представлялось неразрывно связанным с кардинальными социально-политическими проблемами эпохи. В этом отношении И.М. Первушин был с «веком наравне».

В книге выявляются причины интереса ученого-математика, священника, краеведа-собираателя И.М. Первушина к народной культуре. В становлении Первушина-краеведа огромную роль сыграли семейные впечатления. Будучи из семьи потомственных священников, он на протяжении всей жизни изнутри наблюдал за бытом крестьян, наполненным сказками, легендами, пословицами, поговорками, песнями, преданиями.

К отражению жизни крестьян побуждала общественно-политическая обстановка в стране середины XIX века. В преддверии отмены крепостного права в обществе усилился интерес к народу. В условиях пристального внимания к крестьянам возникали остросоциальные вопросы. Волновали проблемы о том, способен ли крестьянин распорядиться своей жизнью, землей, осознать ответственность перед собой, миром, природой, жить без барина. Чрезвычайно злободневным в середине XIX века являлось понимание сущности человека. И.М. Первушин откликнулся и на эти размышления. Уникальное рукописное собрание И.М. Первушина содержит автобиографические заметки, хронику местной жизни, статьи о просвещении, краеведческие заметки, очерки.

Огромное влияние на деятельность собирателя И.М. Первушина оказала краеведческая традиция в регионе.

Деятельность священников И.М. Первушина, В.В. Адрианова, А.И. Третьякова, А.Я. Кокосова, Т.И. Успенского, Е.Д. Золотова и др. послужила формированию «культурного гнезда» Зауралья, ведущей ролью которого являлось комплексное изучение родного края, соединение духовной культуры Зауралья с культурой центральной России.

ГЛАВА 2. И.М. ПЕРВУШИН — ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ПЕДАГОГ

2.1. Сочетание просветительской и краеведческой работы

Рукописное наследие Первушина раскрывает краеведческие принципы составителя и разностороннюю направленность его деятельности, в том числе педагогическую. С общественно-политическими преобразованиями середины XIX века, включающими отмену крепостного права, создание земств, городские реформы, связан новый этап в развитии народного образования. Это поставило задачу обучения многомиллионных крестьянских масс. Виднейшие философы, ученые, писатели, общественные деятели включились в обсуждение вопроса о просвещении крестьянских масс. Так, актуальные педагогические идеи были высказаны мыслителем, философом В.Ф. Одоевским, славянофилом А.С. Хомяковым, критиком, публицистом Н.А. Добролюбовым, математиком Н.И. Лобачевским, педагогом-гуманистом К.Д. Ушинским, писателем, философом, учителем Л.Н. Толстым и другими известными людьми.

В 60-70 гг. XIX века активно обсуждались министерские проекты образования, необходимость бесплатного начального обучения. По Положению 1864 г., распространявшемуся на 50 европейских великороссийских губерний, начальная школа должна была «утверждать в народе религиозно-нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [186]. Характерной чертой стало изменение отношения народа к образованию. В населении была «развита потребность в начальном образовании» [186]. В эти переломные, социально напряженные времена общественные деятели стремились определить важнейшие аксиологические ориентиры.

Особенно отчетливо это связывалось с представлениями о будущем России. Литература, публицистика, философия того времени пронизаны размышлениями о том, что является наиболее ценным, значимым в духовной жизни страны. Будущее России ученые, политики, писатели видели в знаниях и образовании. В.И. Даль под просвещением понимал «свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование при ясном сознании долга своего и цели жизни» [43, 1330]. Развитие страны, ее дальнейшая судьба зависели от грамотных, просвещенных людей. Пропасть между образованными сословиями, с одной стороны, и отсутствием элементарных знаний у большинства населения, — с другой, являлось одним из источников социальных бедствий. Пока многочисленный класс народа — крестьянство находился в нищете и невежестве, общественное благополучие было невозможным. В данном случае нельзя не согласиться с Н.А. Бердяевым, который полагал: «Высшие цели жизни не экономические и не социальные, а духовные. Величие народа, его вклад в историю человечества определяется не могуществом государства, не развитием экономики, а духовной культурой» [75, 217]. По его мнению, через просвещение крестьянин-труженик мог почувствовать свою ответственность за дела России. К.Д. Ушинский отмечал: «Только тогда, когда сельское население наше продвинется вперед, мы будем вправе сказать, что вся Россия двинулась по пути цивилизации» [177, 66]. В действительности, образование давало крестьянам возможность выйти из нищеты, не зависеть от барина, самостоятельно принимать важные решения: «Как ни плохо развит наш крестьянин, но поверьте, что и он легко поймёт, что для того, чтобы быть хорошим волостным или сельским старшиной, исправлять какую-нибудь общественную должность, чтобы быть полезным членом сельской общины, чтобы вести дело с поме-

щиком, с казной, с администрацией, чтобы понять все те отношения, в которые вступает в настоящее время крестьянин, и суметь найти в этих отношениях, учение необходимо» [177, 70].

И.М. Первушин не стоял в стороне от ведущих идей века. «Дело капитальное – основать настоящее народное училище, для народа привлекательное», – писал И.М. Первушин в прошении местным властям организовать учебное заведение и обеспечить его необходимыми учебными пособиями [2, ШМ, январь 1862, № 5].

Педагогическая деятельность И.М. Первушина во многом сходна с просветительскими взглядами и учительской практикой великого писателя, педагога Л.Н. Толстого. Размышления по поводу народного просвещения изложены ими в журналах: «Ясной поляне» Толстого и «Шадринском вестнике» Первушина.

Л.Н. Толстой в 1861 году писал А.А. Фету: «Другое теперь нужно. Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что мы знаем» [175, 543]. И.М. Первушин с самого приезда в село Замараево в 1856 году, видя массовую безграмотность населения, определил для себя поле деятельности: «Задача немаловажная: бросить свет на этот уголок, в котором до 236 000 душ обоего пола, в том числе до 112 000 мужска и 124 000 женска пола, до 7000 крепостных, немало также мещанства, духовенства, есть чиновничество, купечество. Все это бродит во мраке и полусвете, в грязи, ничтожестве, полусне и полузабытии» [2, ШВ, кн. 4, ст. 46; 1861]. «С самого приезда в село Замараево, – писал Первушин в статье, – мне запала мысль о заведении училища» [2, ШВ, кн. 4, ст. 46; 1861]. Следует обратить внимание, что первоначально (50-60-е годы XIX века) народное образование ограничивалось в Шадринском уезде только казенными учебными заведениями: духовным уездным училищем в Далматове и уездным приходским училищем в г. Шадринске. Большая часть чи-

повнических детей получала образование в одном уездном училище и не стремилась к дальнейшему обучению в пермских или тобольских гимназиях. Согласно А. Серафимову, «главною причиною такого слабого стремления к образованию служит убеждение, что на службе нужны не науки, а знание делопроизводства. Отцы-чиновники в оправдание свое обыкновенно говорят: «Мы еще и нигде не учились, а, слава богу, живем» [164, 21]. Однако постепенно, уже в 1870-е годы ситуация изменялась к лучшему, открывались школы, увеличивалось число желающих получить образование, что можно подтвердить следующими примерами, относящимися к Шадринскому краю: «Бакланское училище открыто в 1871 г <...>. Барневское училище открыто 2 февраля 1876 г. земством. Училище помещается бесплатно в здании, принадлежащем церкви, довольно тесном. Учащихся в нем 30 м.п. и 6 ж.п.; все они из окрестных деревень» [37, 159]. В 1863 г. Палатою Государственных Имуществ открыто Верх-Теченское училище, которое помещалось в наемном крестьянском доме с учащимися в 54 человека [37, 165]. В январе 1874 г. земством было открыто Песчано-Таволжское училище: «Школа содержится земством, для чего ассигнуется 488 руб., из коих в жалованье: законоучителю 80 руб., учителю 300 руб., учителю пения 20 руб., на наем квартиры, отопление и сторожа 88 руб. При училище имеется библиотека – для учителя и учащихся» [37, 176].

Важная роль в открытии учебных заведений, распространении грамотности среди крестьянского сословия принадлежала местным священнослужителям. Неоспоримым является тот факт, что самые первые школы были созданы духовными лицами. «Течинское училище открыто в декабре 1847 г. местным священником в своём доме» [37, 177]. Благодаря усердным священникам возникли Уксянское (1849 г., учащихся 81 человек, в том числе 7 девочек), Широковское (1847 г., учащихся 52 м.п.) училища [37, 178]. За счёт средств духовенства было

чувствуя себя ограниченными какими-либо насильственными для них правилами» [172, 113].

Кроме того, по его инициативе и при непосредственном участии в Крапивенском уезде Тульской губернии было открыто и действовало не менее 20 народных школ. Опыт работы Яснополянской и других, открытых Л.Н. Толстым, школ привлекал внимание общественности, русской и зарубежной. В Ясную Поляну приезжали учителя из многих городов России и других стран мира, интересовавшиеся его способами обучения, которые были изложены в ежемесячном журнале «Ясная Поляна». Программа журнала включала описание новых приемов обучения, опыты распространения книг среди народа, монографические описания свободно возникающих школ с анализом их достоинств и недостатков и тому подобное. Л.Н. Толстой являлся также автором учебной книги для самых маленьких – азбуки. О том, насколько серьезны были его намерения, свидетельствуют следующие слова: «Написав эту азбуку, мне можно будет спокойно умереть» [173, 14]. Опубликованная в 1875 году «Новая азбука» получила положительную оценку и была допущена Министерством просвещения в народные школы.

Л.Н. Толстого волновала проблема обеспечения литературой простого населения. Ему принадлежат следующие слова: «И эти миллионы русских грамотных стоят перед нами, как голодные галчата, с раскрытыми ртами, и говорят нам: господа, родные писатели, бросьте нам в эти рты достойной вас и нас умственной пищи; пишите для нас, жаждущих живого литературного слова; избавьте нас от всех тех же лубочных Ерусланов Лазаревичей, Милордов, Георгов и прочей рыночной пищи» [173, 351]. Его слова не расходились с практикой. При поддержке Л.Н. Толстого в 1884 году было создано книгоиздательство «Посредник», целью которого являлось издание книг по низкой для народа цене. В 1885 году первы-

ми книжками этого издательства были произведения Толстого: «Чем люди живы», «Кавказский пленник», «Бог правду видит, да не скоро скажет». Свет деятельности Л.Н. Толстого проникал и в Зауралье. Пример подвижничества великого писателя звал трудиться на ниве просвещения крестьянства.

В 1859 году, когда впервые распахнулись двери Яснополянской школы Л.Н. Толстого, заботами И.М. Первушина была открыта школа в селе Замараеве. Ходатайствовать об открытии местной школы математик начал значительно раньше. Он приехал в Замараево 26 ноября 1856 года, а 11 декабря уже обратился в сельское управление с просьбой «О приискании удобной вблизи церкви квартиры для местного сельского училища» [2, ШВ, кн. 1; 1861, ст. 3]. Два года прошли в пустой переписке с местными властями. «А в два года, – писал Первушин, – сколько бы можно было сделать для просвещения края! И кто знает, будем ли мы живы впредь. Нашелся я, человек, страстно желавший быть полезным для сидящих во тьме и лени смертной, так средств нет, нет, не знаю чего; есть и была неподвижность, неповоротливость высших и низших» [2, ШВ, кн. 1; 1861, ст.3]. В результате, «после многолетней бумажной волокиты, борьбы с предрассудками, возражениями со стороны местных жителей, рассуждениями о том, что «никакого толку не будет», «зачем учить? Без грамоты живем де, слава Богу, хлеб едим; грамотные всемошеники выходят да пьяницы, да мироеды». И.М. Первушин добился того, что «загребели в зале азбуки-веди, по старинной методе обученья: сколько радости, веселья – непонятных для многих и многих: не тот отец, кто родит, а тот, кто научит, разумеет доброму. И вот для меня открылось поприще – порождение духовного. Как же не радоваться? Всякая туча, скорбь, печаль – рано ли поздно – в радость превратится» [2, ШВ, кн. 1; 1861, ст.3]. Анализ третьей статьи «Шадринского вестника» показывает понимание Первуши-

ным значимости овладения грамотой, знаниями, приобщения к книге как духовного рождения человека. В защите этой глубоко гуманной мысли он опирается на опыт философских размышлений народа. Прочитав поговорку: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил» [96, 385].

А. Серафимов, автор записок о Шадринском уезде Пермской губернии, написал: «Грамотность ещё более распространилась бы, если бы на пути к просвещению препятствием не стоял предрассудок, что мальчик, отданный в школу, отвыкнет от работы и со временем может сделаться бесполезным человеком в обществе» [164, 21].

Несмотря на это утверждение, И.М. Первушину, также, как и Л.Н. Толстому, удалось победить недоверие крестьян к грамоте, пробудить интерес к книге. Значит, не такими глубокими были предрассудки по поводу ненужности овладения светом буквы, слова, книги. В ходе педагогической практики выработывались гуманистические принципы обучения. В частности, новаторским было доверие к резвости, подвижности детей. И.М. Первушин пропагандировал идею радости обучения. К детям священник относился с любовью и лаской, не наказывая за шалости: «Не всякий же порыв свободы, — объяснял он, — есть своеволие, заслуживающее кары! Пусть себе шалят юные, будут старше — сделаются умнее. Телячье смирение — от излишней строгости и варварского обхождения. Пусть себе зреют на просторе, как пташечки. Одни грубые пороки нужно исподволь ограничивать» [2, ШВ, кн.1; 1861, ст. 3]. Общность подхода к обучению Л.Н. Толстого и И.М. Первушина несомненна.

Стремление Первушина дать образование всем детям сохранилось также в воспоминаниях крестьян-односельчан, записанных В.П. Тимофеевым. Старожил села Мехонское Н.Я. Нестеров рассказывал: «Однажды И.М. Первушин посе-

тил дом отца. Ребятишек в доме было много, и Иван Михеевич спросил:

— Учишь хоть одного?

— Нет, не учатся, — ответил отец, — лопотины (одежды) нет.

— Привези-ка в школу — потом оденем».

Отец отвез Н.Я. Нестерова и его брата в школу. Вскоре зашел в школу Первушин. Увидав мальчиков Нестеровых, подошел:

— Учитесь? И, довольный, заключил: Ну-ну, учитесь!

«А через два дня, — вспоминает Н.Я. Нестеров, — нам дали по шароварам, рубахе, по пимам и пиджаку» [140, 16].

Одной из форм просвещения народа зауральский священник считал библиотеку. О его тяге к чтению, книгам свидетельствуют многочисленные цитаты из «Шадринского вестника»: «Вижу, что вы, к величайшему несчастью, — обращался он к землякам, — пропускаете без внимания статьи политические, исторические, философские, критические; то есть самые-то сливки журнальной мысли вам, друзья, и не известны, и не интересны,

Читайте, читайте, читайте - Едва петухи прокричат!

Читайте, читайте, читайте - Пока не померкнет в глазах!»

[ШВ, ст. 17].

В концепции просвещения Первушина выделяется мысль о доступности книг и журналов: «Я мечтаю о том времени, — писал Первушин, — когда взойдет настоящее солнце просвещения, и книги, и журналы будут всем и всем доступны» [ШВ, 1861, ст.17 «Минувший год», кн. 2.]. Поэтому высоко ставится им опыт создания государственным крестьянином А.Н. Зыряновым первой в крае общедоступной сельской библиотеки в селе Иванищенском. Библиотека рассматривается ученым в селе Иванищенском. Библиотека рассматривается ученым как центр духовного общения мыслящих, думающих людей. В одной из статей И.М. Первушин, подчеркивая важную роль книг в обучении, задавался вопросом: «Когда у нас возникнут

библиотеки общественные, подобные Иванищевской, пока юной, но имеющей будущность, когда все мы будем чаще видаться друг с другом и беседовать о предметах серьезных, о вопиющих потребностях или вопросах современных, без малейшего вдохновения буйным разговором, тогда-то взойдет настоящее солнце просвещения, и книги, и газеты, и журналы будут всем и ввсем доступны» [ШВ, 1861, ст. 17 «Минувший год». кн. 2].

Сближает И.М. Первушина с Л.Н. Толстым – писателем мировой известности работа над созданием азбуки – «новой», как называли ее оба автора. Создание Первушиным азбуки было вызвано тем, что он не имел под руками готовых учебников, а старый церковнославянский алфавит являлся, по его мнению, неподходящим для первоначального обучения крестьянских детей, для привития им интереса к грамоте. Традиционное обучение требовало зубрежки сложных и странных названий, не отражало живого произношения звуков, вообще, в целом было далеко от скорого и легкого практического изучения. Между тем, духовное развитие начинается с первых ступеней обучения. Будет ли оно сопровождаться радостью, возникнет ли у детей бескорыстный интерес к познавательной деятельности – все это, по убеждению И.М. Первушина, зависело от их первых шагов в мир знания. «С октября 1860 г., начав учить деревенских мальчиков, особенно же непонятливых русской азбуке, я, – делился впечатлениями И.М. Первушин, – удивился той тысячелетней неподвижности, с какой алфавит славяно-русский переходит из азбуки в азбуку, из поколения к поколению, из века в век» [2, ШВ, ст. 24]. Ученый видел необходимость реформации алфавита, даже высказывал упрек, что «сам великий реформатор (Петр I) не решился преобразовать такой ничтожной книжочки и вместе имеющей огромное влияние на приступающих к грамотному учению и обучению» [2, ШВ, ст. 24]. Вариант русской азбуки, созданный Первушиным, оправдал себя на практике. С боль-

шой радостью видел учитель И.М. Первушин результаты своих трудов. По его наблюдению, ученик Михаил Колодкин, несмотря на непонятливость свою, «на 3-й день уже чертил буквы на доске; дней через 10 начал понимать простые слоги; стал марать цифры». А самый лучший ученик – восьмилетний Илья, начавший учиться с декабря 1860 года, «вскоре понял складные тройные и многословнейшие, прочел две басни: «Резвая коза», «Стрекоза и муравей» [2, ШВ, ст. 2]. В результате некоторые из учеников успевали настолько, что сами начинали учить грамоте своих отцов. Первушин с гневом упоминал о людях, враждебно относящихся к грамотности простонародья. В статье «Даровая грамота» он сообщил о некоем господине, который возмущался тем, что в Шадринске задумывают воскресную школу. Господин рассуждал о нелепости бесплатного обучения в школах – даром, «на шаромыжку». «Как дважды два-четыре, так верно, по его мнению, что бесплатное обучение bestолково, вредно и скоро прекратится. Он не верит в бескорыстное служение для блага общего. Душа черствая, жестокая, – душа враждебная истине, правде, образованности и просвещению. Он думает, что бросит учителю жирный кусок, и – дело пойдет как нельзя лучше. Горькое заблуждение. У нас много разного сорта училищ; учителей того больше. Рассмотрите их ученье и плоды его, увидите: труд, усердие не от корма и жалованья, а от особенного расположения, любви сердечной, склонности к любимому предмету, к любимому занятию, к самому юному поколению <...>. Редки и дороги те люди, которые среди общей летаргии, апатии, равнодушия к общему делу нравственности и образования увлекаются благородной мечтою искреннего братства и любви взаимной и к темным братьям – простонародью; кои ищут и зовут себе подобных на великий подвиг распространения здоровых понятий в окружающей их среде, возбуждения упавшего духа в трусливых, направления к благородным целям немно-

гих рьяных умов; дороги и редки те, кои всегда готовы до последнего дыхания стоять и сражаться за правду, за добро, за истину, за честь... для коих взятка – дело нелепое, безнравственное; кои всегда хотели бы жить своими трудами и других от юности готовить к труду, а не к дармоедству» [2, ШВ, кн. 4, ст. 43; 1861]. Позиция Первушина о святости бескорыстного труда сельских учителей выводит на аксиологический аспект подвижничества, под которым мы вслед за С.И. Ожеговым понимаем самоотверженную деятельность, свойственную человеку, способному на совершение трудовых подвигов, на самоотверженный труд, на самопожертвование ради достижения высокой цели [46, 38].

В свете сказанного наиболее важным в концепции крестьянского просвещения И.М. Первушина и Л.Н. Толстого являлось требование бесплатного обучения простого народа, высокой оценки бескорыстного труда учителей и необходимость поисков путей по улучшению качества обучения и воспитания молодого поколения.

Итак, педагогическая деятельность Первушина во многом сходна с деятельностью Толстого. Они в один год открыли школу для крестьянских детей, пропагандировали свои взгляды и опыт, независимо друг от друга разработали азбуку, оказывали помощь крестьянским детям (деньгами, учебными пособиями), указывали на святость трудного учительского дела. Отец Иоанн Первушин и Л.Н. Толстой трудились в области народного образования, видя незаурядные способности крестьянских детей и желая хоть в какой-то мере способствовать развитию народных талантов. Народное просвещение через науку, через школу было делом их жизни.

2.2. Проблема женского образования и воспитания в рукописном наследии И.М. Первушина

Будучи с веком наравне, просветитель, гуманист И.М. Первушин одним из первых в зауральском крае заговорил о женском образовании. В бурную эпоху середины XIX века в размышлениях о народе, народном просвещении особое внимание привлекло положение самого угнетенного в русском обществе «сословия» – женщин. Приобретал большую важность женский вопрос. О женщине в России всё громче заговорили как о личности. Наряду с политиками, учеными, историками значительный вклад в решение этой дискуссионной проблемы внесли и писатели. Л.Н. Толстой в произведении «Власть тьмы» рассказал о страшной, безрадостной судьбе деревенской женщины-труженицы. «Как выросла, так и помрет. Ничего не видала, ничего не слыхала». Виновата ли она? «Да и спросить с вас тоже нельзя, – говорит Митрич Аниютке, – кто вас учит? Только пьяный мужик когда вожжами поучит. Только и ученья. Уж и не знаю, кто за вас отвечать будет» [174, 85].

Этот жгучий вопрос вызвал отклик Н.А. Некрасова. Тема бесправного положения и страданий женщины из народа освещена им с предельной глубиной. С одной стороны, Некрасов раскрывает судьбу рядовой крестьянки с тяжелой судьбой, терпеливо выносящей тяготы суровой жизни. С другой стороны, показывает незаурядность женщины, её способность противостоять тяготам жизни. В его произведениях создан обобщенный образ женщины из народа, матери:

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына-раба,
И третья – до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли [131, 79].

Женское образование в XIX веке – ёмкая проблема. «Она включает в себя не только непосредственно тему обучения и воспитания женщин, но гораздо большее число тем, затрагивающих самые разные стороны истории русского общества (от влияния уровня образованности на женскую судьбу и до вопросов трудоустройства и гигиены)», – пришла к выводу Л.Б. Хорошилова – исследователь женского образования и воспитания середины XIX века [186, 310].

В 1844 году был учрежден Комитет по пересмотру женских учебных заведений. Николай I постановил рассмотреть уставы женских учебных заведений и учебные программы. Местным властям предписывалось открывать женские школы в тех населенных пунктах, где было не менее 25 девочек соответствующего возраста. Однако этот план в жизнь претворён не был [186, 331].

В 1856 году под воздействием демократической общественности появился проект положения о женских училищах. Они, как указывалось в положении, должны открываться по мере местных потребностей и развиваться свободно, но под надзором правительства [125, 77]. Учебный план женских училищ включал следующие предметы: закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, физику, географию, естественную историю, чистописание, рукоделие. Необязательными являлись французский и немецкий языки, рисование, пение и танцы [125, 77].

В Зауралье при Богородице-Рождественском училище было открыто отделение для девочек. Курганскую школу посещало от 9 до 16 девочек. Так как родители не видели особой нужды в обучении своих дочерей, то в 1856 году из-за малой наполняемости отделение закрыли [125, 77].

В 1884 г. в Шадринске открыли 2-ое женское начальное народное училище, в котором в 1890 – 1891 учебном годах обучалось 98 девочек, а на его содержание в этом году город

выделил 1367 руб. 70 коп. В 1885 г. при первом мужском приходском училище открыто первое приходское училище для девочек, в котором начали обучаться 40 учениц. Учебный план женского училища включал закон Божий, чтение, русскую грамматику, первые четыре действия арифметики, краткую всеобщую и русскую историю, краткую всеобщую и русскую географию, рисование и рукоделие. В конце каждого учебного года проводились испытания в присутствии штатного смотрителя и всех учителей, а также родителей [125, 112]. Сведения инспектора начальных народных училищ В. Шишонко позволяют увидеть рост численности школ в Зауралье. В марте 1876 г. за счет земства открыто Песковское начальное женское училище, где обучалось 46 учащихся [37, 179]. «Красномыльское училище открыто в 1860 г. на счет духовенства, а затем оно перешло с января 1876 г. в ведение земства, которое, на содержание его, ассигнует 400 руб.; училище помещается в наемном доме; учащихся 42» [37, 179]. Женские школы были также открыты в селах Галкинском, Крутихинском, Далматове и тому подобное.

Вопрос о женском образовании, в том числе и в зауральском крае, волновал Первушина. Он глубоко верил, что «девочек нужно столько же учить, как и мальчиков, грамотности, но пора бы эту теорию осуществить на практике» [2, ШВ, кн. 12; 1861]. И.М. Первушин полагал, что для чиновницы, попадьи, женщины являлось «благородным» сочетание выполнения домашних занятий и просвещения. Статья «Разные известия» привлекает рассуждениями о необходимости обучения девочек. По мнению Первушина, девочки оказываются способнее мальчиков. Гуманист И.М. Первушин выступил против предрассудков о ненужности обучения девочек, обличая «дикость» и «варварство», отмечая важность приобщения крестьянок хотя бы к элементарному чтению. По его мнению, это было бы одним из путей пробуждения в женщине чувства собствен-

ного достоинства, понимания ею высокого статуса хозяйки, матери, жены. Владение грамотой – это ступень к духовному прозрению. Отец Иоанн убеждал своих прихожан задумываться над проблемой начального образования женщин, которое ни в коем случае не только не помешает овладению навыков крестьянского домашнего труда, но даже поможет. «Итак, 16 февраля положено начало женскому первоначальному народному училищу в селе Замараеве. Теперь задача – показать крестьянам-прихожанам, что девицы способнее ко грамоте мальчиков и что немного потеряют времени, нужного для пряжи, на обучение азбуки, часослову, псалтырю, счету, письму» [2, ШВ, ст. 49; 1861].

Учитель с горечью рассказывает о девушке, которая принесла все книги назад из-за того, что все смеются, считая, что девушке подобает прясть да ткать, а не грамоте учиться. «Люди сбивают ее с толку. Ну, недели 2-3 пройдет усидчивого ученья, она узнает грамоту вполне, и тогда пряди и тки, сколько угодно. Но нет, хотят убить цветок в самом зародыше. Итак, надобно самому или чрез других людей постараться возвратить заблудшую на путь света, истины, добра и счастья. Необходима борьба с предрассудками!» [2, ШВ, ст. 49; 1861]. Образование рассматривалось философом И.М. Первушиным как одна из граней процесса становления личности женщины.

В понятие идеала женщины И.М. Первушин включал материнские чувства, любовь и сострадание к детям. Эту мысль можно выразить словами зауральского священника, краеведа конца второй половины XIX и первой трети XX века Е.Д. Золотова, считавшего, что «самая главная, движущая и созидаящая опора в крестьянстве основана на хозяйке дома» [18, 61]. «А что должно быть в жизни человека выше, дороже, неприкосновеннее, святее матери, которой каждый обязан своим бытием, всеми ласками, уходу, заботам, болезни, понесенным по отношению его. Все это должно бы запечатлеться, запо-

ниться в душе человека на всю жизнь» [18, 113].

Как истинный гуманист и патриот, И.М. Первушин полагал, что в женщине должны быть воспитаны национальная гордость и национальное самосознание. Его заслуга заключается в том, что он раскрыл идеал женщины с позиций семейной и государственной жизни. На нее он возлагал задачу оказания поддержки мужу. Женщина, как он считал, может заниматься социальными вопросами, трудится во имя общественного блага, на пользу просвещения. «Не об одном развитии талии заботиться должна, но и о развитии мозгов, посредством наук естественных и положительной философии, реальных мечтаний. Идеал счастья должен быть не в лени, в отсутствии всякого движения и беспокойства, – напротив, в борьбе за свободу с природой и людьми, в непрерывной деятельности неутомимой работе духа и мысли» [2, ШВ, ст. 132; 1861]. Женщина, на его взгляд, должна быть грамотной, уважающей себя, умеющей постоять за себя, а не бесправной, придавленной жизненной долей.

Раскрывая особенности педагогической деятельности И.М. Первушина, отметим выработанный повседневным общением с народом принцип учёного, просветителя – связь обучения с жизнью, бытом, заботами крестьян. При этом учитель обращался к распространенному фольклорному жанру – загадкам, одна из функций которых заключается в пробуждении ума, способности видеть мир в связях и целостности. Сохранилось семейное предание Травниковых о своеобразном подходе к обучению детей известным математиком. Дед современного художника Г.А. Травникова рассказывал о задаче-загадке, которую предложил учитель своим ученикам. Задача построена не на абстрактных цифрах, а на предметном ряде примененном к крестьянскому быту, хорошо знакомых детям: «Собрался мужик на базар продавать огурцы. Решил продавать их по десятку. Сосчитал дома и повез точное число десятков. Доро-

гой съел один огурец, а когда приехал на базар, забыл об этом. Начал раскладывать огурцы по десятку, а одного не хватает. Тогда мужик стал раскладывать по девяти. Разложил, а опять не приходится поровну, в остатке 8 огурцов. Тогда он начал раскладывать по 8, по 7, по 2, а в последней куче все не хватает одного огурца. Спрашивается, сколько же мужик повез на базар огурцов?» [6]. На конкретном примере-задаче об огурцах раскрывается методика И.М. Первушина, базирующаяся на педагогическом принципе наглядности, связи процесса обучения с жизнью крестьян.

До глубокой старости остались в нем душевная доброта, любовь к простому народу, вера в молодое поколение, его стремление к просвещению. «Надеемся, что время оправдает нас в глазах самых взыскательных людей. Уповая на поддержку от общественного мнения, мы неутомимо продолжим труд наш на пользу самопознания и саморазвития стремящихся к свету людей» [2, ШВ, ст. «Объявление»; 1861].

2.3. Специфика подхода просветителя и краеведа И.М. Первушина к народной культуре

Гуманист и просветитель И.М. Первушин возлагал надежды на обучение, просвещение как основу познания человеком самого себя, своего края. Судя по фольклорным и этнографическим материалам, собранным Первушиным, он видел в народной культуре отражение духовности, нравственности, идеалов крестьянства. Записи журнала отражают повседневную жизнь крестьян, украшенную сказками, легендами, песнями, пословицами и поговорками. Содержание «Шадринского вестника» наглядно раскрывает взгляды Первушина на народную поэзию, показывает восприятие им фольклорного творчества как особой формы культуры, которая бесчисленными нитями пронизывают жизнь людей: «Простой народ живет и думает, мыслит и свои мысли и думы передает от одного ме-

ста в другое, от поколения к поколению не письмом, не печатным станком, а изустно – в песнях, в сказках, в пословицах, в легендах» [2, ШВ, ст. 4 «Простонародные песни и сказки»]. В. Лесевич справедливо характеризовал поле фольклора как «общую совокупность народного знания – всё то, что знает народ по преданию <...> Это обширная и сложная масса разнообразных высказываний народа о всей своей внутренней и внешней жизни во всех её разветвлениях» [118, 343].

Стремление Первушина записать сказки, легенды, песни и произведения других жанров объяснялось самим краеведом как желание узнать свой народ. Крестьянский вопрос и связанные с ним дискуссии о духовно-нравственном просвещении народа в свою очередь вызвали острые философские споры о понимании человека. Актуальным являлся гуманистический подход к осмыслению проблемы человека. Философская мысль XIX века охватывала рассуждения о человеке, представляющем некую загадку. Попытки разгадать тайну были не просто любопытством: знания о себе были необходимы человеку для повседневной жизни, осознания себя Человеком в условиях российской действительности. По мнению П.С. Гуревича, мировоззренческие искания «имеют несомненную особенность: какой философской моде ни отдавалась бы дань, тема человека никогда не исчезала, не растворялась. Более того, это была, по существу, не просто тема, а некий стержень, вокруг которого разворачивались философские сюжеты. Русские философы вывели в человеке, независимо от своей романтической, славянофильской, западнической или материалистической позиции, средоточие и ядро мысли, постигающей тайны бытия» [92, 13]. Понимание Первушиным человека своеобразно и актуально. Для священника, фольклориста характерно изучение человека в значимые моменты его жизни. Его интересует тайна появления человека на свет и отношение крестьян к этой тайне. При этом, показательна опора на крестьянскую обрядовую культуру.

В «Шадринском вестнике» содержатся заговоры, записанные фольклористом в 1859 году со слов *повивальной* бабки Февроньи Елисеевны Сваловой. Тематически это заговоры от уроков, от худобы, чтобы у коровы вымя не болело [2, 454-456]. Наряду с текстом священником зафиксированы и действия, которые перевиты со словом. Ещё А.Н. Афанасьевым подчеркнут народный взгляд на заговоры как «предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарей и ворожеск. Они не пригодны для забавы и, как памятники вешего, чародейного слова, вмещают в себе страшную силу, которую не следует пытаться без крайней нужды; иначе накличешь беду» [11, 44].

Согласно толковому словарю В.И. Даля, заговаривать – «за-вораживать, заколдовывать; таинственными словами, дыханием, движением рук останавливать какое-либо действие, лишать силы» [41, 603].

Вопрос о собирании и изучении заговоров являлся предметом пристального внимания отечественной науки. К заговорам обращались русские мифологи Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, рассмотревшие в них остатки древнеязыческой мифологии полузабытых языческих молитв. В 1869 году Л.Н. Майков издал сборник «Великорусские заклинания». Заговоры были предметом пристального внимания П.С. Ефименко, А.Н. Веселовского. Заговорами интересовался, стремился понять их сущность и тайну А.А. Блок: «Только постигнув древнюю душу и узнав ее отношения к природе, мы можем вступить в темную область гаданий и заклинаний, в которых больше всего сохранилась древняя сущность чужого для нас ощущения мира. Современному уму всякое заклинание должно казаться порождением народной темноты: во всех своих частях оно для него нелепо и странно. Так некогда относилась к нему и наука. Сахаров излагал заговоры отчасти с нравоучительной целью – чтобы остеречь от обмана; но даже точная наука убедилась теперь в практической применимости заклинаний,

после того как был открыт факт внушения. Сверх того, заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности, оказались тою рудой, где блещет золото неподдельной поэзии; тем золотом, которое обеспечивает и книжную «бумажную» поэзию – вплоть до наших дней» [82, 37].

Заговор, предназначенный воздействовать как магическое, целебное заклинание являлся тайной, которая была известна не каждому человеку. А. Блок полагал: «Мирясь с тайнами окружающего мира, народ признает за отдельными людьми вешее знание этих тайн. Это – колдуны, кудесники, знахари, ведуньи, ворожеи, ведьмы; и их почитают и боятся за то, что они находятся в неразрывном договоре с темной силой, знают слово, сущность вещей, понимают, как обратить эти вещи на вред или на пользу, и потому отделены от простых людей недоступной чертой» [82, 40]. Знатоки заговоров не всегда делились знаниями. Заговор произносился в двух случаях. Во-первых, он должен был помогать человеку, во-вторых, – передаваться ученику. Заклинания донесли до нас глубину времени, языческое восприятие мира, они являются творческим обрядом, живым словом, в которое верили, которого боялись. По мнению В.П. Федоровой, «стремление воздействовать на окружающий мир, человека и его душу вознесли заговор к вершинам тонкого, проникновенного искусства. Посконным, тошным словом невозможно убедить высшие силы оказать помощь в важном деле. Слово заговоров способно передать многообразие жизни вселенной, чувств человека в его отношениях к ней, осмысление физического и духовного бытия человека» [179, 186].

А.Н. Афанасьев отметил веру в силу заговоров: «Могущество заговорного слова безгранично: оно может управлять стихиями, вызывать громы, бурю, дожди, град и задерживать их, творить урожай и бесплодие, умножать богатство, плодить стада и истреблять их чумною заразою, даровать челове-

ку счастье, здоровье <...>. Короче сказать: слово это может творить чудеса, подчиняя воле заклинателя благотворные и зловредные влияния всей обожествленной природы» [8, 347]. Главным являлась вера в заговор, в его чудодейственную силу, поскольку «верование в могущество слова сливается с верою в судьбу, которая определяет людские доли» [8, 352].

Повторимся, внимание И.М. Первушина к заговору, связанному с рождением человека, объяснимо. Как священника его волновало великое чудо – рождение ребенка. Будучи ученым, он интересовался крестьянским отношением к тайне вхождения человека в мир. Запись заговора раскрывает фольклористический принцип Первушина, который проявился в стремлении отметить народную фольклористику. Он приводит истолкование повивальной бабкой функции заговора, точного соблюдения слов и магических действий. Основное назначение заговора – оградить мать и дитя, уберечь их от беды. Это потребовало соблюдения другого фольклористического принципа, подсказанного народными представлениями – точность воспроизведения текста, сохранение фольклористом диалектных особенностей, указание подробных сведений об информанте. Обратимся к заговору. Отмечено пространство творения его – баня. Баня всегда играла важную роль в жизни зауральцев. Возможно, именно потому, что она «занимала «пограничное» место между миром человека и иным миром, в ней совершались различные обряды переходного характера и обрядовые акции, основанные на принципе контакта человека с существами «чужого, иного» мира» [47, 381].

Подтверждение того, что в Шадринском крае по большей части рожали именно в бане, а не в хлеву, как это принято в некоторых областях, обнаруживается в работе военного статистика Х. Мозеля: «Когда беременная женщина чувствует приближение родов, она сообщает об этом кому-нибудь из своих домашних, преимущественно старухам. Потом скрыва-

ется в уединенном месте, всего чаще в бане» [26, 54].

Далее Первушин обращает внимание на все обстоятельства, связанные с творимым заговором. Так, отмечено, что бабушка правит женщину после родов. В точности приводится вербальная составная родильного обряда – заговорное слово: «Во имя Отца и Сына и Святова Духа. Аминь. Стану я рабица божия Ховротья по утру рано, умоюсь росой, утрусь пеленой, у отца, у матери благословлюсь, пойду из избы во двери, из ворот в ворота, на широку улицу, в восточну сторону, под красно солнце, под светел месяц, к окияну морю. У окияна моря – золотов остров. На золотом острове стоит матушка наша апостольска соборна церковь, и в этой апостольской соборной церкви вся сила небесная, все святые чудотворцы. Я вам покорюсь и помолюсь о рабице божией. Ой, ясно вы, Соловецки чудотворцы! Донесите до куку до Батюшки до истинова Христа, до Матушки до пречистой до Девы Марии. Как она родила истинова Христа, не услышала в себе не скорби и не болезни, ни приговоров, ни уроков; так де в рабице божией (имя) не было бы в ей не уроков и не приговоров и не переполохов, ни озевицы ни родимца - не было бы в веке по веки от ин до веку. Аминь. Закрой ее Господи, защити нетиными ризами, Господни пеленами от всякого зла человека: от рьянова, от Черемнова, от двоегубова, от троегубова, что бы не было от их уроков от инь до веку. Аминь. И будьте мои слова крепки и лепки, крепче камня, вострее булату; рыжему – черемному, чтобы соли в глаз ему, в другой – песку, чтобы он не увидел ни земли, ни неба. Аминь» [2, 454-456]. Бережное отношение к фиксации заговора, вероятно, связано и с точностью науки математика Первушина.

Записал священник и заговор, завершавший весь заговорный комплекс, оберегающий появление человека на свет. «Слова» также сопровождали закапывание послета. Когда бабка кладет послед в землю, под избой, зарывая и перекрещивая,

то говорит: «Во имя Отца, Сына и Святова Духа. Аминь. Как матушка сыра земля не дрогается, не полохатся; так у рабицы божией, у (имя) бы не дрогалось и не полохалось». Трижды говорить и потом трижды перекрестить и говорить всякий раз: во имя Отца, Сына и Святова Духа. Аминь». – Нужно, чтобы пуповина была поднята кверху, а если к низу, то женщина будет чахнуть. Тогда надо послед выкопать, перемыть и положить пуповиной кверху, и тогда женщина выздоровеет» [2, 455]. Священник зафиксировал устойчивость языческой архаики. В данном случае необходимо отметить тот факт, что Первушин на примере заговора раскрыл крестьянские размышления о тайне рождения человека, подчеркнул значение народной фольклористики в соблюдении обрядовых традиций. Запись обряда позволяет говорить о стремлении фольклориста Первушина показать через фольклор серьезное отношение крестьянства к рождению, становлению человека, его здоровью, а также к традициям, обеспечивающим благополучие людей. По поверьям, новорожденный не считался человеком до тех пор, пока над ним не совершали ряд ритуальных действий, смысл которых состоял в превращении его в человека. Обратимся к выводам А.К. Байбурина, изучившего родильный обряд: «Выход плаценты, по сути дела, рассматривался как вторые роды <...>. При этом ребенок предназначался людям – а послед – иному миру» [66, 42]. И.М. Первушиным были отмечены многие другие детали: обрезание пуповины, захоронение плаценты (отправление ребенка от того мира), обмывание (символическое отделение ребенка от того мира). Функции ритуала сводятся к следующему: «Захоронение необходимо для того, чтобы обеспечить новое рождение, сохранить отношения непрерывного обмена между предками и потомками, нелюдьми и людьми, жизнью и смертью» [66, 43]. Ребенок, подобно невесте, солдату, покойнику, считался лиминальным существом (стоящим на стадии перехода в другое состояние, другой мир), и

следовательно, нечистым, опасным. А.К. Байбурин, подчеркивая изначальную принадлежность ребенка к сфере чужого, приводил следующие примеры: «На Житомиршине ребенка до крещения называли маняк (призрак, привидение), а после – дытыною <...>. Показательно также, что по отношению к новорожденным применяются термины среднего рода (типа дитя) или собирательные (мелочь, тварня, блазнота)» [66, 41].

Уникальная запись И.М. Первушина – драгоценный дар исследователям родильного обряда, заговоров, народных верований. На трех страницах своего журнала Первушин показал высокую планку аксиологии земледельцев. Так фольклор вводился в систему средств познания духовного мира крестьянства за Уральским Камнем.

Специфическим принципом фольклориста Первушина является его стремление записать материалы от профессионалов с тем, чтобы слово в слово, без изъятия и отбора сохранить и донести до потомков тексты, своеобразие действий в заговорах.

Осмысляя проблему формирования человека, фольклорист наполнил свой журнал и тем, что лучше всего знал – себя, свою семью, родных. Автобиографизм создаёт искренность, убедительность, доверительную атмосферу между составителем журнала и читателем. И.М. Первушин отталкивается от собственных наблюдений, переживаний, выводов. Особенность повествования Первушина заключается в том, что элементы его биографии растворены в широком контексте фольклора Зауралья, неразрывно связаны с традициями региона. Как ученый он понимал, что только широкий охват материала позволит дать ответ на вопрос о народе, частью которого он считал себя. В статьях священника, ученого, записях самих крестьян открывается жизнь зауральцев с их нравами и обычаями, речью, человеческими типами. Фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда регио-

нальна и локальна. Её естественная, нормальная жизнь связана с жизнью определенного, ограниченного теми или иными рамками коллектива, включена в его деятельность, необходима ему и регулируется характерными для него социально-бытовыми нормами» [151, 156]. В действительности, каждый регион уникален, имеет свою специфику, фольклорную традицию. Собственные наблюдения ученого и пастыря он выверяет фольклором. Взгляды И.М. Первушина на фольклор раскрыты в четвертой статье. В духе демократической фольклористики, утверждавшей, что «в поэзии и в истории равным образом заключается таинственная психея народа» [74, статья III, 161], зауральский фольклорист раскрывал свое понимание общественной значимости фольклора, показывал его «текучесть» и изменчивость. Идея развития поэтической культуры диктовала уверенность в нужности собирательского дела: сегодня фольклорные формы есть, завтра их может не быть: «Мы никогда не узнаем народа, его души, его стремления, его нужд и горестей, его надежд и радостей, если не подслушаем его песен, сказок, пословиц, притчей и поговорок. Много собрано подобных вещей и заключено в сборники, в песенники; в газетах попадает кое-что и в журналах. Но неистощим этот живой родник русской мысли, русской думы; всегда струится новая мысль, новая дума с новым поколением, с новыми изменениями в природе и обществе, с возбуждающими ум простлюдина, затрагивающими его сердце, направляющими его деятельность <...>. Желательно собрать возможно большее число простонародных неписанных произведений, чтоб показать неверующим ум простого народа, что наш мужичок, наша баба или девка, даже старик и старуха не дремлют, но мыслят, и мыслят много, и свои мысли выражают в замысловатых формах» [2, ШВ, ст.4 «Простонародные песни и сказки»]. Такой «замысловатой формой» Первушин считал народное толкование библейских сюжетов. В народном понимании канонических текстов

священнику не виделось ничего предосудительного. Наоборот, ему как ученому представляло интерес сочетание несочетаемого: он проповедует библию, но видит, что у народа есть свой отбор библейских текстов и свое толкование их. При этом ориентир сделан на зауральца. И.М. Первушин зовет своих читателей к размышлениям о сущности людей.

В «Шадринский вестник» включены местные варианты двух распространенных сюжетов ветхозаветных текстов о самых кардинальных проблемах – сотворении мира и человека. Эти тексты внутренне связаны с заговором на рождение человека. Остается загадкой, зачем И.М. Первушин свел под одной крышей журнала эти произведения. Важно то, что они ведут к его собственным и крестьянским размышлениям о человеке.

Обращаясь к жанрам устной несказочной прозы, следует отметить, что с середины XIX века публикация легенд, быличек, бывальщин, поверий заметно активизировалась. Различные периодические издания – «Губернские ведомости», «Памятные книжки», краеведческие сборники, церковная периодика – включали тексты произведений народной несказочной прозы.

Уральские варианты легенд были опубликованы Д.К. Зелениным в «Великорусских сказках Пермской губернии». Впоследствии изучению легенд были посвящены труды С.Н. Азбелева, К.В. Чистова, В.С. Кузнецовой, Н.А. Криничной и др.

В статье С.Н. Азбелева «Проблемы международной систематизации преданий и легенд» было подчеркнuto, что «изучение же самих народных легенд и преданий находится в особом положении, которое вызывается прежде всего спецификой данного материала» [57, 176]. Под спецификой им понимается их чрезвычайное разнообразие, текстовая неустойчивость, сложное переплетение местных повествовательных традиций с многочисленными проявлениями сходства сюжетов и тождества мотивов в пределах отдельных стран и целых континентов [57, 176].

По мнению Н.А. Криничной, легенды «формируются с принятием христианства и содержат новации, обусловленные соответствующими верованиями, <...>, в легенде отразились не столько христианские, сколько народно-христианские представления» [113, 12].

Внимание К.В. Чистова привлекли причины появления и бытования легенд в народе, взгляд крестьянского населения на Библию: «Легенды служили практической цели передачи исторических, религиозных, бытовых или каких-либо других (в зависимости от типа) сведений» [189, 9].

В легенде отразились народно-христианские представления, сплав христианских и дохристианских воззрений. «Легенда всегда основывается на христианском мировосприятии, хотя и соединяет его с житейскими понятиями и представлениями», – пишет В.П. Аникин» [62, 295]. Эта точка зрения восходит к утверждению А.Н. Афанасьева о двоеверии, отразившимся в народной духовной культуре: «С водворением новых, христианских начал народная фантазия не позабыла и не отринула тех прежних образов, в которых представлялись ей взаимные отношения человека и природы <...> и, касаясь событий, описанных в Ветхом и Новом Заветах, свободно допустила их в свои легендарные сказания» [8, 348].

Для нашей работы важны легенды о сотворении человека и их истолкование в науке. В.С. Кузнецова рассматривала легенды о дуалистическом миротворении, где Бог творит сушу и человека из песка, поднятого со дна моря Сатаной [114]. В «Свитке» приводится следующая версия космогонической легенды: «Бог, спускаясь с неба, чтобы творить мир, видит на предвечном море Тивериадском Сатану, плавающего в виде птицы гоголя. По повелению Бога гоголь-Сатана ныряет на дно, чтобы достать материал для творения – песок» [50, 104]. Бытовал сюжет о сотворении Богом человека и в Зауралье. Впервые он был зафиксирован И.М. Первушиным. К услы-

шанным легендам Первушин подошел как фольклорист-исследователь. Он попытался определить жанр произведения: «народное сказание», «легенда о сотворении земли и человека». Оба названия даны как идентичные. Второй вариант, как упомянуто собирателем, сообщил ему 28 марта 1861 года старик Иванищевского прихода в деревне Агапиной М.А. Кораблев. На приоритет И.М. Первушина в собирании легенд в крае впервые указала Н.Н. Мальцева. Она отметила их как особый зауральский вариант. В кандидатской диссертации ею приведены полные тексты легенд, подробно исследованы варианты, выявлен характер полевых наблюдений Первушина [121, 127-137]. Н.Н. Мальцева подчеркнула значение собирательской работы И.М. Первушина: «Легенды, записанные Первушиным, расширяют представления о народной библии новыми, яркими вариантами. Достоинство их – передача диалога, отразившего черты зауральского диалекта» [121, 134]. В зауральских вариантах легенд о сотворении мира повествуется о том, что «Бог создал человека по образу себя, начертал на земле, взял кости от камня, кровь от воды, легкий ум от облака, сердце от огня» [2, ШВ, ст. 85]. Зафиксирован в текстах народный взгляд на истоки бед, причины страданий, происхождения болезней, пороков человека, являющегося подобием Бога. Они от дьявола: «Плюнул он (дьявол) на сердце человека. От того произошли болезни» [2, ШВ, ст. 85].

Сюжет этой легенды традиционен. Он вошел в сказочную прозу и духовные стихи. Краевед Первушин запечатлел жизнь этого сюжета в Зауралье в своеобразном варианте, отличном от текстов других регионов.

Легенды о сотворении мира и человека логически связаны Первушиным с семейными преданиями, главным мотивом которых является воспитание в семье. Как ученый, Первушин задавался вопросом о формировании человека, подчеркивая, что становление личности начинается в семье, где про-

граммируются правила поведения, образ мыслей сначала ребенка, затем взрослого человека. И.М. Первушин ввел в зауральскую фольклористику семейные предания. Фольклориста волнуют проблемы внутрисемейных отношений, уважения и любви друг к другу. Из семейного предания отец Иоанн усвоил специфику внутрисемейного климата: «Бабушка не шибко полюбила невестку, а особенно дедушкой любимую мать мою – Прасковью Афанасьевну, которая тоже была своебытного нрава и не поддавалась молоденькому мужу; муж был моложе 9 S месяцами, она родилась 1806 года октября около 28 дня. Может, и меня бабушка не шибко ублаживала бы, если родительница моя не засыпалась и не оставляла меня реветь досыта, или не бросала спросонков «вместо кошки» на пол с голбца. Два воздушных параболических путешествия – с голбца на пол – около двух аршин, совершил я на первых днях по рождении за то, что беспокоил засыпавшую глубоким сном мать <...>. Этот страх, этот испуг с детства и донныне – при начальнике, как и при разбойнике, при незнакомце и враге, – даже при получении письма, пакета, невольно давящее чувство, боль сердечная – не наследованы ли мною от первобытных моих падений, ужасных и адских для такой нежной пичужки – вершков в 10 или 12-ть?!» [2, ШВ, ст. № 101].

И.М. Первушин отметил глубину детских впечатлений. Они вживаются на всю жизнь и до конца дней человека. Предание, которое Первушин усвоил по семейной линии, использовано им для проповеди главных семейных опор: любви друг к другу, заботе, связи отцов и детей, взаимном уважении и доверии. Предание пронизано драматической напряженностью чувств: нелюбовь свекрови к снохе, прохладные отношения матери и сына, «самобытный» нрав матери, подавившей своим характером более молодого мужа. «Не знаю, друг мой, природа ли, судьба ли, или же это вместе поселили в мое сердце и матернее взаимное охлаждение и оттолкновение», –

горько размышлял немолодой священник, духовный пастырь значительного прихода [2, ШВ, ст. № 101]. Фольклорный материал послужил опорой для философских размышлений о роли матери в жизни человека, воспитании детей. Составитель «Шадринского вестника» указал на родительские ошибки, их последствия, что определило педагогический, морально-нравственный характер статьи.

И.М. Первушин выступал за гуманное воспитание, пробауждающее в ребенке любовь к семье. Примером жестокого обращения с детьми была своя собственная родительская семья: младших братьев и сестер били: «Ныне не бьют, а прежде бывало – и моих несчастных сестер ни за что, за булавку, за иголку или равные им пустяки, хлещут плеткой трехвосткой, ременной «по чему попало, – колотя их лбом об пол, разят ухватом, ощепком, кулаком, даже шилом и молотком <...>. Боже мой! Если вспомню, сердце кровью обливается. Бывало, хоть бы ни в чем не виноват, дрожишь, как бы ремень на спину тебе не сел <...>. Драли до печенок <...>. Преступлений было много, и били за все, за самое невинное и детское движение мышц и мыслей <...>. Благочестивые и не подозревали в себе истязателей, – напротив, старались приумножать «раны» детям – увлекаясь премудрым Сирахом <...>. С такой плантации поневоле вынесешь жесткое, черствое сердце; и нужны особенно переделки жизненные, чтоб отягчиться: но нет, невозможно ни братьям моим, ни сестрам (кроме разве последних, явившихся при смягченном деспотизме и сносной тирании) быть мягкосердыми после пашийской закалки...там истолкли их сердце в сухой порошок, там измололи в бус все их чувства <...>. Грех и казнь – казнь здесь и за гробом, казнь в юности и до старости – вот что внушали» [2, ШВ, ст. № 101].

Свои философские суждения И.М. Первушин проверяет крестьянским опытом, отразившимся в фольклоре.

И.М. Первушин обратился к фольклору с целью показать

условия формирования человека от рождения и до зрелого возраста, выявить менталитет крестьян. В рукописном журнале Первушина зафиксированы крестьянские устные рассказы и статьи, в которых высвечивается своеобразная крестьянская философия. Материалы крестьян Шадринского уезда включили их представления о поведении человека в сложных ситуациях, его ответственности перед жизнью. В «Шадринском вестнике» содержатся 3 статьи, посвященные рассуждениям крестьян на бытовые и социальные темы. Крестьяне выражают свое мнение о причинах пожаров [2, ШВ, кн. 2, ст. 21 «Пожары в селениях государственных крестьян Пермской губернии и благоустройство пожарное», 1861], дороговизны хлеба [2, ШВ, кн. 10 «Заметки из быта крестьян, живущих на Сибирской стороне Урала, в Пермском краю, в одной из местностей Ш.У.», 1861], непонимания крестьян другими сословиями [2, ШВ, кн. 11 «Действительно ли крестьяне – русские мужички так простодушны, как об них заключают люди ученые? – и правду ли говорят: «Сыт голодного не разумеет? (русская пословица)», 1861].

Текст «статьи»-размышления «Действительно ли крестьяне – русские мужички так простодушны, как об них заключают люди ученые? – и правду ли говорят: «Сыт голодного не разумеет?»» приведен в данной диссертации в полном объеме (приложение № 5). В статье развита мысль о крестьянском менталитете. Открывается она «сшибкой» (В.Г. Белинский) мнений. Одно – барское, свысока, другое – крестьянское: умное, рожденное жизненным опытом земледельца и его наблюдениями. В условиях крестьянской реформы зауральский хлебоборок заявлял о том, что верхи не знают народ: «Сыт голодного не разумеет». Напрашивался вывод о том, что в таком важном деле, как освобождение от крепостного рабства следует выслушать простых людей. Крестьянин К.П.М., записавший свои размышления 12 августа 1961 года, дает меткую ха-

рактеристику мужичкам-простолюдинам, вступает в спор с людьми, которые не знают народ русский и не могут его знать, но при этом смело судят: «Итак, хотя мужичков-простолюдинов и считают многие из знатных особ людьми простодушными (простумными) по их сельской жизни, простой одежде, причудливым разговорам, неграмотности и по прочим отношениям, и полагают, что мало-мальски образованному легко ввести их так сказать впросак обмана наряду с детьми природы стран тропических, но нет, это мнение господ знатных особ совсем ошибочно. Они, по моему мнению, или, по крайней мере, как мне кажется, совсем не таковы, как об них рассуждают обманывающие себя в этом случае люди» [2, ШВ, кн. 11, 1861].

Не случайно сам крестьянин начинает рассуждение с пословицы, отмечая, что она на святой Руси оправдывается практикой. Пословицы, по его мнению, не простые слова, сказанные наобум, на авось. Рассказчик по опыту знает, что в них находят отражение народный ум, повседневные наблюдения землепашца. Пословицы можно понять, хорошо зная простой народ, живя рядом с ним, присматриваясь к нему: «А что же заключается в этих поговорках?». Заключается многое, свидетельствующее о противоречивости крестьян. В пословицах, приходит к выводу К.П.М., «я нахожу точно быль и практическую основу, выражающую себялюбие, злобу, ненависть международную, отпечаток низостей и неправды, и разные слабому от сильного угнетения, царствующих в кругу простолюдинов. Куда ни взглянешь и повнимательнее всмотришься, всюду примечены между простолюдинами обманы, клеветы, разнородные развраты, ложные разглашения, нередко вредящие общественному спокойствию. Так положительно бываюют ими же выдумываемы между собой сплетни и пустяки частные на разные манеры, что едва ли какой угодно образованный человек на первый приступ сможет их в сплетнях и лжи остановить и урезонить, а тем более отучить от оных,

сколько бы он ни был умен и красноречив» [2, ШВ, кн. 11]. Умный крестьянин высказал мысль о невозможности понять народ, не интересуясь его проблемами: «Как же им и узнать, доподлинно ли простолюды так простолюдны, как об них думают?! Но им, читатель, это – ошибка не совсем простительная; они об этого рода предметах рассуждают по теории, а практика в этом случае им еще не раскрыла тайны... Они – знатные – большей частью с простолюдинами никогда не жили и в положение образа их повседневной жизни не вникали, да и вникнуть им невозможно – по особым причинам, о которых не к чему здесь распространяться; следовательно, все приемы в жизни простолюдинов кругу образованному знать недоступно. Да и как же все узнать у них с точностью?». К.П.М. подробно объясняет причины непонимания «людьми образованными» мышления крестьян, их смекалки и ума: «Один сидит в сенате с молодых лет, никогда не побывав в провинциях, кроме того, проездом, по тракту, а не в селах и в деревнях. Другой служит в каком-нибудь ином губернском или столичном присутственном месте, – где должности занимают исключительно лица знатных фамилий, и кончившие курсы образования в высших учебных заведениях, в которых они были затворниками с юных лет. А как заведение такого рода всегда в столичных и губернских городах, и как знатные особы из заведения – прямо и на почетный стул или табуретку в присутственное или иное почетное место, не поживши наперед в кругу крестьян, в особенности мест захолустных» [2, ШВ, кн. 11]. На практике раскрывается образ крестьянина, далеко «не простолюдного», способного постоять за себя, отстаивать свои интересы: «Эти-то почтенные деревенские бородачи и их отпрыски столько хитры, лукавы, хищны и увертливы, как лиса, неблагодарные и мстительные до крайности из-за пустяка, особенно коснись дело их интересов». Зауральский крестьянин – грамотный и думающий – подчеркнул пропасть между представите-

лями высших социальных слоев общества и трудовым народом. Сотрудник И.М. Первушина поставил вопрос об ответственности правящих кругов и просвещенного общества перед земледельцем-кормильцем страны. Вопрос и сегодня актуален. Для того, чтобы помочь крестьянину побороть злобу, мстительность, ненависть, эгоизм, «отпечаток низостей и неправды, и разные слабому от сильного угнетения, царствующих в кругу простолюдинов», доверить ему землю, необходимо знать народ, обучать его грамоте, прислушиваться к его многовековому опыту, выраженному в пословицах и поговорках.

Задаче выявления ментальности крестьян подчинен ряд «статей»-авторских очерков Первушина. Основой сюжета выбираются яркие эпизоды, случающиеся в обыденной повседневности. В конфликт сводятся бинарные оппозиции: честность и воровство, труженик и грабящий его чиновник. Для примера обратимся к статье «Разные известия и новости», в которой повествуется о крестьянине, сумевшему дать достойный отпор чиновникам-грабителям, успешно отстаивать свою честь. Первушин-рассказчик, свидетель происшествия, точно, конкретно назвал место действия, сумму денег, показал поведение главного героя. Государственный крестьянин на почте Потанинского села «отправлял куда-то 10 рублей, 48 копеек серебром. Отдал, получил расписку» [142, ст. «Разные известия и новости»]. И.М. Первушин отметил, что мужик был неграмотным, но сообразил, что его обсчитали. Он решил спросить, удостовериться у нескольких человек, правильно ли у него взяли пошлину. Оказалось, что 25 копеек серебром почтовые чиновники перебрали. Крестьянин потребовал своего. «Подайте мне мои 25 копеек. Вы грабите днем при всех, не боясь никого; подайте же мне назад четвертак. Почтмейстер Р. видит энергические претензии мужичка-доки, приказывает выбросить ему деньги 25 копеек серебром. Мужик Потанинский берет обратно свои 25 копеек серебром и говорит:

«Пойду в полицию, объявлю, что здесь берут лишние деньги, просто «грабят» мужиков среди белого дня». Молодец!!!» [142, ст. «Разные известия и новости»]. Первушин не случайно назвал статус главного действующего лица – государственный крестьянин, не крепостной, а свободный человек. Он платит налоги, знает счет деньгам. Сюжет строится на выступлении простого сибирского, незакрепощенного мужика против служащих почтового отделения, по привычке вздумавших обобрать человека, приходящего в контору. Желание человека разобраться в ситуации поразило Первушина: «Едва ли не знает он грамоты или, по крайней мере, цифр; но для большей достоверности он обратился к другому человеку постороннему, мещанину, мужику грамотному, сдававшему также что-то на почту, с таким вопросом: сколько означено денег в расписке?» [142, ст. «Разные известия и новости»].

Отец Иоанн Первушин, сельский батюшка с гордостью говорит о своих земляках-крестьянах, способных «добыть правду».

Подобное уважительное отношение просвещенных людей к крестьянам в Сибири встречается в книге рассказов, воспоминаний, раздумий, писем писателя, «курганского» декабриста Н.В. Басаргина: «Чем далее мы продвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смысленнее, даже и образованнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими» [70, 117-118].

И.М. Первушин не случайно поместил в «Шадринский вестник» очерк об обличении крестьянином хапуг-чиновников. Он показал значение положения свободного крестьянства за Уральским Камнем в формировании чувства собственного достоинства, критического отношения к захребетникам, умения отстаивать свою честь, справиться со сложной ситуацией, выйти победителем из столкновения с «крапивным семенем».

Этот аспект социальных столкновений выбран сознательно, в соответствии с региональной социальной спецификой. Здесь основными грабителями крестьян были чиновники. Проблема, поднятая автором в статье, была созвучна времени, определена общим направлением развития передовой общественной мысли 60-х годов XIX века в России. Для Первушина важно было подчеркнуть способность крестьянства отстаивать свои интересы, показать его сообразительность, смелость, умение в необходимый момент обратиться за советом, управлять своим делом. Вывод получился однозначным: реформа была необходима крестьянству, российскому обществу. В случае реформы крестьянин будет хорошим хозяином, разумным и трезво мыслящим, активным и смелым человеком.

2.4. Влияние научной работы на краеведческую деятельность

На широту интересов, направление мыслей И.М. Первушина оказал влияние его математический взгляд на мир. Отпечаток принципов учёного проявился и на его краеведческой деятельности. Отметим математическое умение Первушина анализировать, вычленять сущность явлений при внимании к деталям. Это один из главных принципов зауральского священника.

Второй принцип, который явно проявился в «Шадринском вестнике», – это подача фольклорных материалов в контексте бытовой жизни. Характерно обращение краеведа-мыслителя к народной медицине. Отдаленность от городов, отсутствие медицинской помощи, хорошее состояние здоровья местных жителей поставили перед ученым Первушиным вопрос о том, как помогают крестьяне сами себе сохранить здоровье, как обширны их знания в области народной медицины. Эти условия самосохранения необходимо было подчеркнуть в пореформенное время. Для лечения людей, воздействия

на их душевное состояние, от которого во многом зависит здоровье человека, в любое время требовались обширные знания в области анатомии, физиологии, психологии. В статье «Медицина деревенская» [30, ст. № 69] И.М. Первушин подробно останавливается на народных средствах лечения горячки, боли в горле, скарлатины. В традиционной культуре каждый человек в той или иной мере обладал навыками лечебной магии для поддержания здоровья. Практически в каждом доме хранились собранные в положенное время травы, из которых делались необходимые настои и отвары. Способы лечения передавались из поколения в поколение.

Мышление математика И.М. Первушина проявилось в точной записи рецептов лечения наиболее распространённых заболеваний, практических советах, научных комментариях: «Как лечить прорезы, проколы, посеки топором? – Береги паутину (и она драгоценнейший дар божий), а если нет заготовленной, сейчас же собери, сколько возможно больше, разотри её и смешай с сахаром. Смесью начини рану, прорез, прокол; завяжи бинтом и – дело кончено; через 7 или 10 дней рану затянет, паутина вывалится. Так лечили проколотое брюхо под боком (ножом), – так лечили полуотрубленный большой палец правой руки» [30, ст. № 69]. Верный своему убеждению в том, что крестьянство пытливо и умно, И.М. Первушин привёл народное объяснение редким явлениям природы. Характерен сюжет о северном сиянии. В словаре В. Даля под термином «северное сияние» понимается «разноцветное, играющее огнями зарево северных стран; в арх. и сиб., где оно, изменяясь по виду, стоит почти всю зиму, освещая тёмные ночи, его зовут: зоря, зори, зорники, пазори, лучи, лучистые пазори, столбы, яркое и разноцветное, высокими столбами; сполохи, то же, но сильно играющее и с грохотом, треском» [40, 167].

Научное понимание северного сияния ученый Первушин

даст нам крестьянских поверий, что является важным для истории народной фольклористики. При этом яркость происходящего на небе сопоставляется фольклористом с яркими событиями на земле. Северное сияние произошло в самую звучную пору в обрядовой жизни молодежи – на святках. Подчеркнем внимание фольклориста к народным объяснениям тайн природы, осмыслению крестьянином явлений мироздания. При этом чувствуется исследовательский подход математика: собрать всё, истолковать с научной точки зрения; сделать выводы, натолкнуть на размышления: «В конце четвертого часа утра 26 февраля, в воскресенье, северное сияние. Влево яркий красный столб, прямо очень светлый, правее (к востоку) два не очень светлых столба; между ними всеми темно; звёзды на небе горят ярко; холодно. Пристывать начало ещё с вечера; вчера в сумерках было яркое светлое сияние южное, чуть уклоняющееся к западу, – от Замараевой представлялось над Загайновой или возле восточную её сторону». Фольклорист Первушин выслушал старушку-«просфорню», видевшую сияние на небе. По её словам, оно «не было мгновенное, но продолжалось несколько секунд и через небольшой промежуток повторилось» [30, ст. 63 «Современная хроника»]. Северное сияние происходило довольно редко в Шадринском уезде, поэтому этот случай вызвал потребность математика узнать народное толкование его. Для историков и теоретиков фольклора важно наблюдение И.М. Первушина не только о своеобразии восприятия крестьянами необычного явления, но и о характере рассказа о нем. Факт удивительного события отмечен детальностью рассказа о нем, указанием точности времени года и даты, дня, недели. Первушин одновременно приводил научное и народное объяснение различным фактам природы: «Днем в субботу было очень тепло, и в пятницу тоже везде лывы (лужи – авт). – Мне приходит на память так называемое «отверзтие неба», какое я видел в мороз-

битый народом двор... – все под Ней. Она – Царница Нсбесная. Она – над всеми» [192, 347]. Подчеркивается важность этого старинного и доброго обычая, потребность народа хотя бы раз в году освятить свое жилище пребыванием святых икон, объединиться великой идеей святости страдания за людей.

Другой взгляд отразил известный художник В.Г. Перов. В картине «Сельский крестный ход на Пасху» (1861 г.) сатирически изображен обход приходским духовенством крестьянских изб, во время которого священник благословлял прихожан, кропил жилища святой водой, а церковный причт прославлял праздник песнопениями. Крестьяне по случаю праздника старались всех угостить. Художник изобразил итог таких «угощений».

Описание Пасхального обхода домов в городских и сельских приходах и объективная оценка отношения к нему прихожан содержатся в церковных периодических изданиях. Например, в еженедельном журнале «Церковный вестник», издававшемся с 1875 года, в разделе праздники народно-церковного календаря печатались статьи, очерки, заметки о Пасхе – наиболее значимом годовом празднике. Причем, судя по материалам, хождение причта по домам прихожан на Пасху не всегда вызывало дружелюбие населения. Отмечалось, что обходы часто совершались в спешке с целью получения духовенством хорошего вознаграждения [33, 507-509].

Отношение И.М. Первушина – известного математика – к Пасхальному ходу перекликается с сатирическими взглядами художника В.Г. Перова. Анализ статьи «Сельская Пасха» позволяет отметить критическое отношение автора к проведению той части праздника, которая выносится за стены храма. Она, по его верному наблюдению, наполнена материальными заботами клира и языческими элементами. Будучи сам священником, Первушин выступал за реформу обрядов, за проведение их в соответствии с христианскими догмами, за ма-

териальное обеспечение провинциального духовенства, независимость их жизни от поборов с прихожан. Статья «Сельская Пасха» отразила двойственную природу сельского обхода домов как любого народного праздника, одновременно предполагавшего торжественность и смех. С одной стороны, непременным атрибутом празднования была торжественная атмосфера, так как Пасха является великим праздником церковного календаря, символизирующим обновление и спасение мира и человека. Не случайно в православной традиции она получила название «царь дней», «праздник праздников».

С другой стороны, Пасха сохранила элементы языческой культуры, связанные со смеховым началом праздника. Сам сельский ход включил черты карнавала, создающего особое «смеховое» мировосприятие. М.М. Бахтиным отмечено: «Организирующее карнавальное обряды смеховое начало абсолютно освобождает их от всякого религиозно-церковного догматизма, от мистики и от благоговения, они полностью лишены и магического и молитвенного характера» [71, 9]. Более того, некоторые карнавальные формы, по мнению М.М. Бахтина и Д.С. Лихачева, являлись пародией на церковный культ: на евангельские чтения, на церковные гимны, псалмы. В действительности пародия была освящена традицией и в какой-то мере терпелась церковью, «поскольку почти каждый церковный праздник имел свою народно-площадную смеховую сторону. Таковы, например, так называемые «храмовые праздники», обычно сопровождаемые ярмарками с их богатой и разнообразной системой площадных увеселений» [71, 7]. Смех царил и на сельскохозяйственных праздниках, сопровождал гражданские и бытовые церемониалы и обряды.

Обрядово-зрелищные формы, организованные на началах смеха, чрезвычайно резко отличались от официальных, церковных культовых установок. Они давали совершенно иной, подчеркнuto неофициальный, внецерковный аспект мира,

человека и человеческих отношений, строили по ту сторону всего официального «второй мир» с его разгульным смехом – «смехом площадей, балаганов, народных празднеств и увеселений» [149, 135]. Так было и в русле русской действительности XIX начала XX в., когда народ вопреки обличениям церкви, несмотря на все ограничения, веселился и праздновал Новый год, святки, масленицу. При этом большой популярностью на городских площадях во время народных гуляний, на сельских и городских ярмарках пользовались юмористические произведения: прибаутки балаганных «дедов», приговоры раешников, народные пьесы «Петрушка», «Лодка», «Царь Максимилиан», выкрики разносчиков и торговцев, непререкаемых участников всякого рода народных гуляний и ярмарок. Народные игры, сцены и пьесы в ярких картинах осветили сатирическое отношение людей к различным сторонам общественной жизни, празднествам.

Таким образом, «смех, вытесненный из официального культа, свил себе неофициальное, но почти легальное гнездо под кровлей каждого праздника» [71, 92]. Данное утверждение в равной мере относится к зафиксированному И.М. Первушиным народному празднику Пасхи с обрядом славления, наполненному карнавальностью. При этом необходимо отметить тот факт, что само понятие «смех, смешное» нами понимается в значении «комическое» [81, 5-6]. В монографии В.В. Блажеса отмечено, что «комическое всегда смешно, но не всегда смешное комично» [81, 5-6]. В связи с этим, традиционным для народного комизма является сопряжение разных, подчас прямо противоположных тем, вызывающих двойственное отношение.

Так, наряду с торжественными и смешными моментами Пасхальный ход предполагает соединение духовного и материального начал праздника. Подобное «раздвоение» можно объяснить самим существом смеха, которое «открывает в одном другое – не соответствующее, в высоком – низкое, в духовном – материальное, в торжественном – будничное, в обнадеживаю-

щем – разочаровывающее» [119, 369-370]. Смех делит мир надвое, создает смеховую «тень» действительности, и вместе с тем объединяет обе половины.

Пасхальное шествие Первушин увидел как своеобразное народное гуляние с угощениями, «движением, пением, шумом, целованием, остротами, шалостями ребятишек» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»]. Высвечивается несовместимое единство службы в Светлое Христово Воскресение, религиозной христианской атмосферы с материальной выгодой священнослужителей, раскрывающейся при подсчете стоимости отдельного молебна, акафиста, народным балагурством, взаимными угощениями, весельем. В данном случае уместно замечание Д.С. Лихачева: «Смеховое литературное произведение имеет тенденцию к единству смехового образа: либо кабак изображается как церковь, либо монастырь как кабак, либо воровство как церковная служба. Это – представление одного в виде другого, служащего смеховому снижению» [119, 287]. Духовному миру противопоставляется «низовой», материальный мир, обнаруживающий отсутствие смысла и значения, разрушающий всю «знаковую систему», созданную традицией. На примере обряда кропления озимых на полях святой водой отчетливо видно переплетение сакральных дохристианских и христианских элементов с символикой молитв, молебнов, икон. Народные магические действия прослеживаются в обычае молитвы над сеянием с «верой, простейшей верой в силу благодати божией и угодников его» [52, 407]. Данный ритуал был связан с так называемым языческим по своей семантике «хождением в жито» – комплексом действий, поверий, примет и фольклорных текстов, относящихся к практикуемым в весенне-летнее время обхода полей. Он совершался на Вознесение и следующие за ним праздники – в Семик, Духов день, реже в Иванов день, в течение пасхальной недели, а также в Юрьев день» [52, 407]. В указанный период крестьяне со свя-

щенником и причтом обходили село с иконой с тем, чтобы отслужить молебен об урожае с водосвятием. Водосвятие восходит к народным представлениям о сакральности воды – «одной из фундаментальных стихий мироздания, первоначально, исходящим состоянием всего сущего» [45, 240]. Данный аспект мифологемы воды вызвал её почитание. Ей, как известно «приписывалась продуцирующая сила, способствующая плодородию растений, животных и человека» [47, 173].

Вера крестьянства в положительные свойства воды заимчена Первушиным в описании обычая чтения молитвы над «сеянием» - семенами: «Иконы обыкновенно ставятся на хлеб зерновой, стоящий на столах в решетках и сеялках, – пшеницу, ярицу, овес...семя конопляное ставят в чашках, тут же бывает семя огуречное или горох. Все это окропляется святой водой – после водосвятия, разумеется, и по особенной просьбе читается молитва над сеянием». Записи И.М. Первушина в деталях передали состояние традиции обряда: «В деревне М-вой обыкновенно бывает общий молебен на улице, водосвятный, с молитвою особенной, – над семенами, приносимыми в стаканах и чашках со всей деревни» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»].

Фольклорист критически оценил Пасхальный ход, наполненный тревоугодием, угощением спиртным, унижением духовенства. Запечатлено мнение сельского батюшки Первушина о положении священнослужителей. Их сан предполагал высокое положение, но сам праздник в языческом бытовом проявлении ставил клир в униженное положение. В монографии А.И. Конюченко, по свидетельству сына священника Тамбовской губернии во время празднования Пасхи «весь причт церковный, а также и «богоносцы», носившие с причтом образа по селу, к вечеру возвращались домой порядочно нагружившимися <...>. И это было очень грустное явление, подрывавшее благоговейное, праздничное настроение» [111, 187].

Священник И.М. Первушин не выступает против народ-

ной традиции. Для него важной является мысль об отделении христианского высокого начала от бытового и языческого. Обратимся к тексту: «А угощения везде бы были, если бы пожелать. Но нет, и виду нельзя подать: иначе закормят, запоят на убой, по русскому усердию <...>. Ноги сильно устают у настоятеля. Инде чай пить садить его на полчаса или менее. В деревнях обыкновенно причт ночует, и утром подымается рано в ход. Одно и то же утомляет до бесконечности, отбивает язык, особенно при поспешении. Тысяч десять раз пропоешь: «Слава, Господи, кресту твоему честному! Пресвятая Богородица, спаси нас. Святой...моли бога о нас. Слава отцу и ныне и присно...аминь...» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»]. Повторяются мотивы торопливости, усталости клира, превращающие торжественный момент в чистую формальность. Особую значимость имеют детали, отмеченные внимательным фольклористом. В частности, нельзя не заметить мотив торга между пастырями и прихожанами.

Собиратель-краевед противопоставляет торг – ярмарочное явление, основанное на стремлении клира получить что-нибудь за свою службу-работу, светлой идее Воскресения Христа, предполагающей бессеребренничество, духовное воздействие на население. Прихожане «за поминовение считают грехом и стыдом не заплатить. А за молебны нередко спорят и недоплачивают <...>, так что в плохой деревне долгу остается столько же, сколько получается сбору...или немногим меньше. В самом деле, крестьяне как-то неохотно дают за то, что им представляется темным: именно за каждую душу по пятакку асс., – и сверх того – полтину или гривен семь асс. прибрассывается к итогу пасхального побору так себе – с дому, с дыму, на сдачу, на отправку книг, как только можно вильнуть» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»]. А.И. Конюченко в монографии о православном духовенстве в России приведен один примечательный рассказ: «Мне один священник сказывал, –

делился П.М. Остроумов, – как они служили заказные обедни. Позвонят к заутрене, потом мало годя и к обедне. Сами же отцы посиживают в церкви да гуторят о разных пустяках. Между тем пономарь то и дело поглядывает – узнать, не идут ли? То есть те, кто заказывал обедню. Как только заметит, что идут, картина меняется: священник облачается, отверзает царские двери, и как только вошли в церковь заказчики, возглашает: «С миром изыдем!», а клир: «О имени Господни и проч.», как-будто и на самом деле кончают обедню» [111, 171].

Первушин ставит вопрос о реформировании празднования Пасхи, обеспечении служителей церкви достаточным жалованьем. Пасхальный ход привел к размышлениям об унижительном положении сельского духовенства. В статье «Сельская Пасха» Первушиным высчитывается выручка причта, священника, дьякона, попа, пономаря: «Причт же получил выручку, гораздо превышающие прошлогодние. Именно: 246 р. 01 j коп. сер. Если присовокупить к сему 15 р. 54 коп. сер. месячных апрельских, то из суммы 261 р. 55 S коп. сер. досталось на долю священнику 127 р. 24 к. сер., диакону вполнину против попа 63 р. 62 коп., дьячку треть против него же 42 р. 41 S коп. и, наконец, пономарю в полтора раза меньше против дьячка (как и дьячку против дьякона) именно 28 р. 27 s коп. сер.» [142, ст. 94 «Сельская Пасха»]. Нищета ведет к лицемерию, духовному падению. В соответствии с народной пословицей «Сколько денег, столько песен» И.М. Первушин приводит пример вынужденного обмана в работе одного из дьяконов, служившего обычный молебен вместо акафиста, что составляло огромную разницу по времени и оплате: «В конце всего служится водосвятие по плате равняющееся также молебну большому или акафисту – рубль ассигнациями и за маленький молебен обыкновенно пятнадцать копеек ассигнационных» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»]. Историк А.И. Конюченко справедливо отмечает, что «бытовые условия сельских церковнослу-

жителей ничем не отличались от условий проживания деревенской бедноты. В юго-западных губерниях страны большинство жило в лачугах и землянках» [111, 166]. В книге Конюченко приведено воспоминание одного из священников: «Священнический дом! Какое издевательство над семейным человеком, над человеческими потребностями! Не дом и не крестьянская хата, а столетняя руина. Четыре хворостяных, когда-то мазаных стены, выбитая земля вместо пола, маленькие дырки вместо окон. На мазаном потолке и на стенах следы от дождевых потоков <...>» [111, 167].

И.М. Первушин сатирически противопоставляет сакральность службы отбитому языку, дыру – парадным дверям, чтение Евангелия – разговорам о житейском, хохоту и смеху, Пасхальный ход – «путешествию по назьмам и загородкой». Данные оксюмороны и оксюморонные фразы подчеркивают раздвоение мира на «мир действительности» и «смеховой мир», придают специфическую условную театральность одному из самых светлых праздников.

Сниженная лексика «продираться», «прильнуть к языку», «молотье», «лезть на полати», «клестнуться лбом о косяк» «употить на убой» диссонирует с высокой церковной лексикой: «Евангелие», «прихожане», «молебень», «акафисты», «тропарь».

Соединение разговорного и высокого книжного стилей также служат передаче смеховой сущности изображаемого. Описание Пасхи пронизано иронией. Иносказательно раскрываются недостатки изображаемого явления. В статье заметна ироническая настроенность Первушина к вынужденному лицемерию священников: «За малыми молебнами (Воскресению, Кресту и Богородице, Флору и Лавру, Власию и Модесту, Николае святителю, пророку Илии, архангелу Михаилу, Храмовым святым... и др., всего перечислено – 19) следуют большие – акафисты, которых при церкви не было, «между тем, требование на них частовременно». Для того, чтобы не показать

недостаток молитвенных средств, «дьякон спокойно объявляет, что сослужил большой молебен, то есть с канонем и с запевами..., нечто похожее на акафист, где чтение прерывается песнею «радуйся» или «аллилуия». Плата та же, что и за настоящий акафист. И таким-то образом, хоть какому угодно святому или святой можно сослужить акафист или большой молебен. Чудесное изобретение предшественников!» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»].

Гиперболизация действий и состояния священника: «тысяч десять раз пропоешь», «утомляет до бесконечности», «устанешь до упаду» - подчеркивает комизм ситуации, вскрывает недостатки, несоответствие праздничной атмосферы с настроением, чувствами церковнослужителя. Вывод логичен: «Неудивительно, если внимание и усердие причта бывает пропорционально противоположно вниманию и усердию прихожанина. Чем больше где служат, тем больше утомляются, тут уж и о деньгах не думал бы, когда устанешь до упаду» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»].

Главный христианский праздник, по наблюдению фольклориста, лишается благоговения, торжественности, превращается из дня обновления духа в день служения плоти: всюду постоянные угощения, нехристианские увеселения: «Старосты и нередко ношатели садятся во время молебнов на крыльцо, разговаривают о житейском, хохочут и смеются и прикусывают свою «биседу» яичками красненькими, вымениваемыми обыкновенно из поповой корзины. Ведь им надо же отдохнуть и перебраться словом», а священнику приходится «продираться сквозь ряды людей, когда идет с кадилом или святою водою в клеть или избу для окропления и каждения» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»].

Повторимся, сцена сходна с атмосферой карнавала. М.М. Бахтин, анализируя гетевское описание карнавала в его «Путешествии в Италию», отметил относительно этого народ-

ного гуляния: «Народ не чувствует себя здесь получающим нечто, что он должен принимать с благоговением и благодарностью. У этого праздника нет объекта, по отношению к которому требовалось бы удивление, благоговение, пиететное уважение, то есть нет как раз того, что преподносится в каждом официальном празднике» [71, 267].

Выявление смешного и серьезного высвечивает позицию автора. Он отметил не только противоречивость праздника, но и дал ему оценку: «Трудно решить, сатиры или иронии стоит это хождение... Тут много горького и смешного, величественного и презренного!?» [30, ст. 94].

Смешным и одновременно грустным является рассказ о самом обходе, во время которого «священник чрезмерно утомляется путешествиями по назьмам и загородкой. Право, сколько переступишь ступенек! Сколько перешагнешь порогов! Сколько раз согнешься в три погибели, чтобы пролезть в дыру, заменяющую парадные двери... Как и прежде, поп два-три раза хлестнулся лбом о косяк дверей или обруч полатной, так что искры из глаз... Право ведь, голова пойдет кругом... Движение, пение, шум, целования, остроты, шалости ребятишек, жар и духота, если не хуже что-нибудь. Это все пренесноснейшую пытку составит вместе... Нужен большой запас терпенья, чтобы не заплакать или не захохотать <...>» [30, ст. 94 «Сельская Пасха»].

В монографии А.И. Конюченко приведен яркий пример того, что ожидало священника в избах во время хождения по домам прихожан для служения молебнов: «Хаты почти все черные, низкие. Придешь в иную конуру, а стряпуха, заткнувшись до невозможности, печку топит, полна изба дымом... стоишь, буквально согнувшись в три погибели, поневоле зачишаешься и закашляешься во все отверстия. Мы служим, а нам вторят коровушка «мык-мык», овечка «бя-бя-бя-бя», курочка «кудак-кудак!». «Што-б те разорвало!», - ругается хозяйка с курицей, которая, испугавшись нашего пения, бросилась в корыто с

мукой. Гармония выходит преудивительная, что твой концерт. Стоит гривенника!... Рад-радешенек, что кончишь такое путешествие» [111, 181].

И.М. Первушина волновали проблемы положения и нравственности духовенства. Он указывал на «мнение народное», предупреждая своих коллег от дурных поступков, фольклорными произведениями напоминал о народной оценке, крестьянской наблюдательности и остром слове прихожан. С одной стороны, Первушин показывал достойное осмеяние материального положения сельского клира, с другой – предъявлял требование соблюдать высокую планку нравственности. Об этом свидетельствует внесение в «Шадринский вестник» сказки «О попе и мужике», которая высмеивает образ жизни и поведение духовных лиц. Сказка записана составителем журнала И.М. Первушиным. «Сказки не история», – заявлял в свое время Н.М. Карамзин, и с этим нельзя не согласиться. Но вместе с тем, не будучи историей, сказка тесно связана с нею и может быть, говоря словами В.Г. Белинского, «объяснена историей» [73, 232]. Сущность вида сказки дана А.С. Пушкиным: «Сказка ложь, да в ней намек <...>». Еще в XVIII веке неизвестный исследователь русской сказки сформулировал основную особенность сказки как жанра. «Сказка – есть повествование вымышленного происшествия, – писал он, <...> она требует вымыслов <...> действие поэмы эпической – есть истинное, ниже принимаемое за оное, ибо тогда произвело бы оно не «сказку», а «историю» [146, 84]. Именно вымысел К.С. Аксаков считал главной особенностью сказки: «В сказке с самых первых слов дается знать, что это вымысел» [7]. Таранцевой: «Подчеркнутая, сознательная установка на вымысел – основная черта сказки как жанра» [146, 5]. Её мнение разделил В.П. Аникин, подчеркнув, что «установка на вымысел» существует и у других жанров. Существенным дополнением к

определению должно стать указание на самый характер и свойства самого сказочного вымысла. Надо охарактеризовать вымысел с точки зрения его отношения к реальности, исторического происхождения и понять его идейно-художественные функции» [62, 447]. Вымысел сказок имел реальное основание, его конкретные формы складывались в тесной связи с жизнью. «Раз возникнув, сказочный вымысел развивался в совокупности существующих народных представлений и понятий, не однажды подвергаясь переработке, – объяснял Аникин, – через сказку перед нами раскрывается самобытная история народа» [62, 447]. Сказки тесно связаны по своему складу и содержанию со всеми другими памятниками народного слова (песни, пословицы, поговорки, причитания, загадки) и т.д. Исполненные древних преданий, они, несомненно, представляют много любопытного и в художественном и в этнографическом отношении. Простонародные сказки служат для первоначального воспитания. Они дают возможность познакомиться с чистым народным языком, его меткими оборотами, нравственными установками этноса. А.С. Пушкин в одном из своих писем к брату из Михайловского писал: «Знаешь мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» [152, 108]. Э.В. Померанцева отметила характерность для русского народного репертуара антипоповской темы. В сказках служители культа часто высмеиваются, характеризуются как сословие невежественное, лицемерное, любвеобильное. В этих сказках отразилось народное представление о том, чего не должно быть и что должно быть. Духовное лицо должно быть подобно жене Цезаря. Однако жизнь являла и другие примеры. Фольклорная народная фантазия в ярких картинах развернула богатство юмора, осветила отношение мужика к духовным пастырям. Народ хорошо

знал жизнь сельского духовенства и отразил это в своих сказках. В.Я. Проплом отмечено: «Смех есть орудие уничтожения: он уничтожает мнимый авторитет и мнимое величие тех, кто подвергается насмешке» [149, 30]. Смешными оказываются область нравственной жизни, желания и цели, суждения, в которых проявляется недостаток ума. Объектом народного смеха часто были сельские батюшки, их физическая, умственная и моральная жизнь. С горечью писал зауральский сельский священник-ученый: «Найдется ли поп, который денег (или чего прочего) не берет? Если бы нашелся таковой: его надобно посадить в золотую клетку, и всем показывать: вот, смотрите, поп, который взятку не берет!» [30, ст.98 «Летопись апрельская, майская и июльская до 14 числа»].

Свои мысли и выводы он подтвердил сказкой, которая была записана от П.Е. Вошикова в деревне Коротковой: «Жил мужик нужнитной у попа в суседах. У него избеночка худинька, одни сенцы и клетки нет, а жена у него хорошая, баская. А поп и заглядел на нее, на молоду и ходит к ней и говорит: «Ты согласишься со мной..., дак я вас с домом сделаю». Она не может отбиться от попа и сказала мужу: «Что это, муж? Я не рада стала попу; одолел уж меня; не знаю, как и что делать?». И говорит муж: «Хозяйка, не можем ли обмануть попа? У нас в сенях-то бочка; возьмем, нагребем в бочку-то сажу, насыплем больше, не сядет ли он? Не заманим ли попа в бочку? Запряг мужик лошаденку и поехал по дрова; уехал на гумна. Поп в окно и глянул; оболосся, да и пошел к суседу в гости. Пришел да и зачал опять хозяйке: давай да и только. А она отбивается: «Молчи-ко ты, я поправлюсь; он ведь долго не будет, уехал по дрова; где - часом ли? Я уж кровать сделаю; ужели на полу? Постелю послала; ан и разболосся, тулуп с себя снял и лег на постелю в одной рубашке; ее и торопит. Она в окно и глядит, а муж от и едет. Она и подходит ко кровати-то. Мужик там вдруг на улице приехал. Она и говорит: «Ба-

тюшко! Куда я тебя деваю? Беги в сени, сядь в бочку-ту посиди; он ведь снова уедет, видно, чего забыл». Поп вскочил да и в бочку. — «А тулуп то куда?» — «Я в голбец спущу». А мужик прибежал в избу да матерится: «Скорей, пособилай мне»; взял бочку, закрыл дыру-то, веревкой укутал: «Ступай скорей, потащим бочку». Взял бочку на дровни и положил; взял сошник с собой да оглоблю; сошник привязал к оглобле на сидельник и приехал на озеро. Взял, выдолбил дыру- прорубь и сел к проруби, а сошник спустил в воду; за оглоблю-то и держит. А становой и едет мимо-то; посылает ямщика: «Спроси-ко чего мужик делает? <...>» [2, ШВ, 31-34].

Сюжет сказки традиционный: бедный, но находчивый мужик проучил попа, заглядывавшегося на его жену. «Сравнительный указатель сюжетов» под номером 1725 объединяет 18 вариантов, составляющий сказочный цикл о попах.

В сказке «О попе и мужике» высмеиваются такие пороки попа, как бесстыдство, прелюбодеяние. «Не прелюбодействуй», – учил поп с амвона. Но в сказках эту заповедь поп, дьякон или пономарь постоянно нарушают.

Существует множество вариантов сказки, приведенной И.М. Первушиным: собрание «Сказок Куприянихи» за № 69 [134], «Русские народные сказки» А.Н. Афанасьева [9], «Русские народные сатирические сказки Сибири» Н.В. Соболевой за № 28-30, 38-39 [166] и другие. Особое сатирическое отношение сибиряков к духовенству объясняется, Н.В. Соболевой не только разгульным образом жизни сибирского духовенства, но и «отсутствием религиозного пиетета, приверженностью к старинной языческой обрядности» [167, 17].

Многообразие вариантов свидетельствует о распространности данного сюжета. Меняются мотивы, но не сюжет: поп застигнут у хозяйки, его тащат в сундуке (мешке, связке соломы) на реку (болото), показывая за деньги барину (помещику), выдавая за черта; бегство попа. Варианты сказки раз-

личаются количеством главных героев. В сказке А.Н. Афанасьева «Поп, попадья, дьякон и работник» четыре главных героя, в отличие от трех действующих лиц сказки «О попе и мужике».

Версия сказки, зафиксированная Первушиным, оригинальна. В данном случае нельзя не отметить добросовестность записи краеведа с соблюдением местной лексики: «бает» (говорит), «басится» (красуется), «баская» (красивая), «казать» (показывать), «нужнитной» (бедный) и т.д. характерно для зауральского говора и прибавление частицы «от» к словам – «тулуп-от», «муж-от».

Сохранив прямую речь и диалектизмы, Первушин сумел передать специфику простонародной речи с богатством оттенков разнообразных чувств. Напомним, что заслугой И.М. Первушина-фольклориста является реализация одного из главных фольклористических принципов – паспортизацию фольклорного произведения. Им отмечено, что сказка записана в деревне Коротковой от Павла Елисеева Вошикова в 1860 году.

Необходимо отметить еще один принцип, соблюдаемый собирателем – точность передачи диалекта.

Материалы рукописного наследия свидетельствуют о том, что в фольклоре И.М. Первушин видел средство постановки злободневных проблем: состояние церковных обрядов и необходимость их реформирования, плачевное положение сельских духовных пастырей, отношение клира и прихожан. Особую остроту слову Первушина придавал тот факт, что он знал состояние дел изнутри как сельский батюшка.

Все материалы, записанные И.М. Первушиным, свидетельствуют о понимании им роли легенд, сказок, заговоров, семейных преданий в изучении народа, раскрывают принципы краеведческой работы собирателя. Их мы видим в следующем:

1) личный сбор произведений устного народного творчества. При этом необходимо отметить широту охвата материала, внимание к разнообразным жанрам, обращение к знатокам об-

рядов и вербального фольклора, фиксирование вариантов, бытовавших в Зауралье с сохранением специфики разговорной речи крестьян, паспортизацию записей, комментирование собранного материала, точность аутентичной фиксации проявлений народной культуры в целом и фольклора, в частности;

2) обращение к народной культуре с общенаучных позиций, его стремление объяснить генетические истоки ряда фольклорных явлений;

3) включение краеведческой работы в просветительскую гуманистическую деятельность, близкую к деятельности писателя Л.Н. Толстого;

4) организация комплексной фольклористической работы крестьян: фиксация поэтических текстов бытового и общественного фона, комментарии к ним изобразительным рядом, внимание к культуре коренных народов Зауралья.

Записи устного народного творчества, сделанные Первушиным, свидетельствуют об осознанном подходе к сбору фольклора как важнейшего источника изучения народной жизни, языка и культуры. Легенды, заговоры, органично вплетенные в описание особенностей труда, философии, практической морали местного населения, представляют интерес как характеристика репертуара, бытовавшего в определенном регионе России.

Благодаря фольклористической деятельности священника, математика, краеведа И.М. Первушина современное исследование имеет возможность изучать состояние фольклорной традиции в Шадринском уезде во второй половине XIX века. На следие И.М. Первушина свидетельствует о том, что он видел задачу собирателя фольклора не только в фиксации текстов устного творчества. Для него было важным показать многие стороны народной жизни: мировоззренческую, экономическую, бытовую. Он стремился быть и собирателем и бытописателем.

ГЛАВА 3. ПРИОБЩЕНИЕ ПЕРВУШИНЫМ КРЕСТЬЯН К КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ

3.1. Пропаганда общественной значимости краеведческой деятельности

Середина XIX века ознаменовалась расцветом провинциальной культуры, в том числе и фольклористики. Местные любители и исследователи родного края принимали активное участие в земских делах, собирали этнографические сведения, изучали местные экономические отношения. Они, по справедливому замечанию А.Н. Пыпина, «оживили издания местных статистических комитетов, подняли многое из «губернских ведомостей», в прежнее время влачивших обыкновенно самое жалкое существование, наконец, предпринимали свои личные работы» [154, 310].

Осознание необходимости и важности собирания фольклора характерно и для Зауралья. Пример был показан А.Н. Зыряновым. Ему последовал И.М. Первушин, который не только сам приобщился к собирательскому делу, но и призвал своих земляков тоже заняться этой серьезной и нужной работой. Эту идею он стремился донести до всех сословий, приглашая к сотрудничеству в свой журнал. Особенно показательно обращение фольклориста к крестьянам: «Всякий имеет много под рукой. Более семидесяти священников, более двадцати волостных писарей; не менее их бывших сельских, чиновники, купцы, учителя – все могут принести лепту в сокровищницу «Шадринского вестника». Пора приняться за изучение родного уголка. Приглашу и прочих *крестьян*, и от них должен богатиться журнал. Общее движение мысли должно впоследствии отразиться на всех» [2, ШВ, ст.23]. Обратим внимание на очень примечательную концовку этого призыва. Перечислив сословия, которые могли принять участие в крае-

ведческом движении, И.М. Первушин особо обратился к крестьянам, от которых ожидалась «большая польза журналу». Собираение образцов народной духовной культуры учёный-математик считал делом общественной значимости: «Общее движение мысли должно впоследствии отразиться на всех». Записи грамотных земледельцев, рассуждения сельских жителей на социальные и бытовые, нравственные темы зафиксировали богатейший пласт народного творчества. Крестьянские устные рассказы, пословицы, поговорки, сказки, песни, легенды, которыми изобилует «Шадринский вестник», позволяют «изнутри» увидеть повседневную жизнь простых людей, узнать характер народа, так как «фольклорная культура и её отдельные слагаемые включены в систему жизнедеятельности этноса, неразрывно связаны с ней. Различные элементы фольклора живут естественной жизнью и проявляют себя в потоке бытовой, производственной, общественной деятельности людей, оказываются вовлеченными в этот поток и составляют его органическую часть» [151, 73].

Фольклорист Первушин предоставил возможность простым людям заговорить от своего имени, рассказать о своей поэтической культуре, зафиксировать её, передать сведения о ней потомкам. Краеведческую работу он пропагандировал как возможность оставить свой след на земле: «Подумаем о смерти, помыслим о надгробной надписи. Да не оправдаем собою эпитаграммы: «Не памятник, а диво! Под камнем гроб; во гробе поп; в попе – вино и пиво!». «Ужель над миром мы пройдем без шума и следа? Углубимся же в себя и извлечем что-либо общепольное на свет божий. Нечего робеть, стыдиться, трусить. Ведь не боги горшки-то обжигают. Из людей-единиц, посредством дружественного сочетания, составляются десятки, сотни, тысячи, миллионы,двигающиеся в мировых процессах; и мал квас все смешение квасит» [2, ШВ, кн.2, ст.17; 1861]. Цитата убеждает в том, что способный краевед,

организатор, Первушин понимал трудность фольклористической работы и великое значение произведений устного народного творчества, а также необходимость их сохранения от забвения. В качестве примера он обращался к местным рукописным сборникам, составленным его близкими друзьями. В частности, в «Шадринском вестнике» содержатся выдержки из статей «Камышловского вестника», издаваемого пономарем церкви села Реутина Н.У. Поповым. Священник И.М. Первушин выступил рецензентом статей «Камышловского вестника», высоко оценив интерес журнала к фольклорной культуре. Обратим внимание на то, что ученый, православный священник Первушин приветствует внимание служителей церкви – сотрудников «Камышловского вестника» к «темным суевериям» своих земляков, не считает эту работу противоречащей задачам священников. На одну плоскость значительности поставлены профессионально написанные статьи о школах и суевериях. Знания о школе и глубинной народной культуре представляются одинаково важными: «Пользуемся случаем наглядно познакомить наших читателей с Камышловскими литераторами. Приводим стихотворение редактора К. Ц-на и его товарища, дьячка Александра Яковлевича Кокосова, пономаря Реутинского прихода, сочинения Н.У. Попова. В двух первых книжках говорится о школах сельских (современные вопросы) и суевериях (темные стороны ума). Обе статьи написаны основательно и подробно». К сожалению, «Камышловский вестник» нами пока не обнаружен. Публикация работ из других журналов, внимательный подход к творчеству обыкновенных людей, лестная оценка редактора «Шадринского вестника» вызывали живой интерес населения к собирательской работе, стимулировали её. Крестьяне активно писали Первушину, делясь радостью сотрудничества с журналом. «Малоизвестный» сотрудник «Шадринского вестника» П.М. писал: «Да, снисходительный читатель! Особенно мало слушают людей малоизвест-

тных. Впрочем, я во имя гласности, не лишним считаю поделиться моими заметками для крестьян и поселенцев, обитающих в сказанной местности. Пишут же разные сказки, совершенный вздор и пустяки, и на то есть чтецы. Я писатель неученый, высказываю истинную быль. И почему же мне не поговорить о тех бедняках, как на пользу их, так и всех вообще?» [2, ШВ, кн. 10; 1861].

И.М. Первушин ценил отклики на свой призыв. Об этом говорят факты. В рукописном наследии И.М. Первушина содержатся уникальные записи фольклора, сделанные грамотными крестьянами. В частности, с «Шадринским вестником» сотрудничали крестьяне, «спрятавшиеся» за псевдонимами К.П.М., Н.А. Х-ов, N-н, неоднократно присылавшие ему свои материалы. Анализ «статей» журнала, содержащих записи простых людей, дает основание предположить, что темы для крестьянского поиска были изначально предложены И.М. Первушиным.

На наш взгляд, обращение крестьян к фольклорному краеведению закладывало начало широкого вовлечения грамотного населения края к собирательской работе. Первушин направлял крестьян на творческий поиск, фиксацию того, что они знают и видят сами. В результате, при описании бытовых, жизненных ситуаций сельские жители, присылавшие работы, обращали пристальное внимание на моральные и нравственные качества людей, их взаимоотношения, в которых проявляются любовь и дружба, вражда и ненависть, фиксировали детали происходящего.

На страницах журнала каждый человек, при желании, оставаясь неизвестным, мог выразить свои мысли, отношение к различным событиям, происходящим как в стране, так и в небольшом захолустном селе. Присылая материалы, крестьяне надеялись быть услышанными. При этом крестьяне ожидали от Первушина оценки материалов, возможных исправлений.

«Представляю вашему суждению опыты моего переложения священных книг, покорнейше прошу изъявить без лести свое мнение о моих способностях, и если будет ваше благоволение, то найденные вами неисправности нельзя ли поправить», – писал крестьянин N» [2, ШВ, кн.13. Январь 1862].

Поощряя собирательскую и творческую работу своих прихожан, Первушин стремился придать ей общественное звучание, включая присланные фольклорные материалы в храмовые службы. Это были высшая оценка и похвала, пример другим. Обратимся к ответу редактора «Шадринского вестника» крестьянину N.: «Я весьма возрадовался, получив ваши священные стихотворения – в святом храме. Прочитывая их неоднократно, я нечто исправил – для соблюдения размера, но не рифм, коими вы не в меру богаты. Желательно почтаще получать от вас что-либо подобное» (приложение № 7). Редактору журнала удалось установить связь с читателями, вселить в них уверенность в силе «Шадринского вестника», его просветительских, образовательных функций. Крестьяне часто присылали свои стихотворные и прозаические опыты. В рукописи они неизменно включали пословицы, поговорки, для которых характерны краткость и вместе с тем глубокая содержательность, широкий охват и обобщение жизненных явлений. Фольклорист давал слово крестьянам-мыслителям, которые вместе с ним стремились понять сложность и противоречивость крестьянского мира. Современный читатель слышит голос сотрудника Первушина по журналу – крестьянина, размышляющего над проблемой русского мужика, то есть над проблемой сущности российского крестьянства: «Действительно ли крестьяне-русские мужички так простодушны, как об них заключают люди ученые? – и правду ли говорят: «Сыт голодного не разумеет?» Да, действительно, читатель, эта пословица – русская; и на святой Руси она везде оправдывается практикой. Что правда, то и правда. И всяк к себе гнет мяки-

шем. И всякая слепая в свою пользу смекает, а о голодном брате и горя нет. Это тоже поговорка русская простонародная; но не простые слова, на обум или авось сказаны. А что же заключается в этих поговорках? В них я нахожу точно быль и практическую основу, выражающую себялюбие, злобу, ненависть международную, отпечаток низостей и неправды, и разные слабому от сильного угнетения, царствующих в кругу простолюдинов. Куда ни взглянешь и повнимательнее всмотришься, всюду примечены между простолюдинами обманы, клеветы, разнородные развраты, ложные разглашения, нередко вредящие общественному спокойствию. Так положительно бывают ими же выдумываемы между собой сплетни и пустяки частные на разные манеры, что едва ли какой угодный образованный человек на первый приступ сможет их в сплетнях и лжи остановить и урезонить, а тем более отучить от оных, сколько бы он ни был умен и красноречив» [2, ШВ, кн.11;1861]. Из рассуждений, изложенных живой разговорной речью, наполненной диалектизмами, легко угадывается автор присылаемых работ – человек из крестьянской среды, способный размышлять, выражать свое мнение, умело, с применением пословиц – обобщения опыта, поднимать проблемы и заставлять окружающих задуматься над ними. Крестьянин-мыслитель сталкивает антагонистические пословицы, отражающие противоречивость крестьянского мира. Сам земледелец, автор заметки, верно сделал вывод о том, что нельзя «аршином общим мерить» весь народ, нельзя понять крестьянство, не пожив с ним рядом, тем более, нельзя давать советы «с первого приступа». Для исследователей-фольклористов важна крестьянская оценка пословиц как краткой формы, отразившей глубину мысли, высоту творчества земледельцев, людей от сохи

Впервые в зауральской фольклористике И.М. Первушин поставил задачу собирания фольклора коренных народов края:

«По части литературной, не можете ли вы осчастливить мой журнал киргизскими легендами, – и лучше в прозе, чем в стихах – для большей верности изображения особенно быта кочующих. Я жду от вас много новенького к новому году» [2, ШВ, кн.13]. Нельзя не отметить деликатность составителя «Шадринского вестника», которого, вероятно, не очень вдохновили стихотворные творения сотрудника журнала.

Широкий подход к сбору материала, внимание к творчеству и быту других народов ставят Первушина в один ряд с выдающимися фольклористами и писателями середины XIX века: В.И. Далем, А.М. Листопадовым, Д.Н. Маминым-Сибиряком, Н.А. Крашениниковым и др.

Можно согласиться с А.Н. Афанасьевым, который был убежден в том, что «записки частного человека могут быть весьма любопытны, если он сумеет представить характерные черты того общества, которое в разное время окружало его детство, юность и старость» [9, 233]. Анализ фольклорной составляющей рукописного наследия И.М. Первушина позволяет говорить о серьезном внимании фольклориста к прозе, особенно несказочной, в произведениях которой раскрывается характер реальных людей конкретного региона.

3.2. Устные рассказы, присланные крестьянами

3.2.1. История изучения устных рассказов

В журнале И.М. Первушина широко представлены устные рассказы, записанные крестьянами Шадринского уезда. Редактор «Шадринского вестника» одним из первых организовал работу по собиранию устных рассказов в крае. Собранный материал обязывает нас обратиться к теории устного рассказа.

Теория устного рассказа до наших дней находится в стадии осмысления, решения, хотя этот вопрос является одним из самых актуальных и постоянно обсуждаемых в фольклори-

стике. Впервые широкое бытование устного рассказа зафиксировала литература XIX века. Крупные писатели А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, М.А. Шолохов, М. Горький включали в свои произведения устные рассказы с различными содержательными и художественными задачами. Русские писатели отразили бытование устных рассказов разного содержания и разных форм. Основу сюжетов рассказов чаще всего составляло необычайное событие.

В реальном бытовании устный рассказ часто соседствует с другими жанрами: легендами, преданиями, сказками. Однако, устный рассказ всегда узнаваем и в литературных произведениях.

Изучение устных рассказов началось в 20–30-е гг. XX века. Необходимо отметить существование в то время одновременно двух терминов «устный рассказ» и «сказ». Об этом свидетельствуют работы С. Мирера и В. Боровика, В. Паймена, А. Мореевой. В Иркутске в 1940 году вышел сборник «Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири». Устные рассказы, предания, «сказы» публиковались в нем как однотипные [142]. Заметим, что первый по времени публикации сборник «Революция» С. Мирера и В. Боровика [124] (1931 г.) отвечал социальному заказу, о чем говорит его название.

Проблему жанровой специфики устных рассказов поставил Ю.М. Соколов. Характеризуя жанровую систему несказочной прозы, он назвал в её составе семейные предания («биографические и мемуарные рассказы»), устные рассказы («повествования о самих себе, о своей жизни, о событиях, в которых был участником, о замечательных людях, с которыми приходилось встречаться или работать») [168, 507]. 30–40-е годы, по замечанию Ю.М. Соколова, отмечены систематической записью устных рассказов [168, 508]. «Настоящая современная жизнь, её особенности, её большие и малые дела, жизнь современного общества и отдельного члена этого общества

во всей реальной правде – интересуют народных поэтов в первую голову. Жизнь каждого современного человека, какое бы место он ни занимал в обществе, оказывается значительно более интересной, чем жизнь вымышленная или жизнь далёких эпох <...>. И недаром именно в наше время наблюдается в фольклоре тяга к устным «сказам», к биографическим и мемуарным рассказам, повествованиям о самих себе, о своей жизни, о событиях, в которых был участником, о замечательных людях, с которыми приходилось встречаться или работать» [168, 507].

Для Ю.М. Соколова фольклорность устных рассказов казалась аксиоматичной. Признаком фольклорности устных рассказов Ю.М. Соколов считал также обобщающее начало личной судьбы. В результате, устные рассказы, «касающиеся, на первый взгляд личной жизни отдельного, незаметного человека, в действительности – прекрасные документы нашей эпохи» [168, 510]. Им названы жанровые признаки: реальность событий, личностное осмысление произошедших с ним или хорошо известных ему событий, отмечены повествование от первого лица, установка на достоверность. Эти качества позволили ученому назвать устные рассказы жизненными документами.

Споры вызывали не только проблемы фольклорности устных рассказов, отношения их к действительности, но и форма бытования. Так, А.К. Мореева в брошюре «Как работать с народным сказом» выступила против зачисления в сказы любых рассказов-воспоминаний и отнесла к этому жанру такой текст, который «должен быть образным, эмоционально-выразительным, должен представлять собой реалистическое повествование о факте» [130, 6]. Тезис о реализме как черте устных рассказов вызвал в 70-е годы резкое и справедливое возражение С.Н. Азбелева: «Реализм, как известно, представляет собой особенность наивысшей стадии развития профес-

сионального художественного творчества, появившейся относительно недавно, как итог многовекового развития наиболее передовых течений в мировом искусстве. Внешняя «похожесть» этого (он имел в виду рассказ «Про Чапая») и ряда других подобных устных рассказов на реалистические произведения современной литературы объясняются не «реализмом» подобных устных рассказов». Данное сходство он объяснял имитацией (термин Азбелева) «правдивого и «бесхитростно-го» «простонародного» рассказа о реальном факте. Но в реализме такая имитация есть лишь средство воплощения результатов большого художественного творческого процесса – форма, в которой как бы синтезируются плоды художественного обобщения автором своих жизненных наблюдений». В основе народных устных рассказов, – продолжил учёный, – не художественное обобщение, а передача непосредственных впечатлений от одного конкретного факта» [59, 139].

Хотя Ю.М. Соколов четко охарактеризовал устные рассказы как самостоятельный жанр, в первой половине XX века по-прежнему как синонимы употреблялись оба термина – «сказ» и «устный рассказ». В учебнике «Русское народное поэтическое творчество» под редакцией П.Г. Богатырева к рабочим сказам отнесены «сказки, сказы, предания, легенды, сложенные рабочими» [162, 526]. Устные рассказы прямо названы устными сказами: «Народный устный рассказ (сказ) существовал и прежде, однако именно в советскую эпоху создается отношение к устным рассказам как особому виду устной народной художественной прозы» [162, 552]. Далее читатель вводится в лабиринт переплетения литературоведения и фольклористики, что не проясняет проблему жанра устного рассказа: «Устный рассказ (сказ) – это родовое понятие для различных видов устной художественной прозы: в него входят и автобиографическая повесть, и историческая новелла, и бытовой рассказ, приобретшие в процессе их передачи законченную худо-

жественную форму. Устный рассказ повествует о реальных лицах <...>» [162, 552]. Общее заглавие параграфа «Устные рассказы» распространено на рассказы о В.И. Ленине, рассказы о прошлом и сказки [162, 561-563]. К тому же, включение этого повествовательного жанра в область фольклора зачастую оспаривалось по причине того, что часть рассказов носила характер единичного, случайного факта и не переходила из уст в уста, не приобретала устойчивой формы. Вторая причина – отсутствие материалов разнопланового характера, хотя, как видим, фонд текстов на общественную и политическую тематику определенной идеологической направленности имелся значительный. Но он не давал достаточной основы для исследований. Третья причина состояла в незаслуженном отнесении устных рассказов к «периферии самого фольклора», подход к ним не столько как «к сознанию общественному, сколько к сознанию индивидуальному» [56, 296]. Отмечая разнообразие форм всей несказочной прозы, С.Н. Азбелев предложил «в интересах терминологического разнообразия» такие «категории», как «предания и легенды, – жанрами не называть, а называть их, допустим, видами прозаического фольклора» [56, 296]. Для нашего исследования важно не только это методологическое заключение, но и указание на мозаичность устного рассказа. На морфологическом уровне предложено выделить фабульный устный рассказ и устное сообщение. Для проведения классификационной работы ценно замечание о том, что каждая из этих форм «может быть подвергнута дальнейшим подразделением» [56, 296]. Заслуживающие внимания суждения ученого относительно классификации несказочной прозы все-таки не прояснили сущность устного рассказа. Можно назвать и четвертую причину: размытость самого термина «устный рассказ». Он употребляется в значении вида народного творчества, который составляют разные прозаические жанры от сказки до былички, слухов, толков и анекдо-

тов. Обращение к термину «устный рассказ», когда речь идет о быличках и анекдотах, видимо, было средством идеологической маскировки [80, 38-47; 147, 11-26].

Однако обсуждение принципов классификации всей несказочной прозы на уровне жанров и внутрижанровых групп вызвало необходимость рассматривать и устные рассказы. Именно в 60-70-е годы XX века особую остроту, по замечанию Л.И. Емельянова, приобрел вопрос при изучении устных рассказов. Они вызывали споры, высказывались сомнения в отношении принадлежности их к фольклору и к искусству вообще [99, 248]. Однако большое количество прозаических повествований, которые нельзя было отнести ни к сказкам, ни к быличкам, ни к легендам, ни к преданиям, ставило проблему их изучения. Возникали сомнения и в художественности произведений. Так, Л.И. Емельянов в статье «Проблема художественности устного рассказа» констатировал, что подавляющее большинство устных рассказов того периода имеет «уникальную историческую ценность, но «к художественному творчеству все же не относится» [99, 259]. Он основывался на том положении, что художественное творчество «имеет не только познавательную сторону, но и изобразительную. Эта сторона включает в себя определенные для каждой эпохи и каждого вида творчества эстетические нормы и приемы создания художественной формы. Она-то и отсутствует в устных рассказах» [99, 259]. Емельянов поставил под сомнение фольклорность и жанровую атрибуцию устного рассказа. Он резюмировал: «Значение устных рассказов – чисто документальное» [99, 262]. В случае, «когда устный рассказ возглашается равноправным художественным жанром, <...> мы должны со всей строгостью отнести к этой вульгаризации искусства» [99, 264]. И, тем не менее, именно Л.И. Емельянов первым назвал устный рассказ видом. Размышляя о характере художественности различных видов фольклора, он

отметил, что особую остроту этот вопрос «приобретает как раз при изучении прозаических видов фольклора и прежде всего так называемых устных рассказов» [99, 248]. Термин «вид» в одной и той же статье повторялся несколько раз: «Предметом нашей статьи послужат те виды народной прозы, которые могут быть выделены по признаку стихийного участия художественного элемента в отражении действительности при ярко выраженной независимости этого отражения от задач художественных, от импульсов, лежащих в сфере искусства» [99, 251]. Однако, через несколько страниц устный рассказ назван жанром: «Теперь же, когда практика собирания устных рассказов накопила значительный опыт, когда наметились основные пути в изучении и понимании этого жанра, мы можем судить о том, насколько оправданы были надежды одних ученых и насколько основательны сомнения других» [99, 257]. Затруднения в изучении устных рассказов Емельянов связывал с тем, что нет критерия «для отбора материала» [99, 257]. Многие тексты в лучшем случае «могут послужить исходным материалом для создания художественного сюжета» [99, 258]. По мнению Емельянова, собирать и изучать устные рассказы необходимо, поскольку среди массы материала «встречаются отдельные, чрезвычайно интересные и выразительные пласты» [99, 258]. Он выступил против подведения всех устных рассказов под планку нехудожественности: нельзя считать, «что все устные рассказы вообще лишены всякого художественного значения» [99, 258].

Противоречивость статьи показательна. Она вызвана неоднородностью устных рассказов.

В это время сделаны попытки подвести итоги по исследованию устных рассказов. В предисловии к XIII тому «Русского фольклора», посвященного прозаическим жанрам, Азбелев отметил печальный факт: сказочная проза, в том числе и устные рассказы, отнесена к периферии исследователь-

ских интересов фольклористов [58, 5]. Анализируя результаты изучения устной прозы прошлых лет, отмечая ряд серьезных работ в данной области, он пришел к выводу о том, что из основной массы, представляющей собой личные воспоминания, лишь небольшая часть рассказов относилась собственно к фольклорным произведениям. Главными он считал следующие признаки: отражение общественного сознания, общественный интерес. В результате, «такой рассказ неизбежно оторвется от своего автора и первого исполнителя, станет передаваться из уст в уста – независимо от того, известен или неизвестен передатчикам рассказа его автор» [59, 159]. Представления многих учёных о художественности как необходимым признаке фольклора он считал иллюзией: «Вопрос о принадлежности текста к фольклору не может <...> решаться одной констатацией художественной природы» [59, 163]. Исследователь полагал: «Вопрос о художественной природе текстов должен решаться конкретно в каждом отдельном случае» [59, 177]. Само слово «сказ», появившееся в фольклористике в первой половине XX века, по убеждению Азбелева, не обозначало никакого нового фольклорного явления. Он поясняет, что «некоторые исследователи давно уже утверждали, что новый жанр прозаического фольклора не только возник, но и процветает – это жанр «сказов». Выяснилось, что эти исследователи по существу выдавали желаемое за действительное. «Сказы» оказались преданиями, легендами, сказками, воспоминаниями, то есть жанрами, которые существуют уже многие сотни лет. Современные исследования рабочего фольклора пока не привели данных, которые действительно бы свидетельствовали о возникновении новых жанров» [55, 126]. Как видим, определение жанра С.Н. Азбелевым тоже уязвимо. Такой признак, как передача текста из поколения в поколение имеет отношение, например, к преданию. Однако устный рассказ выпадает из параметров, заданных этим типом трансмиссии.

Устному рассказу как жанру фольклора была посвящена кандидатская диссертация И.З. Ярневского, защищенная в конце 60-х годов [194]. Её автор рассматривал основные этапы собирания и изучения устных рассказов, задавался вопросом об их жанровой природе и художественной состоятельности, ставил задачу найти отличие устного рассказа от смежных прозаических жанров, через сопоставление с ними старался уловить его суть. В результате исследования им было дано следующее определение: «Устный рассказ – повествование о конкретных лицах и реально-исторических событиях с установкой на общеинтересность, познавательность, эстетическую и художественную ценность» [194, 16-17]. Оно также не вносит ясности в обсуждаемую проблему. Вопрос о том, чем же отличается устный рассказ от предания, не решен. Оба жанра содержат установку на манифестацию реальности содержания.

Неразработанность теории устных рассказов проявилась даже в статье В.Я. Проппа «Жанровый состав русского фольклора», опубликованной в журнале «Русская литература» №4 за 1964 г. (С. 58-76). Позднее статья переиздавалась. Вся область ярких рассказов «из жизни» отнесена В.Я. Проппом к «сказкам». Но у него не вызвал сомнения вопрос «о принадлежности к фольклору обычных рассказов из жизни, воспоминаний, рассказов о необычайных встречах или необычайных событиях». При этом отмечено, что «в фольклористике такие рассказы получили название сказов». Замечание В.Я. Проппа о том, что специфичность этого жанра состоит в «передаче действительных фактов», имеет методологическое значение. По его мнению, «пренебрегать сказами никак нельзя». Такие произведения, как считает исследователь, ценны фактическим материалом (устные мемуары) и признаками художественности [150, 52].

Итак, в 60-е – начале 70-х годов оставались нерешенными определение жанровой природы устного рассказа, его клас-

сификация, художественное своеобразие. Подвижки начались с изучения устных рассказов Великой Отечественной войны.

Так, исследователь устного рассказа Великой Отечественной войны Л.В. Домановский подчеркнул, что «чаще устный рассказ сосредоточивается только на одном жизненном эпизоде, памятной встрече или событии, поразивших рассказчика своей необычностью, яркостью или типичностью» [97]. Он выделил главную функцию устного рассказа, утверждая, что «ценность этих рассказов (периода Великой Отечественной войны – авт.) составляет не их фактическая достоверность, а изображение советского человека, его характера, дум и переживаний, его образ. Преимущественное внимание их судьбам людей, их поведению в различной обстановке военного времени делает рассказы подлинным явлением искусства» [97, 198]. Л.В. Домановский особо отметил роль рассказчика: «Рассказчик производит отбор деталей, они даются через восприятие и оценку рассказчика, личность и мастерство которого в рассказах приобретают первостепенное значение» [97, 195].

Н.Д. Комовская в статье о народных рассказах Великой Отечественной войны сделала попытку их классификации. Внимание Комовской привлек сам характер повествования в устных рассказах, преимущества и недостатки рассказов, сообщаемых от первого и третьего лиц. На личных записях, сделанных ею во время пребывания на фронте, Комовская охарактеризовала автобиографические и так называемые «объективные» (определение Комовской) рассказы. Автор справедливо полагает, что наличие вариантов, характерное для «объективных» рассказов, позволяет откристаллизоваться сюжету, придать рассказу устойчивую форму и подтвердить широкое его бытование: «Возможность существования народного рассказа в отрыве от автора показывает, что данный текст отстоялся, сделанся более объективным в оценке событий, окраске образов и, став достоянием коллектива, получил возможность

быть известным более широкому кругу людей» [110, 157]. Действительно, широко разошлись многие «откристаллизовавшиеся» сюжеты: о любви солдата к незнакомой девушке, связавшей и пославшей на фронт варежки (носки), о женитьбе офицера на молодой одинокой женщине, кормившей грудью его новорожденного младенца (родная мать отказалась кормить своего младенца, боясь испортить фигуру) и т.д. Однако Н.Д. Комовская очень осторожно подошла к автобиографическим рассказам, которые отличаются, по мнению исследователя, некоторой узостью подхода к событиям, субъективностью оценок. Устный рассказ данного типа, отмечено Н.Д. Комовской, зачастую не может существовать в отрыве от автора и, следовательно, иметь варианты. Однако она одновременно замечает: «Встречаются рассказы, в которых черты личные черты стираются, повествование объективизируется, что способствует бытованию рассказа в исполнении других рассказчиков» [110, 155]. Творческое преобразование при этом, по мнению исследователя, требует наличия главного условия – интересного сюжета.

Некоторые аспекты суждений Н.Д. Комовской поддержал К.В. Чистов. Он акцентировал внимание на роли рассказчика и слушателя в создании текста, его художественных достоинствах и судьбе. Однако традиция приравнивания устных рассказов к сказкам проявилась и в трудах К.В. Чистова. Он ставит знак равенства между устным рассказом и сказком. Во-первых, подчеркивалось многообразие формы устного рассказа: «слухи и толки», мемораты и фабулаты. Характер трёх форм бытования сказочной прозы, по наблюдениям К.В. Чистова, зависит не столько от содержания или жанровой принадлежности, сколько от реальных условий общения исполнителя и слушателя [189, 11]. Во-вторых, Чистов считал, что «субъективность форм «слух или толк» и меморат (сказ-вос-

поминание) далеко не всегда означает, что они не фольклорны, а их лаконичность – что они не художественны. Они могут быть индивидуальными, но вместе с тем массовыми словесными проявлениями коллективной и художественной, образной по своей природе системы представлений, выработанной той социальной средой, в которой они бытуют» [189, 12-13]. Исследователь увидел в устных рассказах обобщающее начало. По мнению К.В. Чистова, рассказанный от первого или третьего лица, содержащий автобиографические сведения, устный рассказ обобщает коллективный образ, отражает характерные черты людей из народа – авторов рассказов. В качестве признака произведения фольклорной сказочной прозы Чистов выделил «традиционный сюжетный мотив, текстовое выражение которого каждый раз может быть разным – с большей или меньшей долей художественности, но сам он всегда устойчив и невольно обращает на себя внимание своим необычным жизненным или традиционным фольклорным содержанием, особым эмоциональным звучанием» [189, 177]. Отметим спорность последнего положения относительно традиционности сюжета. По нашим наблюдениям, для устных рассказов характерно многообразие сюжетов.

Свою точку зрения на устный рассказ предложил В.Е. Гусев, подчеркнув необходимость изучения этого жанра. Он отметил такие свойства рассказа, как текучесть и «проницаемость», способность вбирать в себя некоторые элементы различных прозаических жанров – преданий, легенд, сказок, а также обосновал роль традиции в возникновении и бытовании текстов: «В области фольклора, как и искусства вообще, также должен быть применен последовательно диалектический принцип классификации, учитывающий не только устойчивые жанры, но и такие, которые хотя и создаются по законам традиции народного творчества, но не могут по самой своей природе стать традиционными, долговечными» [95,

130]. Несмотря на то, что границы между жанрами сказки, предания, легенды подвижны и относительно, отмечал ученый, эти жанры реальны и различимы по типичным, характерным признакам каждого из них. Жанром устного рассказа он назвал «бытующие в народе художественные повествования о современных (в широком смысле этого слова – не ставших историческим прошлым, воспоминание о котором передалось от предшествующего поколения) событиях, имевших место в действительности (или выдаваемых за действительные), которые преломились и оформились в воображении рассказчика, приобретя элементы художественного вымысла и образное выражение, оказывающее эмоциональное воздействие на слушателя» [95, 129]. Дав четкое и ясное определение устных рассказов как жанра, В.Е. Гусев предложил внутржанровую классификацию, но с опорой на литературоведческий подход, что уравнивает две разные сферы вербального искусства. По степени и характеру художественного вымысла учёный выделял такие виды этого жанра, как фантастический рассказ, рассказ-быль (устная новелла), рассказ-очерк. Отдельно он упоминал о существовании в устной прозе «слухов» и «толков» [95, 129]. В.Е. Гусев обратил внимание на то, что костяк жанрового состава фольклора – «традиционные предания, легенды, бывальщины все больше и больше вытесняются устным рассказом разного типа: мемуарного, очеркового, новеллистического или легендарно-героического» [94, 333]. Сложность жанрового состава фольклора исследователь объяснял тем, что он «включает как некоторые традиционные формы, так и новые жанровые образования. Преобладающими видами становятся лирическая песня, частушка, анекдот и устный рассказ» [94, 334].

Для становления теории устного рассказа большое значение имеют суждения Л.Г. Барага. Существование устного рассказа как жанра у него не вызывало сомнений. Он отметил

наличие разных форм устного рассказа с развитой сюжетной устойчивой структурой и постоянно возникающие, текучие формы, значение которых важно для понимания процесса фольклорного творчества. В статье «Об устных рассказах, записанных в последние годы» [69, 139-147], анализируя популярные в среде рабочих устные сюжеты, он подчеркнул невнимание исследователей к начальным стадиям фольклорного процесса – невыдуманным рассказам, форма которых неустойчива. Для ученого одинаковый интерес представляли повествования, обладающие уже сформировавшимся эстетическим значением и повседневные устные рассказы, которые еще не обрели композиционную устойчивость [69, 139].

В семидесятые годы к теории устного рассказа вновь обратился В.П. Аникин. Термин «сказ» продолжал свое существование, но был разведен с личным бытовым рассказом. Мысль ученого вела к тому, что при анализе жанровой природы, явлений следует обратить внимание на форму и на переход в традицию. Он указал на необходимость отделения сказа от простого личного бытового рассказа или рассказа-воспоминания на общественные темы. Сказом, по его мнению, становится личное воспоминание «перешедшее в традицию, т.е. интересное другим рассказчикам, подвергнутое правке и изменениям с их стороны» [63, 12]. Отличие сказа от простого рассказа состоит в его известности довольно широкому кругу людей определенного края. Сказ несёт приметы местной принадлежности сказителя, живую манеру повествования, в чём и проявляется художественное творчество: «Рассказчик охвачен желанием сделать речь интересной, и это желание выражается в стремлении подняться над фактами, дополнить их в изложении чем-то таким, что ставит повествование за пределы строгого следования достоверным фактам» [63, 12]. Отметим, и в 70-е годы также продолжал бытовать термин «сказ» как идентичный устному рассказу. Как считает иссле-

127]. Рассказчик обязательно повествует о событиях недавнего прошлого, свидетелем чего он чаще всего был сам, и это дает ему возможность отразить случившееся достоверно, эмоционально. А.В. Гончарова пришла к выводу о сознательном отборе фактов рассказчиками. Приведем ее суждение: «Осмысление действительности в устном рассказе идет путем извлечения из общего истока жизненных явлений чего-то необычайного, яркого, выходящего за рамки привычной обыденности. Выдвижение этого необычайного в центр повествования происходит в силу пристрастия к занимательным сюжетам, интереса к сильным переживаниям, неотделимым от человеческой природы. Это утверждение необычайного направлено на его превращение в художественный факт, который при этом идет не от рассудка, но от переживания, что делает его в составе рассказа внутренне оправданным» [90, 17]. На наш взгляд, А.В. Гончаровой удалось сформулировать наиболее точное определение устных рассказов. Устные рассказы – это «такие устные народные повествования о героических личностях или сверхобычных случаях из жизни самого рассказчика, знакомых или не знакомых ему лиц, которые более или менее отдалены от времени рассказывания, в которых соединяется достоверность факта с элементами вымысла и которые живут в естественном обитании» [89, 29].

Гончарова, считала устный рассказ «фольклорной формой, стоящей на грани бытовой речевой практики и художественного творчества и колеблющаяся (в зависимости от даровитости рассказчика и обстоятельств исполнения) от элементарного высказывания (весть, реплика, толк, слух и т.п.) до более или менее оформленного рассказа» [90, 76]. Однако, исследуя материалы о революции и гражданской войне, она отметила такие признаки устного рассказа, как коллективность, вариативность и устное бытование. Отмечено, что индивидуальное осмысление факта отражает логику взглядов, воззрений и

чувств коллектива. Признаком жанра устного рассказа А.В. Гончарова считает устойчивость ряда мотивов. Анализ формы привел к выводу о том, что «в устных рассказах сложились константные, устойчивые ситуации» [87, 292]. В тезисах докладов на Бирюковских чтениях она еще раз подчеркнула свою позицию: «Особенность мемуарных рассказов состоит в том, что в них получают отражение действительные факты и события <...>» [87, 292]. Но принцип достоверности она считает «особой достоверностью, которая не исключает элементы вымысла» [87, 292]. Представляет интерес методология, предложенная исследователем: изучать устные рассказы в контексте литературы, газетного и официального материалов, что помогает глубже понять специфику этого жанра.

Исследование устных рассказов о революции и гражданской войне привело к неожиданному выводу о вариативности и коллективности как характерной их примете. Возможно, выводы продиктованы отдаленностью времени, отраженном в произведениях, и характером трансмиссии. Многие рассказы к тому времени перешли в предания. Отсюда и выводы о вариативности и т.д.

Сущностные характеристики устных рассказов рассматривались в докторской диссертации С.В. Мишанича [128]. В устных рассказах ученый видит автономный пласт со свойственной ему художественной спецификой. По мнению самого автора, его исследование «состоит в новом подходе к изучению народной беллетристики как автономного пласта народного творчества со свойственной ему спецификой художественного освоения действительности». Мишанич исходил из теоретической предпосылки о том, что художественность устного рассказа связана не столько с моментами выдумки, сколько с избирательностью жизненного материала [128, 2]. Но память человека, по справедливым утверждениям ученого, удерживает и развивает материал, представляющий определенный

интерес для общества. От этого фактора во многом зависит форма устного рассказа, его эволюция в другие жанры (в легенду, предание, сказание). Он рассматривал устные рассказы, «представляющие собой первичный этап в освоении жизненного материала» [128, 7]. Исследователь подчеркивал формальные признаки устных рассказов, основывающиеся на «поэтике конкретных фактов и событий, на эмоциональной оценке лично виденного пережитого, с одной стороны, на устной традиции и бытовой ситуации, в которой ведется повествование, на мастерстве рассказчика – другой» [128, 2]. Примечательной устного рассказа он называет актуальность сюжета. Им выделена важность исполнительского таланта. Обратим внимание на то, что он поставил вопрос о более широких границах пласта устных рассказов, отмечая их многогранность и обширную тематику. С.В. Мишанич относил устный рассказ к виду, выводя его за рамки жанра.

К устным рассказам на материале абхазской сказочной прозы обратился С.Л. Зухба. Он связывал устойчивость бытования устных рассказов с мастерством рассказчика: «Улучшение или ухудшение, сохранение в памяти людей или забвение устного рассказа, конечно, зависит от многих обстоятельств и, прежде всего, от общественной значимости, от степени таланта его носителей: исполнителей и слушателей» [105, 296].

С.Л. Зухба понимал под устными рассказами «небольшие по объему народные устные повествования о реальных и конкретных фактах, о конкретных исторических лицах, эпизодах из их жизни, при условии, если в основе этих рассказов лежат более или менее организованные сюжеты и их фольклористическая достоверность не вызывает сомнения» [105, 291].

Как видно, устные рассказы не отделены им четко от преданий, в основе которых также лежат исторические события и деятельность исторических лиц.

С.Л. Зухба справедливо отметил: «Отталкиваясь от про-

стой плоскостной регистрации жизненного (реального) факта, устный рассказ преобразуется в художественное повествование» [105, 295]. Один из путей исторического развития произведения – переход в предание. Обратимся к его наблюдениям: «На различных этапах своего бытования в нём соотношения реального и вымышленного могут быть различными. Из фольклорной традиции устным рассказом заимствуются отдельные художественно-образительные приёмы. В нём не исключены примеры использования гиперболы, традиционных сравнений, эпитетов. Отправляясь от документальности, фактологической фиксации, устный рассказ постепенно проходит путь фольклоризации» [105, 295].

В становлении теории устного рассказа важную роль сыграли исследования сказа как литературной формы. Выявляя истоки литературного сказа Урала, В.А. Михнюкевич защищал права устного рассказа быть признанным в качестве составной части фольклорной системы. При этом сделано важнейшее замечание по поводу природы фольклора, в частности, коллективности: «Отказывая устному рассказу в праве быть причастным к фольклору, нередко опираются на отсутствие у него признака коллективности, который является важнейшей эстетической категорией фольклора как особого вида искусства» [127, 17]. Ученый принял мнение В.Е. Гусева, считавшего, что «коллективность в фольклоре не изначально, не генетична, а представляет собой конечный результат более или менее длительной жизни произведения, возникшего по творческой инициативе личности в процессе его массового распространения и трансформации» [95, 209]. Оговоримся сразу, В.А. Михнюкевич с должной научной осторожностью подошел к вопросу, который можно сформулировать: «Устный рассказ – это жанр или не жанр?»: «Мы предпочитаем считать устные рассказы своего рода «сырьем» для этих жанров» (преданий, легенд, быличек – авт.) [127, 11].

Свой подход к изучению устных рассказов наметила М.П. Чередникова. В статье «Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне» она рассматривает меморат, устный рассказ и предание. Формы рассказов, приведенные ею, имеют общее – наличие сверхобычного события как признака жанров: «Даже тогда, когда речь в нем (меморате) идет о других людях, рассказ непосредственно соотнесен с личной судьбой рассказчика. Однако и рассказ о сверхобычных событиях из жизни рассказчика не всегда может быть определен как меморат. Только тогда, когда эти события оказываются частью сверхобычных событий из жизни народа, можно говорить об особом типе повествования, обладающем определенными жанровыми признаками» [188, 91].

Вслед за А.В. Гончаровой она указала на то, что личное не растворяется, а укрупняется в контексте общего, так как «личная судьба самим рассказчиком всегда осознается к контексте судьбы народной» [188, 92]. Рассуждения М.П. Чередниковой о необычном как основе сюжетики устной прозы верны. Заслуживает внимания тезис об обобщающем начале «личной судьбы», которая отражает судьбы многих.

К началу XXI века не сложилось единого мнения об устных рассказах. Так, В.Н. Евсеев в учебном пособии для студентов филологических вузов выделил «сказ» как жанр несказочной прозы. Под «сказом» подразумевается рассказ, близкий по жанровым признакам к преданию – «на границе с преданием (нередко их не различают) <...>. Сказ несет в себе приметы сословной, местной профессиональной принадлежности героя или сказителя; отсюда герои сказов – талантливые мастеровые люди с драматической судьбой <...>. Сказ оформляется в форме воспоминания и не объясняет факты (что свойственно преданию), а представляет информационно-ознакомительную картину, связанную с событием или героем повествования» [98, 14]. Вместе с тем, есть суждения, в кото-

рых ясно выделены жанровые черты устного рассказа. Сжатое, убедительное определение предложил Б.Г. Ахметшин: «Устный рассказ – это относительно устойчивое, только что отделившееся от первоначального повествователя эпическое прозаическое произведение о конкретных лицах, событиях и явлениях недавнего прошлого с установкой на несомненную достоверность и общественно-познавательное значение» [64, 22].

Своеобразные итоги разысканий в области несказочной прозы реализованы в монографии И.А. Разумовой «Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История» [158]. Ряд параграфов её исследования в названиях содержит термин «устный рассказ». Рассматривая устные рассказы как художественные произведения, И.А. Разумова видит в них сплав объективного и субъективного. Заслуга фольклориста состоит в том, что она отметила взаимосвязь содержания и структуры произведения. В частности, отмечены мотивы, в комплексе устойчивых мотивов выявлен мотив несоответствия поведения ребенка и старого человека: «В рассказах о детях и собственном детстве нередко отмечаются события, изменившиеся впоследствии на противоположные: бабушкин первенец уже в один год «очень хорошо говорил, даже сложные слова», а вырос – стал крайне неразговорчив; отцу информанта, когда он был маленький, нравился деревенский дом, в отличие от городского; с годами он «изменил свое мнение» [158, 288]. В монографии отмечено разнообразие сюжетов и тем устных рассказов.

В дискуссиях второй половины XX века выделена роль рассказчика. Именно «рассказчик из массы событий и впечатлений, пережитых в действительности, отбирает такие, которые рассчитаны на ответное сопереживание слушателя, т.е. рассказывает о случаях, ему, слушателю, вполне доступных и вызывающих определённые ассоциации, переживания, а так-

же о людях, способных вызвать живой отклик в его душе» [89, 132]. Подобная позиция характерна и для С.В. Мишанича, утверждающего, что «устные рассказы как художественный продукт являются, прежде всего, результатом творчества талантливых повествователей, наделенным от природы умением выделить существенное. Наблюдательность и мастерство, приобретенные и усовершенствованные в процессе практики, владение богатым фольклорным репертуаром и другие качества – все это определяет важную роль мастеров рассказа в творческом процессе, в сохранении и развитии устнопоэтических традиций» [128, 20]. Рассказчик поднимает определенную тему, зовет слушателя к размышлениям. Роль повествователя в построении фольклорных произведений выявила М.П. Чередникова: «Известно, что характер устного рассказа, трансформация факта или события в нем во многом зависят от личности рассказчика» [188, 91-92]. Проблема жанровой идентификации фольклорных форм сопряжена с вопросом функции: является ли она основополагающей и объединяющей для какого-то круга произведений. Устные рассказы имеют общую функцию, которая признана главным показателем жанра (вида). Она сводится по нашим наблюдениям, к тому, чтобы показать человека в реальных, но необычайно драматических ситуациях. Слушателей и рассказчика волнует главное: как проявит себя человек (люди) в экстремальных обстоятельствах.

«Устным рассказам свойственны формы речи, близкие к разговорной практике. Общий строй речи, пословично-поговорочный комплекс, интонации – всё в устном рассказе <...> соотносено с традициями языка фольклора» [89, 129]. По своей форме, стилю и языку устный рассказ соткан из различных узоров живой разговорной речи, включающей быструю смену ситуаций, динамичный диалог, эмоциональную напряженность, яркие интонации.

3.2.2. Специфика устных рассказов, собранных крестьянами-корреспондентами «Шадринского вестника»

Современное состояние теории устного рассказа представляет возможность изучать специфику крестьянских рассказов, внесенных фольклористом И.М. Первушиным в «Шадринский вестник». В рукописном наследии содержится пять устных рассказов крестьян: «Рассказ солдата, записанный крестьянином», «Пожар от молнии», «Как спасен утопающий в море пороков, или Суд мирян над Тимкой Козырем», «Рассказ крестьянина, записанный им», «Один анекдот о крестьянском простодушии».

Прежде чем приступить к анализу конкретных произведений, необходимо определиться с дефинициями «вид» и «жанр». В.Я. Пропп считал, что жанр в широком смысле «может быть определен как ряд или совокупность памятников, объединенных общностью своей поэтической системы. Специфика жанра состоит в том, какая действительность в нем отражена, какова оценка её, каково отношение к ней и как это отношение выражено» [150, 36]. По мнению В.Я. Проппа, есть четыре критерия, по которым определяется жанр: поэтика, бытовое применение, форма исполнения и отношение к музыке. Характеристика понятия «жанр» В.Я. Проппа сближает с В.П. Аникиным. Пропп считает главным признаком жанра жизненную установку творца. Жанр, по мнению В.П. Аникина, – это «тип образно-поэтической структуры, который, будучи порожденным определенным временем и конкретными жизненными обстоятельствами, как бы приобретает современные черты и свойства, создавая иллюзию внеисторичности. Жанр обладает самостоятельностью по отношению к разным эпохам художественного творчества» [63, 108]. Содержание жанровых принципов «может быть раскрыто через выяснение признаков целевой жизненной установки творцов. Они

ищут и находят удовлетворяющие их формы – для наиболее полного и адекватного выражения художественного замысла» [63, 96]. При этом подчеркнуты формирование и устойчивость типовой структурной модели, годной «не только для выражения содержания одного какого-нибудь творческого акта», но «и для других случаев» [63, 96].

В.Я. Пропп и В.П. Аникин указывают на необходимость учитывать отношение произведения к действительности и угол зрения творца.

Следует отметить, что в настоящее время заметно стремление к более точной классификации фольклорных форм. То, что недавно представляли жанром, теперь справедливо называют видом. Это касается объединений широкого диапазона сюжетов, тем, образной системы, стиля и т.д. В частности, говорится о «всех видах сказок, баллад, народного театра, былин» [62, 42-43]. Так, Б.Н. Путилов рассматривает фольклор как вербальный комплекс, состоящий из областей (проза). Области представлены видами (сказки и несказочная проза). Рассмотрим в аспекте этого подхода устные рассказы. По нашему мнению, верным является отнесение устных рассказов к виду. Многообразие текстов, героев, рассказчиков, неповторимость изображаемой действительности позволяет подойти к устному рассказу как к очень широкому фольклорному явлению – виду, которое, однако, имеет общую установку.

Так, все устные рассказы объединяют два качества. Во-первых, они отображают реальный факт, свидетелем которого был рассказчик, во-вторых, имеют единую функцию, призванную показать человека в реальных, но необычных обстоятельствах. Это константные видовые признаки устных рассказов. Повторимся, в устных рассказах утверждается, что происходящее или произошедшее есть факт, достоверность которого подчеркивается личным участием рассказчика или ссылкой на свидетелей. Отмечено место происшедшего со-

бытия и время, иногда даже суточное. В отличие от предания устный рассказ делает упор на «свидетельские показания» рассказчика. Приведем примеры из крестьянских рассказов «Шадринского вестника»: ² «Жив до ныне (солдат – авт.), как видишь меня, – я видел его старого и седого; шел он мимо нашего 3-го села Шадринского уезда Пермской губернии в 1850 году, марта 21 дня» («Рассказ солдата, записанный крестьянином»); «Вот что я скажу Вам, отец И., о страшном событии 1859 года июня 12 (точнее с 11 го на 12 число)» («Пожар от молнии»); «Сие случилось Пермской губернии Шадринского уезда 3а-го села, 23 июля, примерно лет 25 назад (около 1895 года). Крестьяне шли в луга на покос <...>. Еще жив ныне, 1861 года. Имеет детей – сыновей 4; дочери 2. Живет хорошо» («Рассказ крестьянина, записанный им самим»).

События в устных рассказах предстают не только как объективная данность. Им дана субъективная оценка рассказчика. «Устный рассказ, – пишет А.В. Гончарова, – не остается нейтральным к законам художественного творчества и в той или иной мере им повинуетя. Даже датировка события, указание на место действия, привлечение конкретных имен участников не редко в сущности не меняет дела, поскольку над рассказчиком довлеет обычный для несказочной народной прозы прием мнимой документации» [88, 14].

Несмотря на разнообразие устных рассказов, каждая группа рассказов несет определенную функцию. В устном рассказе военного, пережившего все тяготы плена, идеализируется Ровина, противопоставленная чужой стороне – плену. Функция социальных рассказов – показать общественные конфликты с установкой на неизбежную победу крестьянства. В социальных рассказах подчеркивается противопоставление государства / чиновничества и мира / общины. Функция бытовых рассказов

²Сохранены орфография и синтаксис устных рассказов «ШВ».

состоит в исправлении человека.

Тематика и структура произведения задана функцией. Структура военных рассказов отличается от структуры рассказов на социальные и бытовые темы. Случай из повседневности противопоставляется событию военного времени. В военных рассказах «наблюдается своеобразное варьирование внутри циклов рассказов, объединенных одной темой, а точнее – внутри рассказов разных лиц об одних и тех же жизненных моментах, аналогичных ситуациях и случаях из суровой военной повседневности» [88,11].

Военные устные рассказы представлены тематическими группами, которые включают рассказы, созданные в действующей армии, партизанских отрядах, в тылу, неволе. Исследователями Л.В. Домановским, А.В. Гончаровой и В.Н. Бекетовой устные рассказы Великой Отечественной войны охарактеризованы как жанр. Но жанр состоит из поджанров или тематических групп: рассказы «неволи» отличаются от рассказов партизан, а также от рассказов регулярных частей армии и тыла. Л.В. Домановский отметил: «Как и в других жанрах фольклора Великой Отечественной войны, в них (устных рассказах военных лет – авт.) можно выделить несколько больших тематических групп: рассказы фронтовиков, партизан, жителей освобожденных от фашистской оккупации территорий и рассказы тружеников советского тыла», причем «у каждой из этих групп есть свои некоторые особенности в изображении действительности» [97, 198].

Отдельной сюжетно-тематической группой является рассказ о плене. Фольклор неволи – это самостоятельная область фольклора Великой Отечественной войны. У него свои функции, своя тематика, идеи, хронотоп.

Опора на сопоставительный метод позволяет, с одной стороны, выявить существенные свойства всего комплекса устных рассказов «Шадринского вестника», а, с другой – показать сво-

образии каждой из групп рассказов, связанных с определенным «блоком событий».

Исследователи устных рассказов, как мы уже отмечали, то определяют их как вид, то, как жанр. Думается, оставив в классификации за устным рассказом термин «вид», мы должны учитывать характеристику, которая дана рядом исследователей устному рассказу Великой Отечественной войны как жанру. Разнообразие комплекса устных рассказов, в свою очередь, требует решения внутривидовой классификации. На наш взгляд, как вид устные рассказы представлены тремя важными жанрами. Они связаны с историческими, социальными и бытовыми событиями. Жанры делятся на сюжетно-тематические или поджанровые группы, блоки.

Мы предлагаем следующую тематическую классификацию устных рассказов из «Шадринского вестника», в основу которой положена отраженная в произведениях грань действительности:

1. Реальное современное рассказчику историческое событие, возможно, ставшее толчком для создания рассказа – побег из плена.

2. События социальной жизни – самовольная порубка леса крестьянином.

3. События бытовой жизни – спасение тонущего человека, пожар от молнии, суд односельчан над пьяницей.

Приведенная тематическая классификация касается всего комплекса устных рассказов и, в частности, журнала И.М. Первушина характерен широкий охват жизненных материалов и подача их в многообразии духовной жизни зауральского крестьянства.

Многообразие материалов позволяет объединить их в тематические группы, входящие в состав одного из трех обозначенных нами жанров.

Нами выделена первая тематическая группа рассказов – на военную тему. Мы считаем возможным отнести эту тематическую группу к рассказам, имеющим в основе важное историческое событие. Назовем и проанализируем «Рассказ солдата, записанный крестьянином». Герой-рассказчик поведал о своей трагической судьбе: он пережил плен, теперь бредет на родину в Сибирь.

Устный рассказ пленного перекликается с рассказами, песнями, плачами другого времени – 1941-1945 гг. Это убеждает в реальности событий и переживаний, о которых рассказал страдалец второй половины XIX века. По форме «Рассказ солдата, записанный крестьянином» является рассказом в рассказе. Так, крестьянин-корреспондент «Шадринского вестника» записал рассказ солдата, бежавшего из черкесского плена. Отметим внимательное отношение простого человека к звучащему слову собеседника. Устный рассказ открывается обращением крестьянина к читателям (слушателям): «Как бы не затруднить тебя, читатель! Слышал я от одного унтер-офицера следующее <...>» [2, ШВ, ст.28].

Цель рассказчика-крестьянина заключается в желании высветить силу духа, характер, думы человека в исключительных, пограничных ситуациях – в плену и во время побега.

В основу сюжета положены конкретные автобиографические факты из жизни героя-рассказчика. Это солдатская служба, война, плен, побег из него, дальняя дорога домой. Корреспондент И.М. Первушина делает упор на достоверность происшедшего. Мы узнаем, что встреча героя-старого солдата и грамотного крестьянина состоялась в 1850 году в селе Замаевском. Крестьянин отметил условия записи этого рассказа, указав дату и название села: «Шел он мимо нашего Замаевского села Шадринского уезда Пермской губернии в 1850 году, марта 21-го дня» [2, ШВ, ст.28]. В мельчайших подробностях рассказано о пленении солдата: «Я был еще в службе

командирован из Казанского порохового завода в Тифлис, случилось возле реки – атаковали наш отряд горцы сзади и спереди, сбили возы и коней в реку. Так, наших солдат убили 91 под моей командой. Прискакал один горец, дал мне один раз по голове, два по спине, три по левой руке <...>» [2, ШВ, ст.28]. Рассказчик-крестьянин – серьезный человек, понимающий чужую боль, умеющий передать множество деталей жизни, которая не была известной в Зауралье.

Отношение к солдату раскрывается в подборе лексики. Крестьянин употребляет эпитеты «старый», «седой». Вид путника оставляет у него щемящее чувство: «Я видел его старого и седого», – заканчивает свое повествование собиратель-крестьянин, свободный земледелец, воспитанный в требованиях гуманистической этики хлеборобов.

В этом устном рассказе специфичен хронотоп, подчиненный мотивам тяжести плена и стремления к свободе, желания увидеть родную сторону. Время в рассказе определено двумя веками: пленение русского чеченцами и бегство из плена. Пленение помнится солдатом в деталях: «Я имел крест и две медали. Он взял кинжал, отрезал их, накинул на шею мне веревку; не знаю, куда тащил меня. Когда пришел я в чувство, увидал я горца; глядит в глаза мне; обвязал раны; повел узенькой дорожкой в свой вогул (аул), идет пеш, ведет меня и коня своего. Привел к своей хате; сняли с меня одежды солдатские; одели в свои; обрили бритвой голову; дали папаху, чулки, башмаки, курточку с серебряными галунами. Поставили стол с беленькой скатерткой; дали мне печеной рыбы и пшена, и молока закусить <...>» [2, ШВ, ст.28]. На чужбине, когда солдат превратился в раба, время остановилось, для него уже не существовали человеческие нормы жизни. Происходили различные события, а время остановилось, что было равнозначно смерти: «Было у нас два сына. Когда наш хозяин выдавал свою дочь замуж, тогда отдал нас обоих с сыновьями за ней в приданое.

Жили мы там 25 лет. Новый хозяин злой, не один раз хотел убить меня. Оплакана моя участь <...>» [2, ШВ, ст.28]. Жизнь в «безвременье», мертвую зону существования русского призвано раскрыть и пространство. Это замкнутый горами мир – аул, из которого нет выхода. Хронотоп изменился с момента побега героя из плена. Потекло время, раскрылось пространство. Открытое пространство прорезано бесконечной дорогой, по которой идет странник, держит путь домой.

Пространство и время реализуют главную мысль о противопоставлении плена и свободы. В неволе сохраняется лишь видимость жизни. Главный герой приравнен к разменным предметам. Его судьбу решал хозяин: «Меня везли как быка продавать, – вспоминал солдат, – назначили за меня цену 90 волов <...>. Новый хозяин первым долгом надумал меня женить. У хозяина было две дочери. Они любили меня. Засватали за меня невесту за пять верст» [2, ШВ, ст.28].

Дорога домой – длинная и тяжелая, но она скрашена встречей со своими, понимающими собеседниками, остановками в пути. Пленному придает силы цель – добраться до родного порога, во что бы то ни стало, рискуя жизнью, дойти до своих. Жизнь сердца передают и детали рассказа. Герой снова проживает свою жизнь, окидывая ее с высоты возраста, пережитого, передуманного.

Устный рассказ имеет четко обозначившуюся функцию – показать горечь плена и тоску по Родине, стремление «попасть в родимую страну». Боль воспоминаний рассказчика отражена в структуре предложений соответствующей лексике: участь его «оплакана», хозяин «злой». Солдат передает факты биографии краткими предложениями. Создается ощущение того, что у него нет сил на распространенные предложения. Средства синтаксиса также заданы главной функцией этого устного рассказа. Они создают напряженность, придают повествованию динамичность, особенно при описании побега: «Задумал я бежать домой; избрал себе коня. Хозяин уехал, а я заседлал коня; не сказал жене и сыновьям; направил путь свой безопасной дорогой, потому, что я был совершенно горец. Ехал я две недели, доехал до границы. Думал, как попасть в Россию. Жалко оставить коня, а на нем ехать нельзя; слез с него; поклонился ему; пошел в лес; дождался ночи; смотрел цепь. Крадучи пошел до цепи. Как неосторожны горцы стали, спокойно прошел до нашей цепи. Скоро сделалась тревога; взяли меня под арест, по нашему начальству <...>. Отпустили в Россию <...>» [2, ШВ, ст.28].

В повествовании солдата подчеркивается любовь к малой Родине. И сегодня рассказ воспринимается как осуждение войны, плена, беды.

В комплекс устных рассказов, связанных с социальными событиями входят следующие рассказы «Один анекдот о крестьянском простодушии», Социальная тема перевита в устных рассказах с бытовой. Яркий пример – «Один анекдот о крестьянском простодушии» [2, ШВ, кн.10. Июль и август, 1861]. Функция этого рассказа – показать духовные возможности человека, которые проявлены в необычных социальных обстоятельствах, требующих спасительного выбора. Название анализируемого рассказа предполагает «простодушие» крестьян, почти сказочные простосердечие и открытость. Устный рассказ переносит нас в конкретное место действия: «В одном из зауральских мест, в небольшой деревеньке, эдак домов в двадцать состоящей, случилось следственное дело о самовольной порубке леса <...>» [2, ШВ, кн.10. Июль и август, 1861]. Указываются имена действующих лиц, в том числе и станового, который должен вести расследование и судопроизводство. Сообщая подробности, крестьянин-рассказчик подчеркивает тем самым достоверность произошедшего. Герои устного рассказа поставлены в социально несправедливые обстоятельства. Крестьян должны были судить за незаконную

рубку леса: «Самовольный порубщик был Козьма с товарищами-однодеревенцами. Дело-то делопроизводства было поручено становому приставу Ивану Васильевичу, который обычным порядком приехал в сказанное деревенское село. Собрав подлежащих к спросу людей из общества, — известное число человек для повального по тому делу спроса, следовательно начал допрос <...>» [2, ШВ, кн. 10]. Хотя Зауралье — лесной край, лесные угодья выделялись каждому крестьянскому дому в небольшом объеме. Суровые зимы требовали запаса дров. Хозяйство также нуждалось в дереве, следовательно, государственные леса являлись объектом крестьянского незаконного интереса. Если удавалось, то тайком производили вырубку, что, конечно, вызывало следствие и судебные дела, несправедливое по сути наказание. Сюжеты несправедливого судьи известны бытовой сказке и древнерусской литературе — повестям XVII века. Показателен также сюжет об обманутом чиновнике (СУС, 1585). В традициях сказки обманщиками, причем, ловкими, изображаются люди маленькие. Герои устных рассказов ведут себя подобно героям бытовых сказок, используют словесную двусмысленность, которая ловко уводит от прямого ответа и скрывает виновников, позволяя им уйти от наказания. В устном рассказе точно названы, не в пример сказке, место действия и время, а также конкретные участники событий. Итак, зауральская деревенька. Бедняком Козьмой с товарищами вырублено немного леса, приставом ведется поиск виновного. По обыкновению, от порубки леса отрекались: «Что же после этого было приставу делать? Принужден он под присягой спросить соседей Козьминых, — не видали ли они, или не слышали ли, — точно ли Козьма с товарищами самовольно рубил лесов? Что же объяснили простолюдые под присягою по спросу о порубке леса? Они, должно полагать, знали весь ход самовольной порубки, но положительно об-сказать обстоятельства лесной порубки им не хотелось. Ска-

зать же на отрез, что не видали и не знают, — боялись Бога, так как приняли присягу; также страшились, может быть и того, что, если ложность их показания откроется, то они будут повинны суду гражданскому <...>». Поэтому «когда пристав спрашивал их: «Что, старики, вы знаете, что Козьма рубил самовольно тогда-то и такой-то лесов?», они, простаки бородачьи, все объяснили единогласно, что «Бог знает»; и на повторенные вопросы твердили одно и то же, — ни одного слова более в ответ не мог добиться от них пристав, — кроме «Бог знает <...>». Таким образом, «дело совсем клонилось к отделке (изъятию) Козьмы от самовольной порубки; да на вид Козьма был глух и простоват; вероятно, плохо затвердил общий с товарищами урок отрекательства. Он и сказал бы, что лесу не рубил, или иначе увернулся бы, да пристав был сметливой и ловкач, положим. Спросил Козьму одного и не так, как его товарищей спрашивал: «Что-де Козьма, прочие твои товарищи говорят, что хотя они и были в лесу, да не рубили оный, а говорят, что рубил ты один, а они только малость, даже не за что их и судить-то». Куда, да и опростоволосился тогда сказав, что лес рубили и все его товарищи. Но как бы то ни было, по силе Высочайшего Манифеста 1856 года, дело это должно было прекратиться» [2, ШВ, кн. 10]. Приговор носит сказочный характер: победили бедняк и его защитники, удалось им это хитростью, ловкостью.

Рассказчик встает на сторону порубщиков, спрятавшись за скрытую иронию, называя мужиков «бородачами простоватыми». Он смеется не над ними, а над снисходительным отношением к крестьянству. Ответ на вопрос о крестьянском простодушии дан, только простодушный человек его не поймет.

Зауральский крестьянин-рассказчик восхищается людьми, которые нашли авторитетный источник знания — Бога, которого по дознавательной логике должен допросить пристав.

Материал открыл читателю крестьянина с другой стороны – человека хитрого, сметливого, способного выйти из сложной ситуации, помочь себе и «обществу».

Понятна позиция рассказчика. Он не осуждает простых людей. Не случайно приведены подробности: «В небольшой деревеньке, эдак домов в двадцать состоящей». Не от радости и жадности жители деревеньки самовольно рубят лес. Обилие леса и невозможность им воспользоваться заставляют их совершить незаконную порубку. Мы не знаем, где именно происходила рубка леса. Лесные массивы в южном Зауралье распределялись неравномерно: «В Тебеньякской и Брылинской волостях они составляли более 50% территории, в волостях Марайской, Шмаковской, Иковской, Падеринской и Смолинской лесов было до 1/3, среди них Илецко-Иковская казенная дача почти полностью была покрыта лесами. Здесь преимущественно были распространены сосновые леса. От Усть-Суерской волости через Тебеньякскую, Белозерскую и Мендерскую волости шла зона, бедная лесами; она занимала до 1/5 всей их площади. Что касается Южной части Притобольного района, то здесь вообще было мало лесов. Так, в Митинской волости леса составляли 15%, в Плотниковской – 9%. В западном районе находилась самая безлесая часть Курганского округа. Это были Камышевская, Утякская и Меншековская волости» [132, 75].

Повсюду действовал один закон – не трогай ни дерева в государственном лесу. Однако нужда гнала в лес, да, видимо, и крестьяне не видели в этом преступления: государство не обеднеет.

В стремлении простого народа устоять во время сурового допроса, не уступить опытному становому приставу, обмануть несправедливую власть, втайне защищая свое право рубить лес, проявляется круговая порука, своеобразие кодекса поведения крестьянства за Уральским Камнем. Рассказчику уда-

лось показать логическую несообразность положения: социально несправедливым было запрещение людям, живущим в лесном краю, рубить лес.

Устный рассказ «Один анекдот о крестьянском простодушии» выводит на широкое социальное обобщение о положении народа.

По материалам «Шадринского вестника» устные рассказы, как правило, высвечивают людей в ситуациях, вызвавших беду. Человек испытывается и телесно и духовно. Об этом наглядно свидетельствуют устные рассказы, связанные с бытовыми ситуациями: «Пожар от молнии» [2, ШВ, кн.6, ст. 65. Февраль, 1861], «Рассказ крестьянина, записанный им самим» [2, ШВ, кн.3, ст. 25. Январь, 1861], «Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем» [2, ШВ, ст. 19].

Устные рассказы объединяет установка на достоверность, а отличает выбор пограничных ситуаций – между жизнью и смертью. Пройдя через испытания огнем («Пожар от молнии») или водой («Рассказ крестьянина, записанный им самим»), преодолев человеческие пороки – такие, как халатность, пьянство («Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем»), герои прозревают, возрождаются, задумываются над своим поведением.

Функция названных устных рассказов – показать проявления человека в пограничных бытовых ситуациях. Обратимся к устному рассказу «Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем». В основе сюжета лежит поучительная история суда над пьяницей. Открывается рассказ эпиграфом, в котором погибающий – «дурень» просит о помощи: «Батюшки! Спасите! Погибаю». За свое спасение он обещает водки: «Спасите! Водки обещаю!». Один из героев просит какого-то Семеновича Ивана подать Тимке аркан, поскольку тонущий еще может сгодиться: «Поддай ему аркан. Он

годится нам». Рассказчик – не только грамотный человек. Он умело распоряжается багажом фольклорных знаний. Так, в качестве эпиграфа взята сценка из ярмарочных представлений театра Петрушки. Парадигмой выкрика Петрушки является мотив «Погибаю! Спасите!». К этому мотиву присоединяется мотив беды: чаще всего Петрушку обижает собака: «Шавочка, кудлавочка <...>, стой, стой. Стой, Мухтарка, больно! (Собака кидается на него и хватает за нос)»; «Ай, батюшки, голубчики родимые, знакомые, заступитесь! Пропадает моя головушка: Мухтарка за нос схватила <...> Ой, ой, ой! Загрызла!» [169, 321].

Записанный рассказ крестьянин назвал «народной былью», подчеркнув, что это повествование построено на реальных фактах и в крестьянской среде. Суть дела: судят односельчанина Тимофея, сына Ивана за «предосудительные поступки» – пьянство, воровство. Крестьянин-рассказчик отметил серьезность положения судимого и достоверность события: «П. Волостное Правление пишет что, по решению N палаты уголовного и гражданского суда, состоявшемуся... числа 18XX года, крестьянин N уезда, N села, Тимофей Иванов, оглашаемый в разных предосудительных поступках, как достаточно в них не уличен и сам не сознался, а потому и определено с ним поступить по <...> статья <...> тома Свода Законов, изданного 1842 года. Ну, понимаете ли вы? То есть, его, Тимофея Иванова вам отдать на мирской суд, спрашивают приговор ваш о решении его участи: хотите ли вы принять его в общество, или же находите вы нужным сдать его – Тимофея в солдаты в зачет миру; или, если бы он оказался по телесным недостаткам туда негоден, удалить его в другую губернию, – значит, по-вашему, и в случае удаления его – Иванова из вашего общества, как его семейство обеспечить. Выходит: какие дать средства его жене и малым ребятишкам? Чем и как они до возрасту станут жить и питаться? <...>» [2, ШВ,

ст.19]. Сельский старшина разъясняет «обществу» права и обязанности.

Участие в происходящем большого количества героев позволило рассказчику выстроить повествование о виденном в форме театрального представления, которое воспроизводит историко-конкретную действительность, правдиво показывает многие аспекты «народной жизни, народного мировоззрения и психологии» [184, 209].

В «представлении» названы участники: сельский старшина, писарь, миряне – Пахом, Игнатий, Петр, Трофим, Кирила, Афанасий и, конечно, Тимофей Иванов. Он же Тимка Козырь.

Рассказчиком даны характеристики героям (Пахом – старик правдивый, Кирила – пристрастный к вину, Афанасий – собутыльник Кирилы), комментарии к действиям и жестам героев. Сами формы поведения как совокупность движений, поз, жестов, мимики, произносимых слов с интонациями играют важную роль. Они «предстают как условные знаки, смысловая наполненность которых зависит от договоренности людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности». [184, 208]. В устном рассказе герои-крестьяне повышают тон, перемигиваются, намекают на что-то тайное, и все эти действия сопровождают жестами: «Сам знаешь! (крикнул, повыся тон, и, делая пример рукой, будто пьет). Козырь: «Отцы вы мои, батюшки-старички? Да, как на чем дело? Как это? Я от миру не прочь, на мир не челобитчик». Кирила, перемигнувшись со своими сторонниками, маяча рукой, показывая число пальцев». [2, ШВ, ст.19].

Главный герой – Тимофей Иванов, прозванный Тимкой Козырем, «волчонком», «шатнем». Он обвиняется в пьянстве, мотовстве. Согласно толковому словарю В. Даля, козырь: «Игровая карта той масти, которая по правилам игры считается старшею и бьет остальные масти», козырять, козырнуть, козыривать соответственно: «ходить с козыря, в козырную

масть» [42, 133]. Козырем Тимофей «оттитулован был потому, что наследственное по смерти родителя своего довольно порядочное имение и далее он прокозырял за штофы и полуштофы известного вещества» [2, ШВ, ст.19]. По законам народной драмы в рассказе действуют две противоборствующие группировки. С одной стороны, суд представлен сельским старшиной и писарем, с другой – защитниками Тимки Козыря: «Сельский старшина, при объявлении схода, зачитывает: «Слушай, мир! Вы приняли присягу. Слушай и понимай». Писарь читает достаточно длинное обвинение. Оно сводится к следующему: «П. Волостное Правление пишет что, по решению N палаты уголовного и гражданского суда, состоявшегося... числа 18XX года, крестьянин N уезда, N села, Тимофей Иванов, оглашаемый в разных предосудительных поступках, как достаточно в них не уличен и сам не сознался, а потому и определено с ним поступить по ...статья... тома Свода Законов, изданного 1842 года. <...>. Смотри, старики! Чур не двоесторонничать. Говори что дело, а на околицу языком не броди; руки недавно держали вверх. Ну, начинай! Толкуйте и подайте голос!». Писаря сменяет старшина, требующий от мира справедливого решения: «Ну! Коли знаете его, то и дела его вам поди известны: судите же о нем, подайте нам голос» [2, ШВ, ст.19].

Сотрудник И.М. Первушина увидел особенности поведения разных должностных лиц: старшина немногословен, говорит важно, зная значение своих слов. Суется писарь, заискивая перед «миром». Мелкий чиновник, он еще не поднялся высоко над крестьянами, о чем свидетельствует его речь. По сельскому обычаю писарь обращается к собравшимся: «Старики». Старшина употребляет другое слово, почти официальное: «Слушай, мир!». Речь писаря избобилует пословицами, что сближает её с речью крестьян. Рассказчику важно сохранить драматизированную форму представления. Она

дает возможность услышать всех участников. Полифония голосов вызывает интерес слушателей, заставляет сверить свое мнение с живой речью спорящих. Рассказчик подчеркнул ответственность «мира». Крестьяне отнеслись к суду над односельчанином ответственно, выслушивая разные мнения: «Надо баять правду: присягу принять, братцы, – не шти хлебать». Они понимали, что у Тимофея была большая семья – малые ребятишки, которых необходимо было кормить, одевать. Во время суда защитники Козыря разделились на партию Пахома и Кирилы. Представители партии Пахома (Игнатий, Петр, Трофим), хорошо осознавая тяжелое положение Козыря (его могли либо сдать в солдаты, либо выслать в другую губернию), пытаясь оправдать его, объясняли грехи ошибками молодости: «Бог простит! Ребятишки у него малые; дело исправно, помилуй, – ни кола, ни двора; а сам он молод; исправится ужно» [2, ШВ, ст.19]. Учли бородачи и то обстоятельство, что в случае высылки Козыря или сдачи его в солдаты, семью судимого придется взять на содержание мира – села.

Игнатий: «Это, братцы, не беда, что в хлебе лебеда; его грехи – бог суди, а не мы – грешны люди. Заесть человека недолго, да дать Богу ответ тяжело! Кто их знает, как, чего у них было. Я знаю: Тимка попировывал, а более я не знаю. А грех, да беда над кем не бывает? Кто молод не был? Скор ответ не лучше. Мой, старики, совет: лучше Тимку примем, авось и образумится. А жив друг не убыток. А в случае, от воли мира не уйдет. Теперича простим Козыря. Уж еще ставит калабродить; пикнуть ему не дадим, – всем миром начальству и отдадим его – плута» [2, ШВ, ст.19].

Петр, Трофим и из прочих некоторые: «Правда, правда, старики! Чево Козыря губить. Надо принять. Чай, исправится. Посудите сами: зелен виноград не сладок, а молод ум не крепко».

Сторонники Кирилы (Афанасий и др.), известные своим

пристрастием к вину, дали понять, что рассчитывать на их поддержку Козырь мог лишь в одном случае.

Афанасий (как собутыльник Кирилла, поддерживая его замыслы, серьезным тоном) – «Да, чево? Не то еще нужно...».

Козырь (уныло) – «Да, чево, батюшки-старички, чево угодно? (Будто не понимает намек на вино). Кирилла – «Сам знашь! (крикнул, повыся тон, и, делая пример рукой, будто пьет).

Козырь – «Отцы вы мои, батюшки-старички? Да, как на чем дело? Как это? Я от миру не прочь, на мир не челобитчик.

Кирилла (перемигнувшись со своими сторонниками, маяча рукой, показывая число пальцев) – «Диковинок! (диковинка загадочно значит – четверть ведра вина).

Козырь (тоном, возбуждающим к милости) – «Ей богу! Старички, не могу, не в силу это опитенье <...>» [2, ШВ, ст. 19].

В устном рассказе «Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем» раскрыта гуманистическая мысль о возможности исправления человека, попавшего в пограничную ситуацию. В этом смысле устный рассказ перекликается со сказками об исправлении («Как Маланья исправилась») [181, 136].³

Рассказчик – человек наблюдательный, имеющий жизненный опыт и опыт повествования. В традициях сказки изображается мгновенный переход человека из одного состояния в другое. В сказке переход проявляется телесно: искупался герой в молоке, кипятке / смоле и стал красавцем – «Ни в сказке сказать, ни пером описать». В устном рассказе главный герой на суде осознал свое поведение, изменил образ жизни: «А герой наш, Козырь, с тех пор, как бы переродился, – ведет жизнь довольно аккуратно, трезво, с поведением; устроил домишко; уже женил сына, и живет, пожалуй, хоть куда; едва ль не луч-

³ СУС 902 (Ленивая эсена). Записано в 1983 г. в с. Усть-Уйском Целинного района Курганской области от Бовина Н.В., 1914 г.р.

ше некоторых из тех, кои произносили не по желудку его приговор <...>» [2, ШВ, ст. 19].

В устном рассказе четко высвечивается позиция рассказчика, состоящая в критическом отношении к порокам. Крестьянину, записавшему народную быль, удалось передать мысль о том, что водка губит человека. Рассказчик идет от народной афористики: «Утонуть в вине», «Вино вину творит». Подчеркнуты сила, действенность решений, вынесенных «миром» (общиной): «Ну, что, благосклонный читатель, сам уже заключай, какая бы постигла участь Козыря, если бы не благотворная сила специальных или полугарных бадогов. Ай да бадого! Спасибо мужичкам! Честь и слава вам! А большое спасибо специальным бадогам!» [2, ШВ, ст. 19].

С образом рассказчика связан и характер лексики, насыщенной пословицами. Особенностью пословицы – народного изречения – является то, что она содержит не мнение отдельных лиц, а обобщенную народную оценку в целом. Несомненно, пословицы «отражают духовный облик масс, их идеалы, стремления, их суждения о самых разнообразных сторонах быта и общественной жизни» [61, 10].

Пословицы, вошедшие в устные рассказы, записанные зауральскими крестьянами, показывают отношение земледельцев к быту, труду, круговой поруке, когда миряне несут ответственность за поступки каждого члена общины. Для фольклористики важно отношение крестьян к пословицам – мудрому украшению речи. В них крестьяне четко видели возможность сказать то, что могло быть предметом пространной речи. Обратимся к тексту: «Зелен виноград не сладок, а молод ум не крепок», «удача в суровой кудели», «а как сам на дому, так и ему самому», «взять рыбу – берегом ловят», «все мирска шея отвечай (мирская шея толста)», «куда дерево наклони, туда и гни», «худой корень из поля вон». Пословицы не только украшают речь. Они являются отражением менталитета этноса.

Устный рассказ наполнен диалектизмами, просторечными выражениями: чуем, чай, статья тама, шатен, чур не двое-сторонничать, чай, этот хватога, бродить языком на околицу, исправится ужно, калабродить, опитенье, прокозырять, баять правду, шибко, теперича и т.д. В поэтическую стилистику произведения включены также краткие эпитеты, сравнения, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: ребятишки, старшинушка, старички-батюшки, братцы, мужички, грешны люди, скор ответ, дело бедно, мирска шея, драть как брыкску козу, мужички.

Своеобразная лексика, образность выявляют рассказчика – человека из крестьянской среды, труженика, мастера-творца, которым славилось Приисетье.

Вероятно, крестьяне-сотрудники журнала, воспринимали рассказы не только как регистрацию факта, а как искусство. Об этом говорят иллюстрации к вербальной части. Изобразительный фольклор свидетельствует о мастерстве авторов-рисовальщиков, подметивших и отразивших детали устного рассказа. В иллюстрациях к рассказам «Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем» (приложение № 6), «Так спасают погибающего в воде» (приложение № 6) наглядно проступают традиции лубка: шапки, внешний вид героев, подральского крестьянина о вреде пьянства («Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем») дана иллюстрация, названная «Тимка Козырь вытягиваем арканом из воды». На рисунке тонущий просит помощи. Два человека на берегу рассуждают о том, стоит ли ему помочь, «сгодится» ли он им. Изображение отвечало теме рассказа, способствовало правильному пониманию читателями вербального содержания.

Лубок был особенно популярен среди народа, начиная с первой трети XIX века, а в середине того же столетия наблюдался «промышленный лубочный ажиотаж» [187, 13]. Авто-

рами рисунков часто были крестьяне, высказывавшие свое мнение о жизни, в том числе о нравственных изъянах. В иллюстрации к рассказу выбран главный момент – спасение от гибели Тимки Козыря.

К ярмарочному фольклору близка иллюстрация «Проводы покойницы на кладбище» (приложение № 6). К ней дано словесное сопровождение, построенное на диалоге. Предметом осмеяния выбрана доверчивость простака, попавшего в город и увидевшего иной вариант похоронного обряда. Известно, что в Шадринском уезде бытовал обычай после окуривания покойника перед выносом из дома забивать крышку поверх гроба. Тимка увидел в городе другое – отдельно несут крышку гроба. Ее держит один человек. Это поразило деревенского простака, а другому предоставило возможность повеселиться, уверяя доверчивого товарища в том, что в городе покойников ведет на кладбище:

– Александро, Александро! Гляди-ко чудо, один покойника-то несет.

– Чудак, Тимофей! Это несет гробницу только, а не покойника,

– Где он, покойник-то? А кого это хоронят?

– Видишь, Тима, говорят – как-то в городе-то барыня умерла.

– А где же, Александро, она – покойница-то? (Александро, шутя) – Видишь, братан Тимофей, в городе-то не по-нашему хоронят. Покойных-то под руки водят, а по деревенски на головах не носят. Вон, должно быть, в артели-то ее и ведут.

(Тимофей, не совсем приметя шутку) – Какая диковина! Изображение похорон барыни в картинке «Проводы покойницы на кладбище» в свою очередь показывает отношение крестьян к господствующим слоям общества и к доверчивости простаков.

Народный смех часто выражался в кратких комических диалогах. Они являлись зародышевой формой простейших видов народной драмы, содержание которой обуславливалось самой жизнью, конкретной исторической действительностью. В народной драме, как правило, представлена бытовая тематика.

В комическое положение попадали представители господствующих классов: барин, поп, купец, судья, а также бытовые общечеловеческие пороки: лень, воровство, мотовство, неумение вести хозяйство, пьянство. В.В. Блажес подчеркивал особенность народного смеха: «Русский человек любит погружаться в атмосферу смеха, которая дает ему возможность в юмористической форме выразить свои эстетические, общественные и национальные взгляды, убеждения, идеалы. Комический фольклор – это свидетельство духовной силы, нравственного здоровья русского народа» [80, 38]. Иллюстрации подчеркивают неординарность зауральских рассказчиков-людей из народа, демонстрируют их ум, юмор, знание и понимание шуток, забавных присловий, поговорок, лубка.

Значительное место в журнале Первушина отведено устным рассказам на бытовую тему.

Устный рассказ «Пожар от молнии» построен на реальных событиях-пожарах в Шадринском уезде. Пожары в середине XIX века являлись бедствием. Они всегда вызывали панику среди населения, так как перед ними люди были беззащитны. Это объясняется характером строений, отсутствием средств пожарной безопасности. Практически все здания середины XIX века были деревянными. В качестве примера можно привести сведения о городе Шадринске: «По данным за 1865 г. в городе насчитывалось 1026 зданий, из них каменных было только 29 (2,8 %), остальные 997 (97,2 %) были деревянными. Город был застроен бессистемно, в нем было много узких и кривых улиц и переулков, здания располагались скученно. Во дворах и сараях у всех жителей во множестве

хранились дрова, сено и солома» [115, 23]. Пожары в тот период происходили часто. Пожар от молнии стал основой сюжета устного рассказа, присланного в «Шадринский вестник» крестьянином Н.А. Х-вым. приметой жанра является установка на реальность событий, свидетелем которых стал наблюдательный мастер устного рассказа. Отмечено конкретное место происшедшего, точно подсчитано число сгоревших деревьев. Начинается устный рассказ картиной грозы, ставшей причиной пожара в селах Сухринском и Крутихинском Шадринского уезда: «Ездил я с товарищем в город Шадринск для продажи рыбы. Привелось идти садом (...); дрогнуло страхом сердце мое, когда увидел: березовые деревья лежат, положенные бурей, числом до 282-х, одни на пополам, а иные с корня; из города мы возвращались назад. Был вечер; нам ехать 28 S верст. Солнце лучи свои спрятало. Была тьма, показалась туча грозна, боже, грозна! Не доехали мы двух верст до своего села: начало грозить, раздавались громовые удары. Нельзя ехать далее; гром, град. Молния, дождь. Трудно терпеть нам и коням. Товарищ говорит мне: «пол версты – деревня, едем». Я: «Нет, куда бежим от гнева божия? А лучше навалить телегу, тут мы сядем». Тут трепетали мы и животные наши. Страх обнял наше сердце, просили бога о помощи. Вот говорит половица: гром не гремит – раб не дрожит. Пришло то самое, упоминая содеянные грехи наши. Ты, господи, царствуешь над бесчисленными мирами; правишь человеческими судьбами. Прости беззакония наши. Малость приутихло, отправились вперед. Не доехали до села пол версты» [2, ШВ, кн. 6, ст. 65].

Время происшедшего – мгновения: «Сделался удар грома – пыхнул дым». Пространство характеризуется замкнутостью – в тесноте улочек. Человек поставлен лицом к лицу с огнем. Судьбу людей решают несколько минут. Возникает вопрос о том, почему крестьянин решил рассказать об этом событии подробно, с указанием времени, места, описанием пострадав-

ших, оценкой материального ущерба. Все подробности важны, чтобы подчеркнуть вред от безмерного водочного угощения и беспечности. Это, – с одной стороны. С другой, – выполняется задача: показать силу человеческого духа в минуты смертельной опасности, нравственность выбора. Хронотоп приводит собеседника к выводу о том, что каждый человек отвечает за свои поступки, платит за содеянные грехи.

«Пошел попроведать своего друга, у которого горел ночью дом. Увидел угли дома его: сгорело все: дом с четырьмя комнатами (прихожая, кладовая и две горницы), анбар, погреб, завозня и двор (курятник, баня). Только одни стояли ворота. Увидел я хозяина. С плачем говорил я: «С праздником! Друг мой! Не плачь; что бог дал тебе, так опять наживешь. Скажи мне: от чего горел дом твой? – спросил я. «О, друг, от страшной вещи. Повечеру заехали извозчики-татары; я отпустил овса и сена, поставил самовар; они купили вина; пили сами; напоили нас; мы пели песни. За то Бог наказал нас, что не почтили («престольного») праздника. Один татарин был в карауле; говорил: сделался удар грома, пыхнул дым. Мы испугались, ничего взять не могли, потому что были пьяны: На пожар били тревогу, стекся народ, не давали помощи, стояли. Прибежал нашего села священник, пожалел своего согрешившего чада, дал помощи: говорил: «Что стоите? Смотреть ли вы пришли?». Они говорили: «Чем мы будем тушить? Пивом или молоком?». Несмотря на их разговоры, кинулся на двор, начал таскать телеги с помощью других. Так, вытащили более 6 возов. Все телеги, кони у хозяина и весь скот и птица сгорели; у извозчиков 30 телег и 30 лошадей сгорели. Сгорело на десять тысяч рублей серебром, а прочее сказать не могу, вещей много сгорело; опиши я не видал» [2, ШВ, кн. 6, ст. 65]. Остались ворота – символ своего пространства, теперь осиротевшего и разрушенного.

Цель рассказчика-крестьянина, который являлся свидетелем

событий, состоит в изображении человека в огненной стихии, страшном бедствии, которое испытывает всех. Одни при этом беспомощны, размышляют над проблемой, чем бороться с огнем: пивом или молоком. Только батюшка не растерялся, бросился растаскивать телеги. Огонь высветил людей, показал их способность действовать или быть просто наблюдателями.

Крестьянин понимает, что «беззаконие» не проходит человеку даром. Его могут осудить не только люди, «мир», но и покарать сам Бог. Гроза, молния считались Божьим наказанием. Это природное явление не могло предвещать ничего хорошего: «начало грозить, раздавались громовые удары». Крестьянин не случайно употребляет глагол «грозить» – «предвещать дурной исход, последствия» [41, 980]. Во время грозы «сделался удар, открылся пожар сзади и спереди (в Сухринском и в Крутихинской селах). Кто не начнет смотреть? Заревом простирается до небес; багровый свет был, и звон в обеих сторонах <...>» [2, ШВ, кн. 6, ст. 65].

Вероятно, тема пожара была рекомендована самим И.М. Первушиным. Редактору рукописного журнала принадлежит статья «Летопись апрельская, майская и июльская до 14 числа», в которой он повествует о пожаре в Долматове, в селе Томакульском Камышловского уезда: «Везде пожары... и в такое время, когда еще семена не вверены земле» [2, ШВ, ст. № 98 «Летопись апрельская, майская и июльская до 14 числа»]. И.М. Первушин сетовал на то, что «нет в селах огнегасительных снарядов, одна почти небольшая машина (в 25 р. сер.)» [2, ШВ, ст. № 98 «Летопись апрельская, майская и июльская до 14 числа»].

С одной стороны, причиной трагического события является характер застроек: «Строение было тесное, на одном месте нередко строились два дома с службами каждый <...>. Напротив дома, пожарный сарай, в самом почти начале по-

жара запылавший и развеянный ветром и разворосанный, содействовал возникновению пожара в двух-трех местах разом» [2, ШВ, ст. № 98 «Летопись апрельская, майская и июльская до 14 числа»].

С другой стороны, причиной является халатность людей, равнодушие властей, последствия пьянства: «В Далматове был ещё пожар, сгорело пять домов 21 мая. Виновник-пьяница, от трубки коего вспыхнуло задворье, в бегах <...> и грозит сжечь весь Далматов; а полиция земская якобы бессильна поймать и предать суду. То же и в селе Петропавловском, мужик-пьяница пойман с углями и берестом. Жена его показала, что он устремился поджечь все село Петропавловское» [2, ШВ, ст. № 98 «Летопись апрельская, майская и июльская до 14 числа»].

В статье учёный в очередной раз пропагандировал трезвость, просвещение, которые помогают побороть предрассудки, суеверия людей. Он не разделял крестьянские представления о пожарах как каре свыше. Причины пожаров имели, по его мнению, земной характер: «Вракают, что еще в Пост какой-то проезжий монах, останавливавшийся будто в Далматовском монастыре, прорек пожар нынешним годом – за беззакония и неправды жителей. Не сказка ли это? Соломенная крыша хуже пороха... Пьянство тоже порок, за который один можно выслать крестьянам своего однообщественника; так не хотят или бояться его <...>. Скоро ли же грамотность вдохнет дух новый, дух правды и свободы?! А?!» [2, ШВ, ст. № 98]. Составитель журнала, верный принципам научного объяснения фольклорных сюжетов и мотивов, располагает в мозаичном единстве различные материалы на тему пожаров: былички, устные рассказы, аналитические статьи. Многообразие произведений, голосов направлено на осуждение беспечности, безответственности, пьянства.

Напомним, что кроме рассказа Н.А. Х-ова в «Шадринском вестнике» содержится статья философской направленности

крестьянина К.П.М. под названием «Пожары в селениях государственных крестьян Пермской губернии и благоустройство пожарное» [2, ШВ, кн. 2, ст. 21].

Для рассказчика важно донести мысль о том, что отображенный в слове случай – правда. Только реальное, а не вымышленное событие способно высветить человека. Крестьянин, видимо, осознает роль реальности и исключительности факта как основы запоминания текста, воспринять желание интересного, волнительного, способного вызвать желание запоминать другими – в качестве урока. «Внутреннее переживание» вызывают и неординарные события, случающиеся в потоке повседневной жизни обычных людей. Рассказав об из ряда вон выходящем случае, повествователь не остается в стороне. Сам факт отбора «случая» для запоминания, рассказывания свидетельствует о сознательном подходе к выбору события. Они интересны показом человека в происшедшем, оценкой сущности его поступка, которая наиболее часто проясняется в бытовых рассказах. Один из крестьян записал, что является пропадающий «безвестно» случай: он очень поучителен. «Случай» – спасение утопающего, погибающего в воде человека. Он положен в основу «Рассказа крестьянина, записанного им самим» [2, ШВ, кн. 3, ст. 25]. О восприятии события самим рассказчиком как яркого, достойного запоминания и красочного изложения, свидетельствует претворение его в формах изобразительного искусства. Вербальный текст соединен с изобразительным фольклором. Нарисованная картинка предваряет вербальный текст-заголовок: «Так спасают погибающего в воде!». В начале рассказа крестьянин изобразил сценку. Она вводит читателя в ситуацию, привлекает внимание к рассказу: «Читатель! Скажу тебе следующее, хотя оно давно прошло. Жалко, безвестно пропадает». Крестьянином названы конкретное место действия и указано время, что не оставляет сомнения в достоверности события: «Сие случи-

лось Пермской губернии Шадринского уезда За-го села, 23 июля, примерно лет 25 назад (около 1835 года) <...>» [2, ШВ, кн. 3, ст. 25]. Слушатель /читатель знакомится с произошедшим событием сквозь призму видения его рассказчиком, его оценки, узнает подробности: «Крестьяне шли в луга на покос. Так, пришли не рано, когда не было лодок (батов). Они были на другой стороне. Крестьянам ждать некогда, говорили: «Ребята, кто удал плыть за лодкой?». Так, при них два молодца сняли одежды; спустились на воду, плыть за реку. Река ширины 30 сажень. У края была трава, длиной со дна тянулась 5 аршинов, густа. Как ребята пустились в нее, неизвестно от чего перевернуло назад одного из них. Один опустил на дно, другой проплыл спокойно. Вот закричали на другом берегу: «Боже, боже! Надо спасти погибающего! <...>» [2, ШВ, кн. 3, ст. 25].

Время в устном рассказе сжато до мгновения, стянуто в секунды. Изображается замкнутый, небольшой круг, в котором тонет, захлебывается человек. Пространство пограничное – вода, которая в рассказе разделяет мир мертвых и живых. Важно в краткий миг успеть вызволить человека из неживого мира. На берегу спешат воспользоваться этим временем, чтобы преодолеть гибельное пространство, спасти погибающего: «С испугу снял рубашку с себя один и в портках пал в воду; другой – за ним; пали в воду, плыли на то место, где утонул. Так, один нырнул на дно. Утонувшего (утопавшего) настиг на самом дне и с ним поднырнул верх воды. Так, с помощью другой земли было 5 сажень. Вынесли на берег, положили на траву, откачивали его. Потом пришел в чувство. Положен в лодку и везен в дом отца своего. Был болен, потом выздоровел. Еще жив ныне, 1861 года. Имеет детей – сыновей 4; дочери 2. Живет хорошо <...>» [2, ШВ, кн. 3, ст. 25].

Специфика рассказа зависит от угла зрения рассказчика.

Он сетует, что не поощрили подлинных героев: «Жалко прошли без награды те, которые спасли погибающего (погибавшего)». Указание на потомство спасенного призвано показать нравственность поступков, бросивших в воду людей. Благодаря их смелости жизнь продолжается.

В бытовом рассказе показан человек, столкнувшийся с неожиданным жизненным «обстоятельством» в условиях повседневного быта, подчеркнута смелость зауральского крестьянина, способность сопереживать другим людям, готовность медленно прийти на помощь, не задумываясь об опасности.

Таким образом, во всех рассказах, связанных с бытовыми событиями, повествуется о людях в необычных, часто трагических, пограничных (между жизнью и смертью) ситуациях, где важен правильный выбор. Крестьяне-рассказчики приходят к заключению о том, что человек жестоко расплачивается за легкомысленное поведение. Но главное другое – прозрение человека, духовное возрождение, осознание важности нравственного выбора.

Наделенные даром весело и легко рассказывать о поступках людей во время бытовых драматических событий, зауральские крестьяне вызывают размышления о необходимости правильно оценивать свое поведение, беречь собственную жизнь и жизнь близких ему людей.

Таким образом, каждая тематическая группа рассказов имеет свою функцию, своего рассказчика. Повествователь обращается к реально произошедшему событию под определенным углом зрения. Он преследует цель – показать человека при необычных жизненных обстоятельствах, подчеркнуть сильные стороны его характера. При этом, в основе каждой группы устных рассказов положена определенная грань действительности.

Собиратель Первушин впервые в истории зауральской фольклористики предоставил возможность простым людям-

крестьянам заговорить от своего имени, рассказать о жизни на зауральской земле, об ошибках и высоких поступках своих земляков. Крестьяне-корреспонденты «Шадринского вестника» открыли уникальную страницу народной культуры – устные рассказы, талантливых рассказчиков, увидевших в обычном комические и драматические стороны своей жизни.

Анализ устных рассказов «Шадринского вестника» позволяет видеть в этой форме народной культуры широкое фольклорное явление – вид. Для вида характерны такие качества, как установка на реальность, а также функция – показать нравственный выбор, духовное возрождение человека в пограничных ситуациях – между жизнью и смертью.

Вид охватывает жанры. Все устные рассказы, по нашему мнению, можно подразделить на жанры, связанные с историческими, социальными и бытовыми событиями. Жанры в свою очередь включают сюжетно-тематические или поджанровые группы / блоки.

Каждая группа рассказов (на военную, бытовую и социальную темы) имеет определенную функцию. В устном рассказе военного, пережившего все тяготы плена, идеализируется Родина, противопоставленная чужой стороне – плену. Функция социальных рассказов – показать общественные конфликты с установкой на неизбежную победу крестьянства, при этом подчеркивается противопоставление государства / чиновничества и мира / общины. Функция бытовых рассказов состоит в изображении нравственного выбора человека.

Устные рассказы представляют интерес с точки зрения рассказчика-крестьянина – умного, талантливого, наблюдательного, сострадательного к чужой беде, жестокого по отношению к безнравственности, безволию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии была исследована просветительская и краеведческая деятельность священника, математика, педагога И.М. Первушина.

Обострившийся интерес общества в конце 1990-х годов к деятельности отечественного духовенства, отдельных его представителей ознаменовался обращением к почти забытым светлым именам отечественных священников-гуманистов. В последние десятилетия исследование их просветительской и педагогической деятельности в разные периоды отечественной истории приобретает все большую популярность.

Деятельность церкви всегда была многофункциональной и разнообразной, затрагивала все стороны жизнедеятельности прихожан. Она считалась не только центром религиозной жизни. Христианские монастыри и церкви являлись центрами книжности и просвещения. Следует отметить тот факт, что особая заслуга в открытии начальных учебных заведений в Зауралье изначально принадлежала местным священнослужителям. Священники были первыми в зауральском крае летописцами, историографами, учителями и краеведами широкого спектра интересов.

Особый вклад в культуру страны и Зауралья внес И.М. Первушин. Статус ученого изначально определил специфику его краеведческой деятельности. Интерес ученого, священника И.М. Первушина к духовной культуре региона сформировался под влиянием различных условий.

Выходец из семьи провинциальных потомственных священников, Первушин с детства был погружен в повседневную жизнь народа. Семейные впечатления, сан священника позволили ему увидеть многие черты народного быта, отразить жизнь крестьян в рукописном журнале «Шадринский вестник» и газете «Шадринская местность».

В преддверии отмены крепостного права обострился интерес к крестьянству. Передовые люди страны осознавали, что

через изучение народного мировоззрения открывается возможность определить путь развития России, её будущее. В условиях пристального внимания к народу выдвигались социально-острые вопросы. Волновали проблемы о том, способен ли крестьянин распорядиться своей жизнью, землей, осознать ответственность перед собой, миром, природой, жить без барина. Чрезвычайно злободневным в середине XIX века являлось понимание сущности человека. В духе времени ученый И.М. Первушин активно осмысливал «трудные темы» переустройства России, читал «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы», выражал мнение в «Шадринском вестнике» и «Шадринской местности». Тематика его рукописного собрания разнообразна. Оно содержит автобиографические заметки, хронику местной жизни, статьи о просвещении, большое количество фольклорных материалов второй половины XIX века.

Деятельность И.М. Первушина в области просвещения крестьян во многом сходна с учительской практикой великого писателя, педагога Л.Н. Толстого. Раскрывая особенности педагогической деятельности И.М. Первушина, отметим еще один принцип учёного, просветителя – связь обучения с жизнью, бытом, заботами крестьян. В обучении, воспитании детей раскрываются гуманистические законы, на которых построена первушинская концепция человека.

Особое внимание уделено женщине-матери, дающей жизнь. Отсюда требование воспитания личности женщины, важной частью которого обозначено образование. Будучи с веком наравне, гуманист Первушин одним из первых в зауральском крае не только поставил вопрос о женском образовании, но и реализовал его на практике.

И.М. Первушину принадлежит особая роль в вовлечении грамотного населения края к собирательской работе. Первушин одним из первых в зауральском крае направлял крестьян на творческий поиск, на фиксацию того, что они знают и видят сами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. Государственный архив города Шадринска. Ф.1030, оп.1, д.1085, л.2.
2. Государственный архив Свердловской области. Ф.2266, оп.1, д.600.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф.101. Оп.1. Д.1Л.169.
4. Государственный архив Свердловской области. Фр. – 2266, оп.1, д.931. – Материалы о жизни и творчестве И.М. Первушина.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф.2266, оп.1, д.919.
6. Личный архив автора

Опубликованные источники

7. Аксаков, К.С. О различии между сказками и песнями русскими [Текст] / К.С. Аксаков // Московские ведомости, 1852. – №153.
8. Афанасьев, А.Н. Живая вода и вешее слово [Текст] / Сост., вступит. ст., коммент. А.И. Баландина. – М.: Советская Россия, 1988.
9. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки. [Текст] В 3 т. Т.3 / А.Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1985.
10. Афанасьев, А.Н. Народные русские легенды [Текст] / А.Н. Афанасьев. – Т.VII. – М., 1859.
11. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. [Текст] В 3 т. – Т.1 / А.Н. Афанасьев. – М., 1994.
12. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений. Под редакцией Венгерова [Текст] / В. Г. Белинский. – Т.III. – СПб., 1901.
13. Буняковский, В.Я. О новом случае делимости чисел вида $2 \cdot 2^m + 1$, сообщенном Академии И. Первушиным [Текст] / В.Я. Буняковский. – СПб., 1878.
14. Васильев, А.В. Работы Первушина о простых числах [Текст] / А.В. Васильев // Доклад на заседании КФМО 30 мая 1891 г.: Известия КФМО. – 1891. – Т.1. – Вып. 2.
15. Вестник Императорского русского географического общества [Текст] / Гл. ред. В.А. Милютин, 1854. – Ч.10.
16. Дмитриев, А.А. Первушин И.М. [Текст] / А.А. Дмитриев // Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Вып.1. – Пермь, 1902.
17. Дмитриев, А.А. Первушин И.М. [Текст] // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. – Вып. 5. – Пермь, 1902.
18. Золотов, Е.Д. Песковская летопись [Текст] / Е.Д. Золотов // Фольклор и литература Зауралья: Из истории русской фольклористики:

- Хрестоматия / Сост. и авторы статей В.П. Федорова и Е.Н. Колесниченко. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.
19. Золотов, Е.Д. Боль души. Избранное [Текст]: сб. ст. / Е.Д. Золотов / Под ред. О.А. Реневой. – Кунгур, 2002.
 20. Зырянов, А.Н. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его [Текст] / А.Н. Зырянов // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия (вторая половина XVII-первая половина XIX вв.). – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 1996.
 21. Карамзин, Н.М. История Государства Российского [Текст]: В 2 т. – Т.1. / Н.М. Карамзин. – СПб., 1815.
 22. Кокосов, А.Я. Круговые игры и песни в селе Ушаковском [Текст] / А.Я. Кокосов // Записки ИРГО по отделению этнографии. – Т.2. 1869.
 23. Кыштым, П. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии, Шадринского уезда, Песчанского сельского общества, Верхтеченской волости [Текст] / П. Кыштым // Пермские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1861. – №49. – С.754-757; № 50. – С. 762-764; №51. – С. 784-786.
 24. Лахтин, Л.К. По поводу одной теории чисел, найденной эмпирически отцом И.М. Первушин [Текст] / Л.К. Лахтин // Математический сборник. – Т.16. 1892.
 25. Лесевич, В. С. Фольклор и его изучение [Текст]: лит. сб., сост. из тр. рус. литераторов / В.С. Лесевич // Памяти В.Г. Белинского. – М., 1899.
 26. Мозель, Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния (отрывки) [Текст] / Х. Мозель // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия (Вторая половина 50-х-начало 80-х гг. XIX в.). – Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997.
 27. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева [Текст] / А.Н. Афанасьев. – Т.4. – М.: Терра, 2000.
 28. Носилов, К.Д. Священник-математик. [Текст] / К.Д. Носилов // Новое время. – 1896. – № 7311. – 6(18) июля.
 29. Носилов, К. Священник-математик. [Текст] / К. Носилов // Пастырский собеседник. – СПб., 1897. – №26. – С.435-438.
 30. Первушин, И.М. Шадринский вестник [Текст] / И.М. Первушин // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия (вторая половина 50-х – начало 80-х гг. XIX в.). – Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997.
 31. Прибылев, В. Жилище, одежда и питание зауральских крестьян в середине XIX в. [Текст] / В. Прибылев // Шадринская старина: краеведческая хрестоматия (втор. пол. XVII – перв. пол. XIX вв.). – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 1996.
 32. Рождественская, К. Рукописный журнал математика И.М. Первушина. [Текст] / К. Рождественская // Уральский современник. – 1942. – №6. – С. 140 – 177.
 33. Розов, А.Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Церковный вестник» (1875-1916). Аннотированный тематико-библиографический указатель [Текст] / А.Н. Розов // Русский фольклор. Материалы и исследования. – Т. XXXII. – СПб.: Наука, 2004.
 34. Торопов, К. Памяти о Иоанне Первушине [Текст] / К. Торопов // Пермские губернские ведомости. – Пермь. – 1900. – 17 декабря.
 35. Третьяков, А.И. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении [Текст] / А.И. Третьяков // ЖМГИ. – 1852. – Ч.10.
 36. Хандрос, Л. Уральский математик (И.М. Первушин. К 60-летию со дня смерти) [Текст] / Л. Хандрос // Вечерний Свердловск. – 1960. – 30 июня.
 37. Шишонко, В.Н. Описание начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском и Шадринском Екатеринбургского района Пермской губернии [Текст] / В.Н. Шишонко. – Екатеринбург, 1878; Републикация: Шадринская старина: Хрестоматия. – Шадринск, 1997.
- Словари и справочники**
38. Большая советская энциклопедия. Первушин, И.М. [Текст] / Под ред. Б.А. Введенского. – Т.32. – М.: Изд-во «Большая Советская энциклопедия», 1955.
 39. Большой академический словарь русского языка [Текст]. – Т. 5. – М., СПб.: «Наука», 2006.
 40. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. Т.1-4. – Т. 4. / В.И. Даль. – М., 1994.
 41. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. Т.1-4. – Т.1. / В.И. Даль. – М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
 42. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. Т.1-4. – Т.2. О – И. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978 – 1979. – 779 с.
 43. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. Т. 1-4. – Т.3. / В.И. Даль. – М., 1994.
 44. Зорина, Л.И. Уральское общество любителей естествознания [Текст] / Л.И. Зорина // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 1998.
 45. Мифы народов мира [Текст] Т.1. А-К: Энциклопедия. – В 2 т. / Гл.

- ред. С.А. Токарев / С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
46. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / В.И. Ожегов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981.
47. Русская мифология. Энциклопедия [Текст]. – М.: Эксмо, Мидгард, 2006.
48. Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д.Н. Ушакова. [Текст]. Том 1. А-Кюрины. – М.: ОГИЗ: Гос. институт «Советская энциклопедия, 1935.
49. Халяев, Н.В. Первущин И.М. [Текст] / Н.В. Халяев // Энциклопедический словарь, изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Т. XXIII. – СПб., 1898.
50. Христианство. [Текст]: В 2 т. - Т.1. А-К / Ред. кол.: С.С. Аверинцев (Гл. ред.) и др. // Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

Монографии и статьи

51. Абашева, Д.В. Василий Константинович Магницкий как фольклорист и этнограф. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Абашева. – М., 1975.
52. Агапкина, Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл [Текст] / Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 2002.
53. Азадовский, М.К. История русской фольклористики [Текст] / М.К. Азадовский. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
54. Азадовский, М.К. Статьи и письма [Текст] / М.К. Азадовский. – Новосибирск, 1978.
55. Азбелев, С.Н. О жанровом составе прозаического фольклора русских рабочих России [Текст]: стат. сб. / С.Н. Азбелев. – М.: Л., 1965.
56. Азбелев, С.Н. О подразделениях сказочной прозы [Текст] / С.Н. Азбелев // Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике: Учебное пособие. / Сост. Ю.Г. Круглов, О.Ю. Круглов, Т.В. Смирнова; под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003.
57. Азбелев, С.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд [Текст] / С.Н. Азбелев // Русский фольклор. – Т.Х. Специфика фольклорных жанров. – М., Л.: Изд-во «Наука», 1966.
58. Азбелев, С.Н. Русская народная проза [Текст] / С.Н. Азбелев // Русский фольклор. – Т. XIII. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское

- отделение. 1972.
59. Азбелев, С.Н. Современные устные рассказы [Текст] / С.Н. Азбелев // Русский фольклор. Проблемы современного народного творчества. – Т. IX. – Л.: 1964.
60. Айзеншток, И.Я. Фольклорно-этнографическая деятельность П.В. Иванова [Текст] / И.Я. Айзеншток // Очерки истории русской этнографии фольклористики и антропологии. – Вып. V. – М.: Изд-во «Наука», 1971.
61. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор [Текст] / В.П. Аникин. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.
62. Аникин, В.П. Русское устное народное творчество [Текст] / В.П. Аникин // Учеб. – М.: Высш. шк., 2001.
63. Аникин, В.П. Художественное творчество в жанрах сказочной прозы (К общей постановки проблемы) [Текст] // Русская народная проза. Русский фольклор. – Т. XIII. – Ленинград: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1972.
64. Ахметшин, Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала [Текст] / Б.Г. Ахметшин. – Уфа: Китап, 2001.
65. Базанов, В.Г. Поэзия и фольклористика. По материалам литературных архивов Александра Прокофьева [Текст] / В.Г. Базанов. // Из истории русской советской фольклористики. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981.
66. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А.К. Байбурин. – СПб.: «Наука», 1993.
67. Баландин, А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике [Текст] / А.И. Баландин. – М.: Наука, 1988.
68. Баландина, О. Русские народные картинки [Текст] / О. Баландина. – М., «Молодая гвардия», 1972.
69. Бараг, Л.Г. Об устных рассказах, записанных в последние годы [Текст] / Л.Г. Бараг // Русский фольклор. – Т. XIII. – Ленинград: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1972.
70. Басаргин, Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи [Текст] / Н.В. Басаргин. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988.
71. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965.
72. Бекетова, В.Н. О композиции устного рассказа периода Великой Оте-

- чественной войны [Текст]: межвузовский сборник научных трудов / В.Н. Бекетова // Сибирский фольклор. – Новосибирск, 1980. – 180 с.
73. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений. [Текст]: В 13 т. – Т. X. / В.Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.
74. Белинский, В.Г. Статьи о народной поэзии. Статья III [Текст] / В.Г. Белинский // Собрание сочинений. В 9 т. – Т.4. Статьи, рецензии и заметки, март 1841 – март 1842. – М., «Художественная литература», 1979.
75. Бердяев, Н.А. Духовное состояние современного мира [Текст] / Н.А. Бердяев // Новый мир. – 1990. – №1.
76. Бирюков, В.П. Судьба математика. Из архивной копилки В.П. Бирюкова [Текст] / В.П. Бирюков // Советское Зауралье. – 1970. – №84.
77. Бирюков, В.П. Выдающийся русский математик [Текст] / В.П. Бирюков // Красный Курган. – 1950. – 28 июля.
78. Бирюков, В.П. Урал в его живом слове [Текст] / В.П. Бирюков. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1953.
79. Бирюков, В.П. Уральская копилка [Текст] / В.П. Бирюков. – Свердловск: Средне-уральское книжное издательство, 1969.
80. Блажес, В.В. Современные устные юмористические рассказы в их связи с народно-поэтической традицией [Текст]: сб. научн. тр. // Фольклор Урала. Современный русский фольклор промышленного региона / В.В. Блажес. – Свердловск: УРГУ, 1989.
81. Блажес, В.В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала [Текст] / В.В. Блажес. – Свердловск: Издательство Урал-ун-та, 1987.
82. Блок, А.А. Поэзия заговоров и заклинаний [Текст] / А.А. Блок // Собрание сочинений: В 8 т. – Т.5. – М., Л., 1962.
83. Борисов, С.Б. Честь как компонент ментальности сельской интеллигенции: (На примере деятелей Шадринского края А.Н. Зырянова и И. М. Первушина) [Текст] / С.Б. Борисов // Шадринская провинция: Материалы второй региональной краеведческой конференции 5 – 6 февраля 1998 г. – Шадринск: Изд-во Шадринского педагогического института, 1998. – С. 89 – 93.
84. Виноградов, М. Русский математик Иван Михеевич Первушин [Текст] / М. Виноградов // Шадринский курьер (Шадринский район), 1995.
85. Гацак, В.М. Эпический певец и его текст. Текстологическое изучение эпоса [Текст] / В.М. Гацак. – М.: Наука, 1971.
86. Гончарова, А.В. Жанровые особенности устных мемуарных рассказов о Великой Отечественной войне [Текст] / А.В. Гончарова // Русская литература, 1981. – №1.

87. Гончарова, А.В. Народные устные рассказы об Октябрьской революции и гражданской войне [Текст] / А.В. Гончарова // 8 Бирюковские чтения. Тезисы докладов. – Челябинск, 1988.
88. Гончарова, А.В. Русский фольклор о Великой Отечественной войне [Текст] / А.В. Гончарова // Уч. пос. – Калинин: КГУ, 1985.
89. Гончарова, А.В. Устные рассказы Великой Отечественной войны [Текст] / А.В. Гончарова // Русская народная проза. Русский фольклор. – Т. XIII. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1972.
90. Гончарова, А.В. Устные рассказы Великой Отечественной войны [Текст] / А.В. Гончарова. – Калинин, 1974.
91. Гревс, И.М. История в краеведении. Краеведение [Текст] / И.М. Гревс. – Т. III. 1926. – № 4.
92. Гуревич, П.С. Тайна человека [Текст] / П.С. Гуревич Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век / Редкол.: И.Т. Фролов (отв. ред.) и др.. – М.: «Республика», 1995.
93. Гусев, В.Е. Собиранье уральского фольклора (Восп. О В.П. Бирюкове) [Текст] / В.Е. Гусев // Русский фольклор. Материалы и исследования. – Т. XXX. – СПб.: «Наука», 1999.
94. Гусев, В.Е. Специфика фольклора Советской эпохи [Текст] / В.Е. Гусев // Русское народное творчество. – М.: Изд-во Высшая школа, 1966.
95. Гусев, В.Е. Эстетика фольклора [Текст] / В.Е. Гусев. – М.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1967.
96. Даль, В. Пословицы русского народа [Текст] / В. Даль. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
97. Домановский, Л.В. Устные рассказы [Текст] / Л.В. Домановский // Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.Е. Гусев. – М., Л.: Наука, 1964.
98. Евсеев, В.Н. Народная проза юга Тюменской области (Ишим и Приишимье) [Текст]: учебное пособие / В.Н. Евсеев. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2004.
99. Емельянов, Л.И. Проблема художественности устного рассказа [Текст] / Л.И. Емельянов // Русский фольклор. Материалы и исследования. – Т. V. – М., Л.: Изд-во Акад. Наук ССР, 1960.
100. Емельянов, Н.Ф. Развитие краеведческой работы в Зауралье [Текст]: краеведческий сборник / Н.Ф. Емельянов // Земля Курганская: прошлое и настоящее – Курган, 1990. – Вып. 1.
101. Еремина, В.И. А.А. Шахматов. Страницы жизни [Текст] / В.И. Еремина // Русский фольклор. Материалы и исследования. – Т.

- XXXII. – СПб.: «Наука», 2004.
102. Ершов, М.Ф. Рукописные издания И.М. Первушина как исторический очерк [Текст] / М.Ф. Ершов. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун – та, 1997. – Ч.1. С. 45-49.
 103. Жогин, И.И. Иван Михеевич Первушин (К 130-летию со дня рождения) [Текст] / И.И. Жогин // Научно-методический сборник (Шадринский государственный педагогический институт). – Вып. 1. 1957.
 104. Зайцева, Л.Ю. Церковь Южного Зауралья в досоветский период [Текст] // История Курганской области. – Т. 4. – Курган: Курганский государственный университет, 1998.
 105. Зухба, С.Л. Типология абхазской сказочной прозы [Текст] / С.Л. Зухба. – Майкоп: Меоты, 1995.
 106. Иванова, Т.Г. А.Д. Григорьев и его собрание «Архангельские былины и исторические песни» [Текст] // Из истории русской советской фольклористики / Отв. ред. А.А. Горелов. – Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1990. – Вып. 3.
 107. Иванова, Т.Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках [Текст] / Т.Г. Иванова. – Л.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1993.
 108. Ильинская, В.Н. Автобиографии П.С. и А.Я. Ефименко [Текст] // Из истории русской фольклористики. – Ленинград: «Наука». Ленинградское отделение, 1978.
 109. История казачества в Азиатской России [Текст]. – Т.1. – Екатеринбург, 1995.
 110. Комовская, Н.Д. Народный рассказ Великой Отечественной войны [Текст] / Н.Д. Комовская // Современный русский фольклор. – Москва: Издательство «Наука», 1966.
 111. Конюченко, А.И. Тона и полутона белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века) [Текст] / А.И. Конюченко: Монография. – Челябинск: ЦНТИ, 2006.
 112. Кошелев, Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX-начала XX вв.) [Текст] / Я.Р. Кошелев. – Томск: Издательство Томского университета, 1962.
 113. Криничная, Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора [Текст] / Н.А. Криничная. – М.: Академич. проект; Гаудеамус, 2004.
 114. Кузнецова, В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточно-славянской фольклорной традиции [Текст] / В.С. Кузнецова. – Новосибирск: Издательство СОРАН, 1998.
 115. Куприянов, А.Н. Общественный быт горожан Западной Сибири. 1800-1861 [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Куприянов. – Новосибирск, 1987.
 116. Кустов, В.А. В.Н. Шишонко и его песенное собрание (Из истории русской фольклористики II половины XIX века) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Кустов. – Л., 1980.
 117. Лазарев, А.И. Региональные аспекты изучения литературы и фольклора [Текст]: межвузовский научный сборник / Отв. редактор профессор А.И. Лазарев. – Уфа: Челябинск, 1984.
 118. Леонова, Т.Г. О собирании и некоторых вопросах изучения фольклора Омской области [Текст] // Полевые исследования. Русский фольклор. – Т. XXIII. – Л.: Издательство «Наука», 1985.
 119. Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы [Текст] / Д.С. Лихачев. – СПб. Алетейя, 1999.
 120. Максимов, С. Первушин ведет следствие [Текст]: лит.-краевед. вып. № 34 / С. Максимов // Исеть (г. Шадринск): Шадринский городок, 2001. – 28 – 29 марта. – С.6.
 121. Мальцева, Н. Н. Зауральская фольклористика XIX века [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Мальцева. – Челябинск, 2004.
 122. Мартынова, А.Н. Г.С. Виноградов – детский фольклор // Из истории русской фольклористики. – Ленинград «Наука». Ленинградское отделение, 1978. – 276 с.
 123. Миненко, Н.А., С.В. Федоров. Город на Исети: Страницы Шадринской летописи [Текст] / Н.А. Миненко, С.В. Федоров // Научно-популярное издание. – М., 2001.
 124. Мирер, С., Боровик, В. Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне [Текст] / С. Мирер, В. Боровик / Под ред. М.В. Морозова. – М., – Л., 1931.
 125. Михашенко, А.Л. Становление и развитие образования в российской провинции в 1719 – 1917 гг. [Текст] / А.Л. Михашенко. – Курган, 2004.
 126. Михашенко, А.Л. Учителское подвижничество И.М. Первушина в Шадринском уезде [в 1850 – 1870 – е гг.] [Текст] // Зыряновские чтения: Материалы межрегиональной научно – практической конференции (Курган, 14 – 15 декабря 2004 г.). – Курган, 2004.
 127. Михнюкевич, В.А. Литературный сказ Урала: Истоки. Традиции. Поиски. [Текст] / В.А. Михнюкевич. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.
 128. Мишанич, С.В. Устные народные рассказы: вопросы поэтики [Текст]: автор. дис. ... докт. филол. наук / С.В. Мишанич. – М., изд-во МГУ, 1989.
 129. Мозин, М. М. Белозерский просветитель [Текст] / М.М. Мозин / Тобол, 1996. – №1. – С.155-156.

130. Мореева, А.К. Как работать с народным сказом [Текст] / А.К. Мореева. – М., 1939.
131. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. - Т.4. Художественные произведения. Поэмы 1855 – 1877 гг. [Текст] / Н.А. Некрасов. – Л.: Наука, 1982.
132. Никитин, В.А. Южное Зауралье во второй половине XIX века [Текст]: дис. ... канд. ист. Наук / В.А. Никитин; Курганский государственный педагогический институт. – Курган, 1995.
133. Новиков, Н. В. Павел Васильевич Шейн. Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора [Текст] / Н. В. Новиков. – Мн., «Вышэйш. школа», 1972.
134. Новикова, А.М. Сказки Куприяники [Текст] / А.М. Новикова. – Воронеж, 1937.
135. Олейник, М.М. Д.И. Яворницкий. Жизнь, фольклористически-этнографическая деятельность [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Олейник. – Киев, 1970.
136. Омельчук, А.К. К. Носилов [Текст] / А.К. Омельчук. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. издательство, 1989.
137. Осинцев Л. Непослушный священник [Текст] / Л. Осинцев // Шадринский рабочий. – 1972. – 2 апреля.
138. Осинцев, Л. В доме математика: К 155-летию со дня рождения И.М. Первушина [жившего в Шадринском уезде в 1856 – 1860 гг.] [Текст] / Л. Осинцев // Советское Зауралье. – 1982. – 10 января.
139. Осинцев, Л. Новые документы о И.М. Первушине [уральском математике, просветителе, общественном деятеле] [Текст] / Л. Осинцев // Советское Зауралье. – 1977. – 30 января.
140. Осинцев, Л. Уральский математик И.М. Первушин [Текст] / Л. Осинцев. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд – во, 1974.
141. Осинцев, Л. Число Первушина (О нашем земляке, математике И.М. Первушине) [Текст] / Л. Осинцев // Молодой ленинец. – 1966. – 26 августа.
142. Паймен, В. Чапай. Сборник народных песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое гражданской войны В.И. Чапае [Текст] В. Паймен. – М., 1938.
143. Пашков, А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь [Текст] / А.А. Пашков. – Шадринск: Издательство «Исеть», 2000.
144. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда [Текст] / Н.К. Пиксанов. – Л., 1929.
145. Подгорбунских, Н. А. Народная этика в работах А.Н. Зырянова [Текст]: краеведческий сборник / Н.А. Подгорбунских // Земля Курганская: Прошлое и настоящее. – Вып. II. – Курган, 1991. – С. 40–43.
146. Померанцева, Э.В. Русская народная сказка [Текст] / Э.В. Померанцева. – М.: Акад. Наук СССР, 1963.
147. Померанцева, Э.В. Устные рассказы о мифических существах и их жанровые особенности [Текст] / Э.В. Померанцева // Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975.
148. Православные священники-собиратели русского фольклора [Текст]. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004.
149. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха [Текст] / В.Я. Пропп. – М.: Издательство «Лабиринт». 2002.
150. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи [Текст] / В.Я. Пропп. – М.: «Наука», 1976.
151. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam [Текст] / Б.Н. Путилов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
152. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений. [Текст]: В 10 т. – Т. 10 / А.С. Пушкин. – М., 1966.
153. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Общий обзор изученной народности и этнография великорусская. [Текст]: В 4 т. - Т.1 / А.Н. Пыпин. – СПб., 1890.
154. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. [Текст]: - Т.II. / А.Н. Пыпин. – С.-Петербург, 1891.
155. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Общий обзор изученной народности и этнография великорусская. [Текст]: - Т. 3. / А.Н. Пыпин. – СПб., 1891.
156. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Общий обзор изученной народности и этнография великорусская. [Текст]: В 4 т. - Т.IV. / А.Н. Пыпин. – СПб., 1891.
157. Разумова, А.П. Из истории русской фольклористики [Текст] / А.П. Разумова. – М.: Изд.-во Академии наук СССР, 1954.
158. Разумова, И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования) [Текст] / А.И. Разумова. – М.: Индрик, 2001.
159. Розов, А.Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Руководство для сельских пастырей» (1860-1917 гг.) Аннотированный тематико-биографический указатель [Текст] / А.Н. Розов // Русский фольклор. Материалы и исследования. – Т. XXXI. – СПб.: «Наука», 2001. – С.334-400.
160. Русское народное поэтическое творчество [Текст] / Под редакцией проф. Н.И. Кравцова. – М.: «Просвещение», 1971.

161. Русское народное поэтическое творчество. Под редакцией проф. А.М. Новиковой и проф. А.В. Кокорева [Текст] / А.М. Новикова, А.В. Кокорев. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1969.
162. Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов [Текст] / Под общей редакцией профессора П.Г. Богатырева. – Изд. втор. – М. Государственное уч.-педагогич. изд-во, 1956.
163. Селиванов, Ф.М. О.Ф. Миллер – исследователь эпоса [Текст] / Ф.М. Селиванов // Русский фольклор. – Т. XXVIII. – Л., 1985.
164. Серафимов, А. Записки о Шадринском уезде Пермской губернии [Текст] / А. Серафимов // Шадринская старина. Краеведческий альманах. – Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1993.
165. Смирнов, В.А. Из истории собирания и изучения фольклора Ивановской области // Полевые исследования. Русский фольклор. – Т. XXIII. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. – С. 4-10.
166. Соболева, Н.В. Русские народные сатирические сказки Сибири. – Новосибирск, 1981.
167. Соболева, Н.В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири [Текст] / Н.В. Соболева. – Новосибирск: Наука, 1984.
168. Соколов, Ю.М. Русский фольклор [Текст] / Ю.М. Соколов. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941.
169. Театр Петрушки [Текст] // Фольклорный театр / Сост., вступит. статья, предисловия к текстам и комментарии А.Ф. Некрыловой и Н.И. Савушкиной. – М. «Современник», 1988.
170. Терехин, Ю.Г., Терехина, О.В. Педагогическая деятельность И.М. Первушина [Текст] / Ю.Г. Терехин, О.В. Терехина // Шадринская провинция: Материалы второй региональной краеведческой конференции 5-6 февраля 1998 года. – Шадринск, 1998. – С. 101-103.
171. Тимофеев, В.П. Священник-математик Иван Михеевич Первушин [Текст] / В.П. Тимофеев // Шадринское движение за культурное возрождение, Шадринский государственный педагогический институт. – Шадринск: Издательство Шадринского педагогического института, 1996.
172. Толстой в воспоминаниях современников [Текст] / Вступит. статья К.Н. Ломунова. Сост., подготовка текста и коммент. Г.В. Краснова. – М., «Худож. лит.», 1978. – Т. 1.
173. Толстой, Л.Н. [Текст] / Л.Н. Толстой. Сочинения. – М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1996.
174. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений. Драматические произведения 1864 – 1910 [Текст] / Л.Н. Толстой. – Т. 11. 1985.
175. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. 1884 [Текст] / Л.Н. Толстой. – Т. VIII. – М., 1984.
176. Урасинова, О. Перспективы исследования духовной культуры бессермен [Текст]: научно-метод. и информац.-публицистич. журнал / О. Урасинова // Исследовательская работа школьников. – Можайск. Можайский полиграфический комбинат.
177. Ушинский, К.Д. Избранные педагогические сочинения в двух томах. Проблемы русской школы [Текст] / К.Д. Ушинский // Вопросы о народных школах. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1974.
178. Федорова, В.П. У истоков зауральской фольклористики (XVII-XVIII вв.) [Текст] / В.П. Федорова // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора. – Т. II. 2006.
179. Федорова, В.П. Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX века [Текст]: монография / В.П. Федорова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2001.
180. Федорова, В.П. Итоги и проблемы изучения народной культуры в Зауралье (конец XX века) [Текст] / В.П. Федорова // Локальные традиции народной культуры в конце XX века: материалы региональной научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2002.
181. Федорова, В.П. Местный колорит в сказках [Текст] / В.П. Федорова, Е.В. Рычкова // Сто сказок Южного Зауралья: Учебн. пособие. – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2005.
182. Федорова, В.П. Роль православных священников-просветителей в культуре Зауралья [Текст] / В.П. Федорова // Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции (Курган, 22-24 апреля 2005 г.). – Курган, 2005.
183. Фольклор и литература Зауралья: Из истории русской фольклористики: Хрестоматия [Текст] / Сост. и авторы статей В.П. Федорова и Е.Н. Колесниченко. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.
184. Хализев, В.Е. Теория литературы: Учебник [Текст] / В.Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 2005.
185. Хандрос, Л. Уральский математик (И.М. Первушин. К 60-летию со дня смерти) [Текст] / Л. Хандрос // Вечерний Свердловск. – 1960. – 30 июня.
186. Хорошилова, Л.Б. Женское образование и воспитание [Текст] / Л.Б. Хорошилова // Очерки русской культуры XIX века. Культурный потенциал общества. – Т. 3. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2001.
187. Хромов, О.Р. «Сотворение мира» в русской лубочной традиции

Шадринский вестник
статья № 132 «Либеральные мечтания»

- [Текст] / О.Р. Хромов // Живая старина. - М., 1997.
188. Чередникова, М.П. Типология повествовательной структуры в мемуарах о Великой Отечественной войне [Текст] / М.П. Чередникова // Сказка и несказочная проза: Межвузовский сборник научных трудов. - М.: Изд-во «Прометей». МПГУ им. В.И. Ленина, 1992.
189. Чистов, К.В. Русские народные социально-утопические легенды 17-19 вв. [Текст] / К.В. Чистов. - М.: Наука, 1967.
190. Шару, А.К. Член - корреспондент трех академий. К 155-летию со дня рождения И.М. Первушина [Текст] / А.К. Шару // Календарь-справочник Пермской области на 1962 год. - Пермь, 1961. - С.9-10.
191. Шестерикова, Н. Первушинское число: 22 января исполнилось 175 лет со дня рождения уральского математика И.М. Первушина [Текст]: лит.-краевед. выпуск № 38 / Н. Шестерикова // Исеть (г. Шадринск): Шадринский городок. - 2002. - 30 января - 5 февраля. - С.6.
192. Шмелев, И.С. Избранное [Текст] / И.С. Шмелев. - Москва: Правда, 1989.
193. Элиасов, Л.Е. А.В. Анохин-фольклорист [Текст] / Л.Е. Элиасов / Русский фольклор Сибири. - Улан-Удэ. - Выпуск 2, 1974.
194. Ярневский, И.З. Устный рассказ как жанр фольклора [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.З. Ярневский. - Улан-Удэ, 1966.

Сообрази, милая, насколько ты благородна и благовоспитанна. Если ты любишь людей, не беспокоивай их своими модными нарядами, атласом, жемчугом... эта добыча стоит крови и проклятий. Выйдешь ли ты за попа или за хорошего чиновника или за купца - все равно, лишь бы любил тебя и был любим навек и не на год, не на первый медовый месяц... Я не страшаю, но говорю все может вдруг измениться... Суженый может оказаться пьяницей, под уголовным делом; злым стным банкротом, дураком, деспотом и варваром... Положим, он отличного нрава, любит тебя, но бедность застанет врасплох... пожар, убийство, страшный недуг... все, все вероятно... Помощь Всевышнего — надежда, не для всех питательная. Надобно иметь здравую веру в дела добрые ко благу общества, т.е. простонародья, а не светских скакунов и сплетников, зубоскалов, проживающих ум и сердце своих идолов или рабов... Спроси себя, можешь ли ты жить и век прожить собственными средствами? Не можешь, так можешь ли жить весело, здорово, на счастье и радость близких сердцу, - жить ограниченным всегда жалованьем и беспритязательными доходами? Если честно можно приобрести 500 р. сер., а твой план жизни на полторы тысячи целковых ежегодно, то вдвое против ассигнованных средств нужно прибегать к искусственным мошенничествам. Не говори, что все ныне так живут. Много свиней сегодня, завтра может быть и меньше... А честный человек всегда честный... его гонят и преследуют все плуты: но он тверд сам по себе, а не по протекции... Чиновник всегда, всегда почти мошенник; иначе и быть нельзя без взяток. А попом может быть идолом прихода и жить добровольным подаянием, особенно если жена его дорожит любовью его стада...

Через месяц и неделю. Неловко наблюдать за некоторою особою... И в чужое дело соваться с своими взглядами и советами более неловко У нас все еще зависит от судьбы, за недостатком здравомыслия и размышления... До брака друг друга обманывают, проводят, не знают вовсе. Если появится кутерьма — бесполезные сожаления, вздохи, проклятия, укоры... Надобно прямо спросить: если бы мне досталась и каторга, будет ли моей утехой в несчастье? Едва ли у вас есть такая любовь крепкая в столь хрупких барышнях? Едва ли они любят кого-нибудь и что-нибудь более своего тщеславия?! Если даже воспитание дать девочке, не бездушная ли выйдет кукла, если не займется социальными вопросами? Видят и ценят самих себя, а отнюдь не общество. Под обществом разумеют — духи, танцы, блонды, обручи... все французское, немецкое, английское, а отнюдь не русских черных и темных людей... Сих и рукой коснуться забоится любая барышня, - в обморок упадет. А скажи-ка ей: полюби его всей душой, как брата, как отца кормильца: отвернется как от мечтателя безумца. Куда же мы стремимся при таком разъединении с родной почвой, при таком презрении к родному, русскому? И где плоды нашей образованности, нашей гуманности, либерализма? Мы все будто трудимся на пользу общую, восхваляем самих себя, а даже не знаем как приняться за дело общепольное: за научение грамоте, ремеслу, законности, порядку, стойкости за правду.... Один высунется вперед, другие хохочут и радуются его неудачам... И от женщин ли искать чего-то высшего, неземного совершенства, когда мужчины-варвары и деспоты. Кто виноват? Муж или жена? Не об одном развитии талии заботиться должно, но в развитии мозгов, посредством наук естественных и положительной философии, реальных мечтаний. Идеал счастья должен быть не в лени, в отсутствии всякого движения и беспокойства, - напротив, в борьбе за свободу с природой и людьми, в непрерывной деятельностной неутомимой рабо-

те духа и мысли... Бабы тоскуют, девки фантазируют: одни очарованы, а другие разочарованы. Все пустые мечты, а дела ни на грош. Желательно проникнуть, о чем мечтает девушка, не знающая, в чем состоит брак физический... Она уносится за облака и для нее впоследствии гнусно — запачкаться материальностью. И еще ее болванят! (...). Что благороднее для попадьи или чиновницы: вышивать ли гарусами замысловатый пояс для мужа и гнуть коробку над работой с утра до вечера, или же учить грамоте, шитью и вышиванию девочек мешанских или крестьянских три-четыре часа в сутки? И не лучше ли одно занятие сменить другим попеременно? А постарайтесь-ка убедить женщину к самопожертвованию в пользу просвещения; она ответит в то, что нужно собрать учениц, и нужно-де кому пол мыть, да и ученые не так еще зазнаются... и прочие премилые отговорки. Если же и начнет учить, соскучится, все ей опротивеет, — и шум, и гам, — все просто надоест, будет лихо! А сладко бы мы ели и с крестьян брали и тем и сем!!! Впрочем, ведь, и собирать <...> неохота, дожидаться по десяти минут всякой бабы, от иных слышать выговоры и упреки к каким-де я не привыкла в благородном доме родительском... Не привыкла, не видела, не знала, не подозрительском... На каждом шагу искренняя исповедь в невежестве зрела... На каждом шагу искренняя исповедь в невежестве прекрасного пола. И замужем не так; скучно так учиться. Лучше-де ничего не знать да не думать... Научатся да зачитаются — не знают ни Бога, ни царя... бунты делают, не крестятся и не молятся... своевольничают; смеются над начальством... А так ли должно? Бог велел-де почитать; хоть палку поставят — слушайся, не умничай... Вот как наши дамы побаиваются грамоты, письма, чтения, просвещения! Как бы-де с ума-разума не спятить!!! А написать письмо, а выразить свои страдания при столкновении с незнакомою доселе жизнью — и хотелось бы, да уменья нет. Бедные страдальцы! Как им на бумагу перелить свои сердечные скорби и думы? Безграмотность —

несчастие их. Они стремятся с своею задушевною любовью не к мужу, а к отцу и матери; жалеют о том, что физическая нить между ними порвана в день рождения... Они не понимают жизни, скучают, мучатся и мучат, страдают, умирают преждевременно — не понятые, не умеющие высказаться, по милости невежества. Теперь «другая пора» и девочек учить должно, непременно нужно. Учите их основательному суждению и о природе и о людях. Наука и им нужна. Они не падчерки, а дети же.

Приложение № 2

Шадринская местность № 1,
7 января 1862 года

К чему описывать других? Сам не лучше их. Стыд глаза в люди показать. Всех осмеял. Поди-ко, как хорошо и смотрят на тебя. Сидишь, словно облеваный; вот-де пришли описатели, сочинители, Умнее всех себя представляешь. Вон кум поумнее, да не сунется других смешить; молчит. Ныне век такой: берут и тем живут. Пожалуй, не бери; без хлеба, без рубашки насидишься. И то смеются, что собаке нечего бросить... А что вон посмотришь на других, как живут: стулья, диваны — все сафьян, под чехлами; фортепьяна, зеркала, — везде порядок, чистота. Варенья подают в вазах по моде, а у нас и тарелочки нет порядочной. А какие чудные платья заводят. Атласные башмаки каждый месяц меняют, В пять целковых сетку носят. А мы нищие — с твоей-то правдой да гласностью. Того и смотри, что и с места-то слетишь... Начальству будто приятно, когда говоришь про супрядки, про миро... Берут да умеют концы хоронить. Не то что ты украл бы, да не смеешь, взял бы, да не сумеешь. Нет, ты из зависти описываешь... Сделали бы тебя начальником; увидели бы, как бы ты стал рвать, лучше бы других. А теперь ругаешь хоть бы ***, человек на виду у начальства; конечно, сам посылает; за то и не скоро его стол-

кнет кто... Нам и выйти теперь в люди нельзя; со всеми рассорился. Например **** прежде заезжал к нам, а ныне и от окошек отворачивается, когда мимо едет. И все из-за ведомостей. Экая важность, что не получаешь. Все не получают да молчат. А знаешь, он сделает тебе какую-либо неприятность, и пропадешь. Любо нужно будет помощь в чем от него; не поможет; еще подпакостит. Стряпчий справедливо говорит - не задевать вилок, отплатят вилами, да наше ли дело судить? Судит их пусть бог один, а не мы такие же грешники.

Гласность вредна; она не исправляет, а только других соблазняет на худые дела. Если хочется исправить человека; возьми библию, раскрой ее, прочти слова Спасителя, пророков, апостолов: объясни их, расшевели сердце слушателя, убедди его последовать тесному пути в царство Небесное. Тогда он исправится. А то: описания читают и хохочут только, а не исправляются. А людям невинным соблазн, да и простой народ соблазняется гласностью. Может подумать, что все таковы, кто повыше его; пожалуй, и слушаться не станут. Вот на Западе гласность что наделала! Везде возмущения, бунты, свои желания прихотливые ставят выше законов...гонят одного короля, принимают другого. Восстают на самое духовенство и уничтожают веру. Один делает нехорошо, а описания направляют на всех, как будто и все негодные люди, будто уж нет на земле благочестия, правды, нестяжательности. Вот и консistorия на нас сердится. Знаю, что вы справедливо требуете себе должного. Но вы требуете, хотите вынудить у нее возвращения недоданного, а не просите смиренно. И ей не хочется поддаться вам, срезаться. Оставьте же ее в покое. Ведь сделает замечание, другое, да как очернит потом; вот, и пропадете навек. С начальством шутить нельзя. Нам забавно, а там сердятся. Как раз приплюснут! Тогда раскаяние ваше будет поздно. Гонитесь за пустяками, а потеряете все.

Шадринский вестник
«Сказка о попе и мужике»

Жил мужик нужнитной у попа в суседях. У него избеночка худиныка, одни сенцы и клетки нет, а жена у него хорошая, баская. А поп и заглядел на нее, на молоду, и ходит к ней, и говорит: «ты согласишься со мной..., дак я вас с домом сделаю». Она не может отбиться от попа и сказала мужу: «Что это, муж? Я не рада стала попу; одолел уж меня; не знаю, как и что делать?» И говорит муж: «Хозяйка, не можем ли обмануть попа? У нас в сенях-то бочка; возьмем нагребем в бочку-то сажи, насыплем больше, не сядет ли он? Не заманим ли попа в бочку?» Запряг мужик лошаденку и поехал по дрова; уехал на гумна. Поп в окно и глянул; оболокся, да и пошел к суседу в гости. Пришел да и зачал опять хозяйке: давай да и только. А она отбивается: «Молчи-ко ты, я поправлюсь; он ведь долго не будет, уехал по дрова; где — чесом-ли? Я уж кровать сделаю; ужели на полу?» Постелю послала; он и разболокся, тулуп с себя снял и лег на постелю в одной рубашке; ее и торопит. Она в окно и глядит, а муж-от и едет. Она и подходит ко кровати-то. Мужик там вдруг на улице приехал ко крыльцу да и тпрунает — тпррру! Она и говорит: «батюшко! Куда я тебя деваю? Беги в сени, сядь в бочку-ту посиди; он ведь снова уедет, видно чего забыл». Поп вскочил да и в бочку. - «А тулуп то куда?» — «Я в голбец спущу». А мужик прибежал в избу, да матерится: «Скорей, пособилай мне»; взял бочку, закрыл дыру-то, веревкой укутал: «Ступай скорей, потащим бочку; вот ведь люди-то...». Взял бочку на дровни и положил; взял сошник с собой да оглоблю; сошник привязал к оглобле на сидельник и приехал на озеро. Взял, выдолбил дыру-прорубь и сел к проруби, а сошник спустил в воду; за оглоблю-то и держит. А становой и едет мимо-то; посылает ямщика: «спроси-ко — чего мужик делает?» Ямщик прибежал, спрашивает: «Чего, мужик,

делаешь?» «Чертей ужу». «Да как ты удишь?» «А вот сошник спущу, сглотнет, дак не сорвется, все вытащу; вот уж одного выудил». «Где же он у тебя?» - говорит. «А вот, в бочке». И пошел ямщик к становому, спрашивает становой: «Что мужик делает?». «Он бает: чертей ужу, одного выудил, охота других, так парочку». «Я пойду, посмотрю: покажет ли мне черта, коли черт, посмотреть надобно». Ой! Какой худой ум у станова! И пошел становой, пришел и говорит: «Покажи-ка, дядюшка, мне черта!». Он говорит: «Нет, нельзя казать: выскочит». «Возьми; - говорит, - 100 рублей, да покажи». Мужик не кажет. «Двести возьми, да покажи». Мужик не кажет. «Триста возьми; покажи-таки черта». Он маленько отвязал: дырочку и сделал. Взглянул туда в бочку и отскочил: «Совсем тот, - говорит, - волосы-то долги, весь черный». А поп, в самом деле, сажей измазался. «Э!» и бежит к повозке-то, перепугался. А хозяйка-то становаго и говорит: «Я бы посмотрела». «Даром не покажет. Я ведь триста рублей отдал». «Ну, хозяин! Разве уж ли у нас денег нет? Я пойду, посмотрю; отдам 300». Сама и пошла: «Дядюшка! Дядюшка! Покажи мне черта». «Я ведь даром-то не показываю; давай и ты 300». Она взяла и отдала ему 300 опять. Он взял и открыл; она и взглянула и испугалась: «Ой! Совсем тот!», сама и побежала от бочки-то, испугалась. Он взял да развязал веревку-то, да и сказал: «Убирайся скорее, косматой!» Поп выскочил да и побежал к становому, а они почище испугались; думают, черт за ними бежит; угнали. А поп домой рад убраться. Прибежал, вымылся, вырядился, дома молчит, ничего не бает. Мужик приехал, говорит: «Ну, хорошо; Бог дал нам, 600 взяли». Утром на другой день стал, надел попов тулуп-то. А поп видит и говорить не смеет, что мой. На другой день пошел в гости к попу в тулупе; праздник ведь. Попадья и говорит: «Поп? Ровно наш тулуп-то на мужике-то!». «Что ты говоришь? Ужель у нас у одних тулупы-то?». Мужик в тулупе басится, а на деньги пирует, гуляет да мало думает.

III. Как спасен утопающий в море пороков, или
суд мирян над Тимкой Козырем

Народная быль
Батюшки! Спасите! Погибаю.-
Погибай! Взять, ты не нужен нам: дурень сам.-
Спасите! Водки обещаю.-
Семенович Иван!
Подай ему аркан...
Он годится нам.

Сельский старшина (объявляя сход):

— Слушай, мир! Вы приняли присягу. Слушай и понимай». Писарь (читает): «П. Волостное Правление пишет что, по решению N палаты уголовного и гражданского суда, состоявшегося... числа 18XX года, крестьянин N уезда, N села, Тимофей Иванов, оглашаемый в разных предосудительных поступках, как достаточно в них не уличен и сам не сознался, а потому и определено с ним поступить по ... статья... тома Свода Законов, изданного 1842 года. Ну, понимаете ли вы? То есть, его, Тимофея Иванова вам отдать на мирской суд, спрашивают приговор ваш о решении его участи: хотите ли вы принять его в общество. или же находите вы нужным сдать его — Тимофея в солдаты в зачет миру; или, если бы он оказался по телесным недостаткам туда негоден, удалить его в другую губернию, — значит, по-вашему, и в случае удаления его — Иванова из вашего общества, как его семейство обеспечить. Вы ходит: какие дать средства его жене и малым ребятишкам? Чем и как они до возраста станут жить и питаться? Ну! Понимаете ли?». — Миряне: «Чуем чай, Ваше почтение, понимаем, да о каком Тимофее-то Иванове?». Писарь и старшина: «О Тимке Козыре. Знаете волчонка Тимку Козыря?». — Миряне: «Чай, этого хватугу как не знать — его, шатня, знаем, знаем, Ваше почтение, господин старшинушка!». Старшина: «Ну! Коли знаете его. то и дела его вам поди известны: судите же о

нем, подайте нам голос». Писарь: «Смотри, старики! Чур не двосторонничать. Говори что дело, а на околицу языком не броди; руки недавно держали вверх. Ну, начинай! Толкуйте, и подайте голос!».

Начали разговор в кругу мирян. Пахом (старик правдивый): «А, по-моему, надо принять Козыря. Надо баять правду: присягу принять, братцы, не шти хлебать. Я первой не знаю, — больших шибко грехов за ним равным к <...> чево-то с <...> подозревали. Да мало ли чего Жданко — то не наболтает. Бог простит! Ребятишки у него малые; дело бедно, помилуй, — ни кола, ни двора; а сам он молод; исправится ужно». Игнатий: «Это, братцы, не беда, что в хлебе лебеда; его грехи — бог суди, а не мы — грешны люди. Заесть человека недолго, да дать Богу ответ тяжело! Кто их знает, как, чего у них было. Я знаю: Тимка попировывал, а более я не знаю. А грех, да беда над кем не бывает? Кто молод не был? Скор ответ не лучше. Мой, старики, совет: лучше Тимку примем, авось и образумится. А жив друг не убыток. А в случае, от воли мира не уйдет. Теперича простим Козыря. Уж еще станет калабродить; пикнуть ему не дадим, — всем миром начальству и отдадим его — плута». Петр, Трофим и из прочих некоторые: «Правда, правда, старики! Чево Козыря губить. Надо принять. Чай, исправится. Посудите сами: зелен виноград не сладок, а молод ум не крепок». Кирила (пристрастный к вину): «Да чево баять! А как сам на дому, так и ему самому! Взять рыбу — берегом ловят». Голос Кирилла подержала большая часть голосов. «Так, так! Небось, дядя Кирило, это было». Козырь (смекнув намек Кириллы — в чем дело, ставая на колени перед миром, кланяясь, просит) — «Старички-батюшки! Сделайте божескую милость, хоть не для меня, а ради моих ребятишек. Будьте милостивы. Я ни в чем не откажусь. Все, что мир прикажет, послушен буду (Это Козырь обещаает себя исправить, и быть исправным в повинностях)». Афанасий (как собутыльник Кирилла, поддерживая его замыс-

лы, серьёзным тоном): «Да, чево? Не то еще нужно...». Козырь (уныло) «Да, чево, батюшки – старички, чево угодно? (Будто не понимает намек на вино)». Кирилла: «Сам знашь!» (крикнул, повыся тон, и, делая пример рукой, будто пьст). Козырь: «Отцы вы мои, батюшки – старички? Да, как на чем дело? Как это? Я от миру не прочь, на мир не челобитчик». Кирилла (перемигнувшись со своими сторонниками, маяча рукой, показывая число пальцев): «Диковинок! (диковинка загадочно значит – четверть ведра вина)». Козырь (тоном, возбуждающим к милости) «Ей богу! Старики, не могу, не в силу это опитенье. Как хотите, да помилуйте!». Партия Кириллы (с досадой подает голос): «Не надо Тимку! Не надо Козыря! Куда его плута? Еще возить, да отправлять то в слободу (Волостное Правление), что к становому; то свидетелей по его делу собирай, а все мирска шея отвечай. Еще не навозились с ним?! Не надо! Будет ему маять мир! В солдаты его! По дороге!». Партия Пахома (с упреком): «Полноте, старики, пустячничать; не ба лагурить пришли; надо говорить – что дело; надо принять Козыря. Ведь он нам же годится. Ну, если станет поматывать? А старшина-то на что? Пусть ему портки-то почаще меняет. Дери он его, как брыкску козу! Ведь он не баран же. Небось одумается, как задница – ж у его сдуется». Партия Кириллы: «Не надо! Сказано – не надо! Куда дерево наклони, туда и гни. Худой корень из поля вон. Легко дело: по копейке или как с душу – платить в год за ней надо; а ребята по миру обойдут. Прокор мим!».

Козырь видит – беда, гибель его близка; более голосов осуждающих обещается в понятном тоне партии Кириллы. Тяжело – десять бадогов. (обещает вина).

Проделка и позор Козыря прикрыты полугаром: Постановление мира утверждено, улажено к спокойствию его. Затем немздоимственные судьи-миряне, по окончании сходки, отбывают к обещанному <...>, где и услаждают свои усталые от

подвига беспристрастного суда чувства с самодовольствием, и после того, деликатной ступью, с трофеями пира шествуют в свои штабы. А герой наш, Козырь, с тех пор, как бы переродился, – ведет жизнь довольно аккуратно, трезво, с поведением; устроил домишко; уже женил сына, и живет, пожалуй, хоть куда; едва ль не лучше некоторых из тех, кои произносили не по желудку его приговор. И его почти не называют Козырем, как прежде. Козырем он оттитован был потому, что наследственное по смерти родителя своего довольно порядочное имя и далее он прокозырял за штрафы и полуштофы извещенного вещества.

Ну, что, благосклонный читатель, сам уже заключаешь, какая бы постигла участь Козыря, если бы не благотворная сила специальных или полугарных бадогов. Ай да бадого! Спасибо мужичкам! Честь и слава вам! А большое спасибо специальным бадогам! Да вот, по пословице народа – удача в суровой куделе. (переписано Первушиным 21 января, крестьянин П.М.).

IV. Рассказ крестьянина, записанный им самим

Читатель! Скажу тебе следующее, хотя оно давно прошло. Жалко, безвестно пропадает. Сие случилось Пермской губернии Шадринского уезда За –го села, 23 июля, примерно лет 25 назад (около 1895 года). Крестьяне шли в луга на покос. Так, пришли не рано. Когда не было лодок (батов). Они были на другой стороне. Крестьянам ждять некогда, говорили: «Ребята, кто удал плыть за лодкой?». Так, при них два молодца сняли одежды; спустились на воду, плыть за реку. Река ширины 30 сажений. У края была трава, длиной со дна тянулась 5 аршинов, густа. Как ребята пустились в нее, неизвестно от чего перевернуло назад одного из них. Один опустился на дно, другой проплыл спокойно. Вот закричали на другом берегу: «Боже, боже! Надо спасти погибающего!». С испугу снял рубашку с себя один и в портках пал в воду; другой – за ним;

пали в воду,плыли на то место, где утонул. Так, один нырнул на дно. Утонувшего (утопавшего) настиг на самом дне и с ним поднырнул верх воды. Так, с помощью другого принесен на мель, где было только 2 аршина. А до твердой земли было 5 сажень. Вынесли на берег, положили на траву, откачивали его. Потом пришел в чувство. Положен в лодку и везен в дом отца своего. Был болен, потом выздоровел. Еще жив ныне, 1861 года. Имеет детей – сыновей 4; дочери 2. Живет хорошо. Жалко прошли без награды те, которые спасли погибающего (погибавшего). (Крестьянин Н.А.Х., записан 28 января суббота).

V. Один анекдот о крестьянском простодушии

В одном из зауральских мест, в небольшой деревеньке, эдак домов в двадцать состоящей, случилось следственное дело о самовольной порубке леса. Самовольный порубщик был Козьма с товарищами - однодеревенцами. Дело-то делопроизводства было поручено становому приставу Ивану Васильевичу, который обычным порядком приехал в сказанное деревенское село. Собрав подлежащих к спросу людей из общества, - известное число человек для повального по тому делу вопроса, следовательно начал допрос. Обыкновенно от порубки леса отрекались все порубщики кроме Козьмы, который на этот раз не был спрошен. Что же после этого было приставу делать? Принужден он под присягой спросить соседей Козьминых, - не видали ли они, или не слышали ли, - точно ли Козьма с товарищами самовольно рубил лесов? Что же объяснили простолюдь под присягою по вопросу о порубке леса? Они, должно полагать, знали весь ход самовольной порубки, но положительно обсказать обстоятельства лесной порубки им не хотелось. Сказать же на отрез, что не видали и не знают, - боялись Бога, так как приняли присягу; также страшились, может быть и того, что, если ложность их показания откроется, то они будут повинны суду гражданскому. И потому, когда при-

став спрашивал их: «Что, старики, вы знаете, что Козьма рубил самовольно тогда-то и такой-то лесов?», они, простаки бородатые, все объяснили единогласно, что «Бог знает»; и на повторенные вопросы твердили одно и то же, - ни одного слова более в ответ не мог добиться от них пристав, - кроме «Бог знает». Каково, читатель, дети природы по простоте мужичьей отвечают?! Придумай, умник образованный такой ответ, как «Бог знает». Чиновнику нельзя к мужичку придрать-ся, - что спрошенный ничего о деле не отвечает; он говорит - на вопросы дает ответы, не отказывается, но ничего и не ска-зывает, хотя и знает обстоятельства дела. И против клятвенного обещания едва ли погресишь, потому что предоставил следователю осведомиться о деле у самого Бога. Видите, как мужички простодушны! Заметь, читатель! Сколько бы разго-воры мужичков - простолюдинов нам не казались странными и юродливыми, но они все говорят не по простоте, им оши-бочно приписываемой, а по особенной простонародной ло-гике. На все это они имеют твердые основания. Таким обра-зом, дело совсем клонилось к отделке (изъятию) Козьмы от самовольной порубки, да на вид Козьма был глух и простоват, вероятно, плохо затвердил общий с товарищами урок отрека-тельства. Он и сказал бы, что лесу не рубил, или иначе увер-нулся бы, да пристав был сметливой и ловкач, положим. Спро-сил Козьму одного и не так, как его товарищей спрашивал: «Что-де Козьма, прочие твои товарищи говорят, что хотя они и были в лесу, да не рубили оный, а говорят, что рубил ты один, а они только малость, даже не за что их и судить-то». Куда, да и опро-стоволосился тогда сказав, что лес рубили и все его товарищи. Но как бы то ни было, по силе Высочайшего Манифеста 1856 года, дело это должно было прекратиться».

Крестьянин П.М. (переписано Первушиным 11 августа)

Шадринский вестник

Крестьянские статьи философской направленности

VI. Действительно ли крестьяне – русские мужички так простодушны, как об них заключают люди ученые? – и правду ли говорят: «Сыт голодного не разумест?»
(русская пословица)

Да, действительно, читатель, эта пословица – русская; и на святой Руси она везде оправдывается практикой. Что правда, то и правда. И всяк к себе гнет мякишем. И всякая слепая в свою пользу смекает, а о голодном брате и горя нет. Это тоже поговорка русская простонародная; но не простые слова, на обум или авось сказаны. А что же заключается в этих поговорках? В них я нахожу точно быль и практичную основу, выпирающую себялюбие, злобу, ненависть международную, отпечаток низостей и неправды, и разные слабому от сильного угнетения, царствующих в кругу простолюдинов. Куда ни взглянешь и повнимательнее всмотришься, всюду примечены между простолюдинами обманы, клеветы, разнородные развраты, ложные разглашения, нередко вредящие общественному спокойствию. Так положительно бывают ими же выдумываемы между собой сплетни и пустяки частные на разные манеры, что едва ли какой угодно образованный человек на первый приступ сможет их в сплетнях и лжи остановить и урезонить, а тем более отучить от оных, сколько бы он ни был умен и красноречив.

Итак, хотя мужичков-простолюдинов и считают многие из знатных особ людьми простодушными (простодушными) по их сельской жизни, простой одежде, прищипливым разговорам, неграмотности и по прочим отношениям, и полагают, что мало-мальски образованному легко ввести их так сказать

впросак обмана наряду с детьми природы стран тропических, но нет, это мнение господ знатных особ совсем ошибочно. Они – знатные – большей частью с простолюдинами никогда не живали и в положение образа их повседневной жизни не вникали, да и вникнуть им невозможно – по особым причинам, о которых не к чему здесь распространяться; следовательно, все приемы в жизни простолюдинов кругу образованному знать недоступно. Да и как же все узнать у них с точностью? Один сидит в сенате с молодых лет, никогда не побывав в провинциях, кроме того проездом, по тракту, а не в селах и в деревнях. Другой служит в каком-нибудь ином губернском или столичном присутственном месте, – где должности занимают исключительно лица знатных фамилий, и кончившие курсы образования в высших учебных заведениях, в которых они были затворниками с юных лет. А как заведение такого рода всегда в столичных и губернских городах, и как знатные особы из заведения – прямо и на почетный стул или табуретку в присутственное или иное почетное место, не поживши наперед в кругу крестьян, в особенности мест захолустных; то как же им и узнать, доподлинно ли простолюдые так простолюдыны, как об них думают?! Но им, читатель, это – ошибка не совсем простительная; они об этого рода предметах рассуждают по теории, а практика в этом случае им еще не раскрыла тайны. Если бы из господ знатных кого угодно, хотя бы и советника к-нибудь одеть в мужичье платье, во всем сравнять (хотя и приватно) с мужиками, чтобы они вполне могли считать его за панибрата себе, а потом мнимого мужичка непременно вывести на кафедру деревенского мироправителя, то есть сделать его деревенским или волостным начальником (только это с тем, чтобы бородачи не знали, что это есть и был чиновник): то, небось, я полагаю, что у такого господина не привычки и всего противоположность его теории, что его заботила бы голова его собственного тела, и заботила бы уже

не по-дворянски, а просто по-крестьянски. Конечно, образованный начальник уничтожил бы беспорядки народные. При нем не стало бы пьяных мирских сходок и прочего, но все это обошлось бы ему дорого – за все это прежде поплатился бы господин такой трудом и здоровьем тела и души своей. Вот сколь легки простодушные дети природы-мужички. Они, по моему мнению, или по крайней мере как мне кажется совсем не таковы, как об них рассуждают обманывающие себя в этом случае люди. Эти – то почтенные деревенские бородачи и их отпрыски столько хитры, лукавы, хищны и увертливы, как лиса, неблагодарные и мстительные до крайности из-за пустяка, особенно коснись дело их интересов» (Крестьянин П.М. 12 августа 1861 года, переписано П-ым 21 декабря).

VII. Заметки из быта крестьян, живущих на Сибирской стороне Урала, в Пермском краю, в одной из местностей Ш.У.

Крестьянин П.М. размышляет о причине дороговизны хлеба, заканчивает рассказ пословицами: Недаром две пословицы гласят: каменщик без печки, или (печка) с дымником плохим; Чеботарь – босые ноги, иль худые сапоги; Пахарь – хлеб с мякиной, а не то голодный стал; зато вино в зубах не вязнет, хотя брюхо голодно.

VIII. Пожары в селениях государственных крестьян Пермской губернии и благоустройство пожарное
Размышления крестьянина П.М. о причине пожаров (записано 29 декабря 1860 г. Крестьянином П.М., переписано И.М. Первухиным 23 января 1861 г.).

IX. Путевые заметки о сибирской местности, от города Шадринска Пермской губернии до города Омска Тобольской губернии

Да, снисходительный читатель! (особенно мало слушают людей малоизвестных. Впрочем, я во имя гласности, не лиш-

ним считаю поделиться моими заметками, от -/- собственно до крестьян и поселенцев, обитающих в сказанной местности. Пишут же разные сказки, совершенный вздор и пустяки, и на то есть чтецы. Я писатель неученый высказываю истинную быль. И почему же мне не поговорить о тех бедняках, как на пользу их, так и всех вообще?<...>.

(крестьянин П.М., записано 16 мая, передано в «ШВ» 19 июня).

Приложение № 6

Иллюстрации к устным рассказам

1. «Тимка Козырь вытягаем арканом из воды» («Как спасен утопающий в море пороков, или суд мирян над Тимкой Козырем»).

2. «Так спасают погибающего в воде» («Рассказ крестьянина, записанный им самим»).

3. Иллюстрация «Проводы покойницы на кладбище» к диалогу

– Александро, Александро! Гляди-ко чудо, один покойника-то несет.

– Чудак, Тимофей! Это несет гробницу только, а не покойника,

– Где он, покойник-то? А кого это хоронят?

– Видишь, Тима, говорят – как-то в городе-то барыня умерла.

– А где же, Александро, она – покойница-то?

(Александро шутя) – Видишь, братан Тимофей, в городе-то не по-нашему хоронят. Покойных-то под руки водят, а по-деревенски на головах не носят. Вон, должно быть, в артели-то ее и ведут.

(Тимофей не совсем приметя шутку) – Какая диковина!

Орфография и синтаксис даны в соответствии с рукописью.

Научное издание

Валентина Павловна Федорова
Гульнара Рашидовна Шарипова

**ИВАН МИХЕЕВИЧ ПЕРВУШИН -
ПРОСВЕТИТЕЛЬ, КРАЕВЕД**

Монография

В авторской редакции

При оформлении обложки использовалась фотография из фондов государственного учреждения «Государственный архив в г. Шадринске»

Подписано в печать	Формат 60x84 1/16	Бумага тип. №1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 12,00	Уч.-изд. л. 12,00
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет

Отпечатано в ГУП «Куртамышская типография»
Курганской области.
641430, Курганская область, г. Куртамыш, ул. 22 Партсъезда, 7.
тел./факс 8(35249) 2-15-59

Курганский
государственный
университет

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

43-38-36